

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 10(118)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки. Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Репин Д. А. — доктор социологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Омск);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
Deputy Chief Editor: Repin D. A. — Doctor of Science (Sociology)

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — Phd in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 11 **ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Внешнеполитическое сотрудничество в практиках Союзного государства и вызовы международной политики

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 19 **АЧКАСОВ В. А.**
Национальная идентичность как исторический нарратив
- 27 **БАРАНЕЦ С. Н.**
Политические условия и направленность эволюции местной власти в современной России: от местничества и самоуправления к социальноответственной муниципальной общности
- 38 **ОРЛОВА И. А.**
Транснациональная среда мировой политики как фактор развития международного процессуального права

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 46 **ХАЛИН В. Г., ЧЕРНОВА Г. В.**
Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски
- 64 **ГЕТМАН А. Г.**
Актуальные вопросы управления рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности
- 70 **ПОЛЯКОВА А. А., КОЖАНЧИКОВА Н. Ю., ДУДАРЕВА А. Б.**
Современные тенденции функционирования рынка страховых услуг России
- 84 **ХАРЧИЛАВА Х. П.**
Подходы к оценке качества корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием
- 89 **ЧЕРНЫШОВ А. Н.**
Взаимодействие государства и НКО: возможности, механизмы, проблемы и пути их решения
- 99 **КАЗАНЦЕВА А. Н., ПЛОТНИКОВ В. А.**
Развитие системы внутреннего контроля в современных компаниях: теоретические подходы и предложения по совершенствованию

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 109 **РОНЖИН А. Л., ЖЕЛЕЗНЫ М.**
Цифровизация управленческих процессов в научно-образовательных организациях

- 118 КУГАЙ А. И., ЧЕРКАСОВА Т. Г.**
Религия и власть как стратегический и тактический механизмы социальной нормализации
- 126 БЕЛОВ В. И., СТЕПАНОВА Т. В.**
Сравнительная характеристика качества жизни населения в современной России: проблемы и пути решения
- 133 ФЕЛЬДМАН М. А., ТИМИН А. А.**
Экологическая политика в Свердловской области: проблема совершенствования инструментов

A LINEA

- 143 БЕЛОВ Л. П.**
Идеологический компонент концепта «сильное государство»
- 153 БЕЛЯЕВА И. Ю.**
Стратегически ориентированная система корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием
- 160 ИВАНЕНКО В. С.**
Международный опыт патриотического воспитания подрастающего поколения
- 169 МИХАЙЛОВА В. В.**
Новые информационно-коммуникационные технологии как фактор активизации политического участия молодежи

EDITOR'S COLUMN

8 FROM THE CHIEF EDITOR

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 11 SHAMAKHOV V. A., MEZHEVICH N. M.**
Foreign Policy Cooperation in Practices of the Union State and Calls of International Policy

POLICY AND LAWFUL STATE

- 19 ACHKASOV V. A.**
National Identity as a Historical Narrative
- 27 BARANETS S. N.**
Political Conditions and Directions of the Evolution of Local Government in Modern Russia: From Localism and Arbitrariness to Socially Responsible Municipal Community
- 38 ORLOVA I. A.**
Transnational Sphere of World Politics as a Factor of Development of International Procedural Law

POWER AND ECONOMY

- 46 KHALIN V. G., CHERNOVA G. V.**
Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks
- 64 GETMAN A. G.**
Actual Issues of Risk Management in the International Chains of Deliveries of the Goods Containing Intellectual Property Items
- 70 POLYAKOVA A. A., KOZHANCHIKOVA N. Yu., DUDAREVA A. B.**
Modern Trends Functioning of the Insurance Services Market of Russia
- 84 KHARCHILAVA Kh. P.**
Approaches to Quality of Corporate Management Assessment in the Russian Companies with the State Participation
- 89 CHERNYSHOV A. N.**
Interactions of State and NKO: Possibility, Mechanisms, Problem and the Method of Their Solution
- 99 KAZANTSEVA A. N., PLOTNIKOV V. A.**
Development of Internal Control System in the Modern Companies: Theoretical Approaches and Suggestions for Improvement

SOCIETY AND REFORMS

- 109 RONZHIN A. L., ZELEZNY M.**
Digitalization of Management Processes in Scientific and Educational Organizations
- 118 KUGAY A. I., CHERKASOVA T. G.**
Religion and Power as Strategic and Tactical Mechanisms of Social Normalization

- 126 BELOV V. I., STEPANOVA T. V.**
Comparative Characteristics of Quality of Life of the Population in Modern Russia: Problems and Solutions
- 133 FELDMAN M. A., TIMIN A. A.**
Ecological Policy in the Sverdlovsk Region: Problem of Improving Instruments

A LINEA

- 143 BELOV L. P.**
The Ideological Component of the Concept "Power State"
- 153 BELYAYEVA I. Yu.**
A Strategically Oriented System of Corporate Governance in Russian Companies with State Participation
- 160 IVANENKO V. S.**
International Experience of Patriotic Education of Younger Generation
- 169 MIKHAYLOVA V. V.**
New Information and Communication Technologies as a Factor in Increasing the Youth Political Participation

От главного редактора



Многообразие управленческих задач приобретает в России особое значение. В нашей стране одним из наиболее сложных и болезненных вопросов стало территориальное управление. Можно по-разному оценивать эффективность экономической политики в целом, реформы девяностых и двухтысячных. Однако бесспорным является то обстоятельство, что сегодня мы живем в совсем другой стране с точки зрения общего хозяйственного управления, как, впрочем, и управления политического.

Территориальное управление оказалось удивительно консервативным в географическом и в кадровом плане. Облисполкомы переселились в обкомы КПСС, расширились, обзавелись флагами и гербами. Впрочем, дело не в том, кто куда переселился. Вместо Исполнительных комитетов при «Со-

ветах» разного уровня, появились самостоятельные Администрации и Правительства субъектов Федерации, конкурирующие «Советами». Несколько позже в прошлое ушла и система «Советов» просуществовав с изменениями с 1917 по 1993 год. Таким образом, революционные изменения затронули всю систему управления, кроме ее территориального среза. При этом границы большинства субъектов Федерации унаследованы от советского времени, причем, как правило, не от 80-х гг. прошлого века, а от более ранних этапов развития.

Большая часть территории России — это не республики, а края и самые обычные области. Они создавались на месте прежних губерний под задачи оптимизации политического управления и промышленного развития. Возникает вопрос, а для решения каких задач существуют субъекты Федерации сегодня, в какой степени они обоснованы экономически, географически?

Экономисты и политологи знают, что эффективное территориально-политическое устройство способно стать дополнительным ресурсом развития страны. Верно и обратное. Устаревшее территориальное устройство превращается в механизм торможения.

Регулирование территориального развития не может быть результативным, если не будет основываться на приоритетах развития государства. Наличие адекватных теоретических конструкций тоже хорошо, но вторично, поскольку нет теории, применимой к такому объекту, как Россия. Территориальное развитие — такой режим управления, который обеспечивает положительную динамику уровня и качества жизни населения, промышленного и сельскохозяйственного производства, серви-

са. С точки зрения теории управления в основе территориального подхода лежит сочетание политической и экономической эффективности. Это сложная задача, и если не решить ее самостоятельно, найдутся желающие «помочь».

Существует международный аспект проблемы. Ряд советологов, в России и за ее пределами, указывал на то, что «...в отсутствие экономического роста, соответствующих административных структур или сдерживающих моментов, многие из этих регионов отдаляются от Москвы...»¹. Весьма откровенно по этому поводу высказывался Грэм Херд: «Запад должен быть максимально полно вовлечен в российскую политику, чтобы заполнить вакуум в области безопасности, образовавшийся в связи с упадком федерального влияния в регионах»².

Эту угрозу удалось купировать к 1999–2001 г. Однако системной работы в сфере пространственного развития долго не начиналось. Многократные реорганизации Министерства регионального развития усилили впечатление того, что пространственное развитие долго оставалось без приоритетного внимания руководства.

При этом необходимо отметить то, что вузовское, академическое, экспертное сообщество прекрасно понимало недостаточность государственных усилий в сфере пространственного планирования и управления, предлагало свои концепции.

Достаточно активно эта работа проходила на Северо-Западе России. Здесь следует упомянуть и работу нашего института, труды коллег из Института проблем региональной экономики Российской академии наук. В рамках ЦСР «Северо-Запад» была подготовлена «Доктрина развития Северо-Запада России» — первая попытка концептуально осмыслить стратегию развития страны на уровне крупной территориальной единицы — округа. Многие идеи, озвученные в доктрине, адаптированные по времени, примененные к другому масштабу, оказались использованы в Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Этот документ разрабатывался в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Вопросы содержания, состава, порядка разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации были отражены и в Постановлении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870.

Летом 2018 г. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» наконец была представлена для широкого ознакомления и вызвала серьезнейшую дискуссию. К примеру, неудачей для документа стали слушания в Общественной палате. Подготовленный в Минэкономике документ справедливо характеризуется нечеткостью механизмов реализации стратегии. Указания на специализацию регионов, как минимум, дискуссионны. Идея деления страны на 14 макрорегионов интересна, но заслуживает детального предварительного обсуждения.

В экспертном сообществе новая стратегия вызывает вопросы, среди которых достаточно много сугубо практических, к примеру:

Как будут соотноситься новые макрорегионы и территориально-политическое устройство страны, закрепленное, как мы знаем, в Конституции?

Следует ли рассматривать новые предложения как возврат к практике экономического районирования, адаптированного к новым экономическим и политическим реальностям?

¹ Гобл П. Россия нуждается в национальной политике сегодня // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 62.

² Herd G. Russia's Baltic Policy after the Meltdown Security // Dialogue. 1999. N 30. P. 202–203.

В какой степени оправдан акцент развития на агломерации и крупные города, не приведет ли это к новым проблемам на уровне малых городов и сельских поселений?

Учтено ли в документе мнение Президента России, который четко обозначил приоритеты по этому вопросу: «Пространственное развитие страны было связано, прежде всего, с развитием транспортной и другой инфраструктуры между населенными пунктами, с тем, чтобы пространство между населенными пунктами обживалось, было комфортным для граждан»¹.

В конечном счете большинство решений в этой сфере призвано повысить управленческую эффективность, имеющую, в том числе, экономическое измерение. Однако дилемма «эффективность или равенство» для столь большой и сложно организованной страны не может решаться в рамках одной модели.

В этом контексте следует вспомнить, что в Российской империи до 50% территории управлялось в рамках особых политико-правовых и экономических режимов. Учет региональной специфики, исторического опыта и лучших мировых практик — это способ обеспечить рост уровня и качества жизни населения в рамках сбалансированного социально-экономического развития. Будем ждать дальнейшего развития событий и участвовать в экспертной дискуссии.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

¹ Доктрина развития Северо-Запада России // под руководством П. Щедровицкого. СПб. : Издательский Дом «Corvus», 2001.

Внешиполитическое сотрудничество в практиках Союзного государства и вызовы международной политики*

Шамахов В. А.^{1, *}, Межевич Н. М.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamahov-va@sziu.ranepa.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Отношения России и Белоруссии следует рассматривать как самостоятельное значимое явление в масштабах Европы и постсоветского пространства. Существует масштабное сходство внешнеполитических подходов двух государств.

Вместе с тем четкое следование принципам международного суверенитета предполагает определенные нюансы во внешнеполитических курсах двух стран. Все эти вопросы следует рассматривать в контексте процессов экономической, а значит, и политической интеграции в Европе.

Ключевые слова: интеграция, Беларусь, Россия, международные отношения, приоритеты, суверенитет

Foreign Policy Cooperation in Practices of the Union State and Calls of International Policy

Shamakhov V. A.^{a, *}, Mezhevich N. M.^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; Shamakhov-VA@sziu.ranepa.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The relations of Russia and Belarus should be considered as the independent significant phenomenon in scales of Europe and the former Soviet Union. There is a large-scale similarity of foreign policy approaches of two states.

At the same time, accurate following to the principles of the international sovereignty assumes certain nuances in foreign policy of two countries. All these questions should be considered in the context of processes of economic, so and political integration in Europe.

Keywords: integration, Belarus, Russia, international relations, priorities, sovereignty

Оценка современных практик политического и экономического развития России, Беларуси имеет как теоретическое прочтение, так и очевидное практическое значение. Закономерен запрос на адекватную оценку событий 1990-х годов. После распада СССР руководством Беларуси и России был объявлен курс на экономиче-

* Работа подготовлена в рамках Договора о сотрудничестве между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и Академией управления при Президенте Республики Беларусь; Договора о сотрудничестве между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и Институтом Экономики Национальной академии Наук Беларуси.

Работа подготовлена в рамках проекта Фонда президентских грантов, выигранного Ассоциацией прибалтийских исследований: «Отношения Союзного государства России и Белоруссии со странами Прибалтийского региона: форсайт-2030».

скую интеграцию с объединенной Европой. В стратегических документах Беларуси и России было однозначно зафиксировано, что Европа и европейская интеграция выбраны в качестве приоритетных целей сотрудничества как с политических, так и экономических отношений. Однако и Россия, и Беларусь, несмотря на разницу в моделях развития и определенной асинхронности в экономике и политике, столкнулись с масштабными вызовами на европейском пути. В чем причина подобной ситуации? Для ответа на данный вопрос следует рассмотреть несколько важных моментов в истории европейской интеграции, одинаково важных и для Беларуси, и для России.

Проблемы региональной экономической интеграции в конце XX — начале XXI в. стали одной из наиболее обсуждаемых тем как в Европе, так и на постсоветском пространстве. Региональная интеграция — это особая форма интеграции, ограниченная территориальными либо геополитическими рамками. Согласно общему мнению, наиболее успешно и динамично региональная интеграция осуществляется благодаря усилиям Европейского союза (ЕС). Поэтому нет ничего удивительного в том, что большая часть социально-экономических теорий, анализирующих процессы региональной интеграции, опирается на европейский опыт. Логика европейской интеграции подчиняется классической схеме — пять разных типов экономической интеграции: свободная торговая зона, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция. Или ее популярной версии: созданием зоны свободной торговли, таможенного союза, единого внутреннего рынка, экономического и валютного союза и т. д. [5].

В. М. Шумилов отмечает, что «интеграция — это процесс объединения суверенных государств с целью установления расширенного экономического пространства, в котором могут свободно циркулировать товары, услуги, финансы, инвестиции, рабочая сила» [6]. Экономическая составляющая интеграционных процессов более менее очевидна. Лишь в последние годы стало очевидным ошибочное мнение об политических предпосылках расширения ЕС. Этот процесс аргументировался наличием якобы общих внешнеполитических целей ЕС, постсоветского пространства и России в сфере безопасности. Указанный тезис аргументировался действительно объективной необходимостью отражения новых вызовов, возникших по окончании биполярной эпохи. Речь идет о проблематике этнических, конфессиональных, и территориальных конфликтов, распространении оружия массового уничтожения, международном и локальном терроризме, нелегальной миграции и др.

Главная цель европейской интеграции, независимо от ее публичных формулировок, предполагала экономическую и политическую унификацию интегрируемого пространства. В 90-е годы такой подход еще не встречал сопротивления наблюдаемого сегодня по всему периметру от Италии до Польши.

Прекрасно понимая невозможность полноценной европейской интеграции не только России, но даже и Белоруссии, Брюссель предложил концепцию универсальности требований при минимализации преференций. Именно поэтому уже в конце 90-х в Москве и Минске появился пессимизм в отношении евроинтеграции, а также желание наладить сотрудничество государств СНГ на основе взаимного уважения к суверенитету. Именно это вызвало беспокойство в Европейском союзе. «Возникновение Евразийского союза между Россией, Беларусью и Казахстаном меняет картину. Это воспринимается как предложение модели политического и экономического развития, альтернативной интеграции с ЕС» [3, с. 58]. Это было написано задолго до «Крыма». События на Украине следует также рассматривать в контексте проблем европейской интеграции. Именно в 2014 г. из Брюсселя прозвучал ультиматум Киеву: «или вы интегрируетесь на наших условиях или не интегрируетесь вообще». Это позволило изменить курс Украины, но укрепило сомнения Москвы и Минска в оправданности интеграции «любой ценой».

Еще один важный момент — оценка роли фактора географической близости стран-участниц потенциального интеграционного союза. Если страны расположены друг от друга на расстоянии нескольких часовых поясов, то эффективность будет низкой в силу больших транспортных, логистических издержек. Экспертное сообщество практически единодушно признает то, что оказаться внутри интегрируемого региона это де-факто лишиться политического выбора. (Случай Сербии.) Беларусь же, имея сверхмощную российскую периферию, «соответственно, оптимальный географический регион экспансии определяется издержками... т.е. по сути дела является результатом классического требования равенства предельных издержек предельным выгодам. Достаточно очевидным представляется тот факт, что по мере увеличения географической и культурной дистанции между странами издержки адаптации возрастают» [7]. Как справедливо отметила профессор И. М. Бусыгина, «Интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченному направлению кооперации» [1].

Не менее значим фактор исторического прошлого. Говоря о белорусско-российской интеграции, необходимо согласиться с точкой зрения российского аналитика В. Буянова, отмечающего, что следует учитывать данный факт, а также такие факторы, как «во многом сохранившиеся со времен СССР экономические связи, очень близкий менталитет и взаимное глубокое уважение народов» [2, с. 141]. Профессор Криштапович подчеркивает несколько иной набор предпосылок: «Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социально-нравственная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы. Объективно белорусская государственность сформировалась в условиях восточнославянского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова идеологическая специфика исторического формирования белорусской государственности»¹.

Все это стало определяющим моментом сотрудничества России и Беларуси с 1994 г. и до настоящего времени.

Девяностые годы XX в. для России и Беларуси связаны с целым комплексом негативных тенденций реализовавшихся, как в экономической, так и политической сфере. Вместе с тем уникальным событием, которое позволило частично нивелировать последствия провалов 90-х годов, является заключение Договора о создании Союзного государства. Укажем и на то, что Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» базировался на прочном фундаменте, заложенном Договором об образовании Сообщества России и Белоруссии от 2 апреля 1996 г., Договором о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г., Уставом Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г., а также положениями «Декларации о дальнейшем единении России и Беларуси от 25 декабря 1998 г.».

Целями Союзного государства в редакции Договора между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» являются:

- 1) обеспечение мирного и демократического развития братских народов государств — участников, укрепление дружбы, повышение благосостояния и уровня жизни;
- 2) создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств — участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики;

¹ Криштапович Л. Философия белорусского пути [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/noyabr/28/filosofiya_belorusskogo_puti/ (дата обращения: 20.07.2018).

- 3) неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;
- 4) проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны.

Таким образом, задача формирования единой оборонной политики, а значит и единой внешней политики, изначально предполагалась. Этот принципиальный, программный тезис данной статьи, мы считаем необходимым подчеркнуть, так как полного понимания этой ситуации нет в академическом сообществе, и даже в органах государственной власти и управления двух стран. В этом контексте следует вспомнить оценку данной задачи Президентом Российской Федерации В. В. Путиным: «Ключевым направлением деятельности Союзного государства является выработка и продвижение общих подходов к актуальным проблемам международной повестки дня»¹.

В качестве одного из основных направлений внешнеполитической деятельности Союзного государства следует выделить координацию действий в сфере внешней политики. Термин «координация» представляется оптимальным. Перед нами согласование интересов во внешнеполитической сфере на уровне конфедеративной, а не федеративной версии сотрудничества. Данное направление сотрудничества базируется на Программе согласованных действий в области внешней политики государств — участников Договора о создании Союзного государства на 2016–2017 гг. Разработчиком и исполнителем этой программы и ее последующих версий стали Министерство иностранных дел России и Министерство иностранных дел Беларуси. В настоящее время углубление двустороннего взаимодействия на пространстве СНГ и ОДКБ предусматривает реализацию программы согласованных действий в области внешней политики государств — участников Договора о создании Союзного государства на 2018–2019 гг. Она утверждена 19 июня 2016 г. на заседании Высшего государственного совета Союзного государства в Минске.

В соответствии с этим документом Беларусь и Россия будут развивать двустороннее и многостороннее взаимодействие в рамках Содружества Независимых Государств и Организации Договора о коллективной безопасности. Можно выделить следующие направления сотрудничества:

- отработка взаимодействия в сфере борьбы с традиционными и новыми вызовами безопасности;
- формирование и проведение согласованной позиции в ООН, ОБСЕ и других международных организациях;
- военное сотрудничество в сфере обеспечения региональной и европейской безопасности.

Кроме того, планируется активное взаимодействие в сфере укрепления и развития Союзного государства во внешнеполитической сфере. Как отметила В. И. Матвиенко, «Союзное государство — это самое прочное объединение на евразийском пространстве. Наш Союз смело можно назвать эталоном, «золотым стандартом» интеграции»².

В кругу направлений сотрудничества России и Беларуси следует выделить и дипломатическое сопровождение деятельности ЕАЭС. Китайская программа «Один пояс и один путь» в своей значительной части имеет прямое географическое, экономическое и политическое отношение к этому глобальному проекту. Программой предусмотрена возможность проведения активного системного диалога сторон

¹ Заседание Высшего Госсовета Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57811> (дата обращения: 19.06.2018).

² Матвиенко В. И. Союзное государство — это самое прочное объединение на евразийском пространстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soyuz.by/news/politics/41791.html> (дата обращения: 20.07.2018).

по наиболее важным проблемам международных отношений и координации усилий во внешней политике (например, по основным вопросам повестки дня МАГАТЭ на сессиях Совета управляющих агентства и т. п.).

Одним из важнейших векторов сотрудничества в программе определено активное взаимодействие в сфере укрепления и развития совместной экономической и энергетической дипломатии Союзного государства. Большое внимание предусмотрено дипломатическому сопровождению деятельности ЕАЭС, повышению его международного авторитета, наращиванию сотрудничества в вопросах сопряжения строительства союза и китайского проекта «Один пояс и один путь». Последний вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Осуществляя взаимодействие по комплексу внешнеполитических вопросов, Россия и Белоруссия, как правило, выступают с единых или близких позиций по ключевым международным проблемам, тесно сотрудничают в ООН, другими универсальными и региональными организациями. Вместе с тем в ряде случаев по некоторым географическим направлениям позиция России и Беларуси несколько отличаются.

Важно отметить то, что даже умеренно конструктивная часть белорусской оппозиции достаточно позитивно смотрит на внешнеполитическое взаимодействие двух стран: «...в Беларуси дискуссии о предпосылках, возможностях и ограничениях собственного суверенитета зачастую преломляются через традиционное черно-белое восприятие действительности, обусловленное внутривнутриполитическими противоречиями».¹ Белорусские эксперты признают то, что «разумеется, Беларусь в своей внешней политике учитывает российские интересы и соотносит потери и приобретения противостояния с Россией. Например, Беларусь не может полноценно сотрудничать с НАТО — без конфликта с Россией... Однако следует отметить, что областей внешней политики Беларуси, на которые влияет Россия, все же не так много»². Общего, безусловно, больше, чем частного во внешней политике двух государств. Отметим эти моменты, связанные с осуществлением союзного Договора; взаимодействие в международной сфере по военным и пограничным вопросам, включая реализацию международных договоров по вопросам сокращения вооруженных сил и ограничения вооружений. Кроме того, важнейшими направлениями внешнеполитической деятельности являются обеспечение признания Союзного государства всем мировым сообществом, активное участие в деятельности и мероприятиях международных организаций, развитие всесторонних связей с бывшими республиками СССР в рамках СНГ, участие в обеспечении стабильности и безопасности на евразийском континенте и в мире.

Примером некоторого несовпадения приоритетов является отношение Беларуси к Центрально-Европейской Инициативе (ЦЕИ) — региональному форуму сотрудничества в Центральной и Восточной Европе. ЦЕИ, основанная в 1989 г., насчитывает 18 государств-членов: Албания, Австрия, Беларусь, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Венгрия, Италия, Македония, Молдова, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения и Украина.

Инициатива была создана с целью развития сотрудничества стран-членов СЕИ в области политики, экономики и культуры. «В 2017 году Республика Беларусь достойно реализовала ответственную миссию — свое первое председательство в региональной европейской организации за пределами постсоветского пространства —

¹ *Прейгман Е.* Зависимая независимость: каковы пределы внешней политики Беларуси? [Электронный ресурс]. URL: <http://minskdialogue.by/research/opinions/zavisimaia-nezavisimost-kakovy-predely-vneshnei-politiki-belarusi> (дата обращения: 20.07.2018).

² *Внешняя политика Беларуси: коридор суверенных решений* [Электронный ресурс]. URL: <https://thinktanks.by/publication/2018/09/11/vneshnyaya-politika-belarusi-koridor-suverennyh-resheniy.html> (дата обращения: 20.07.2018).

Центрально-Европейской Инициативе»¹. Такая высокая оценка суверенный вопрос для Беларуси. Однако с российской точки зрения, это тупиковая ветвь интеграционных процессов. Неслучайно в МИД России Центрально-Европейская Инициатива последний раз упоминалась в интервью заместителя министра иностранных дел России В. Г. Титова агентству ИТАР-ТАСС 24.10.07.

«Придерживаясь единых подходов к развитию отношений со всеми зарубежными партнерами, Беларусь в то же время, как и любое другое государство, концентрирует свои внешнеполитические усилия на ряде наиболее важных и перспективных векторов. Среди них — государства-соседи, прежде всего, Российская Федерация, сотрудничество с которой строится на союзной основе»². Эта же позиция отражена в обзоре итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2017 г.: «В условиях недоверия между Россией и Западом Беларусь, с одной стороны, сохранила приверженность стратегическому партнерству с Российской Федерацией, первоочередную ориентацию на интеграцию в рамках Евразийского экономического союза, традиционное взаимодействие с членами Организации Договора о коллективной безопасности, Содружества Независимых Государств. С другой стороны, Беларусь продолжила выстраивать конструктивные прагматичные отношения с Европейским союзом, Соединенными Штатами Америки и другими западными державами. Новое наполнение получил стратегический китайский вектор белорусской внешней политики. Беларусь одной из первых в мире подключилась к реализации концепции “Экономического пояса Шелкового пути” по ряду перспективных направлений»³.

При этом еще в 2002 г. были высказаны первые осторожные оценки российско-китайского сотрудничества как фактора глобальной безопасности: «Формирование и развитие китайско-российских отношений стратегического партнерства, в конечном счете, определяется потребностями внутреннего развития двух стран и интересами их безопасности. Вместе с тем на них оказывает то или иное воздействие и внешние факторы, в особенности американский фактор» [4, с. 46]. Характерно и то, что Республика Беларусь как минимум в одно время, а может быть и несколько ранее, чем Россия, декларировала значимость трехстороннего (Пекин — Москва — Минск) и многостороннего сотрудничества с Китаем.

В течение длительного времени Советский Союз, а также Китайская Народная Республика показывали пример достаточно успешного функционирования альтернативной модели. Однако, в настоящее время, Россия, КНР, Беларусь являются частью глобальной экономики. Именно поэтому любые изменения глобальной экономической и политической конъюнктуры сказываются на процессах национального развития. Впрочем, в Москве, в Пекине и Минске существует однозначное понимание того, что мало встраиваться в мировые процессы, важно играть в них значимую, а может быть даже и ключевую роль. Вопрос в другом — в оценке стадийности глобализации.

Подведем итоги. Социально-экономическое развитие абсолютного большинства стран мира закономерно детерминировано комплексом внешних факторов. Сложившаяся ситуация может быть охарактеризована как системный кризис действующей модели экономического развития. Его причины прослеживаются на всех трех уровнях: европейском, постсоветского пространства, национальной экономики.

¹ Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa.gov.by/publication/reports/a8a5169b6e487b3b.html> (дата обращения: 20.07.2018).

² Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://mfa.gov.by/foreign_policy/priorities/ (дата обращения: 20.07.2018).

³ Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2017 году <http://mfa.gov.by/publication/reports/a8a5169b6e487b3b.html> (дата обращения: 20.07.2018).

Экономика Беларуси, ориентированной на масштабные внешнеэкономические связи страны, оказалась под влиянием негативных процессов, протекающих в мировом и европейском хозяйстве. Кризис европейской экономики — это не только проблемы финансовых и фондовых рынков, обусловленных мировым финансово-экономическим кризисом. Это деиндустриализация, структурные ошибки в сельском хозяйстве, падение эффективности сферы обслуживания. Все это создает предпосылки для ухудшения внешнеэкономических связей в западном направлении. Не менее половины негативных предпосылок развития сложной ситуации в экономике Беларуси — это санкции против главного торгового партнера Беларуси, падение цен на нефть, скачки курса российского рубля.

Комментируя эту ситуацию, академик Е. М. Примаков отмечал: «...не приходится ожидать скорых внешнеэкономических сдвигов, благоприятствующих нашей стране. Вряд ли произойдет в близлежащем времени отмена санкций. Уповать на заявления ряда политических деятелей и представителей европейского бизнеса, высказывающихся против антироссийских санкций, не реалистично. Европа сейчас не в том положении, чтобы пойти наперекор позиции США. Экономика ЕС балансирует на грани рецессии и слишком зависима от американского рынка...»¹ Эта формула хорошо описывает императив развития российско-белорусского сотрудничества. В существующей форме белорусская экономическая модель нуждается в значимой российской поддержке. Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать новый комплекс мер социально-экономической и политической интеграции в рамках Евразийского Союза и Союзного государства. Переход от патерналистской, ресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инновационной не возможен как в Беларуси без России, так и в России без Беларуси. Проблема в том, как совместить политический суверенитет с объективными требованиями экономики. Поиск конкретной интеграционной модели необходим, вектор взаимной интеграции очевиден.

Литература

1. Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе [Электронный ресурс] // Международные процессы. Т. 11, № 1 (32). Январь–апрель 2013. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm> (дата обращения: 10.08.2018).
2. Буянов В. Последний геополитический союзник на Западе // Вестник аналитики. 2008. № 4. С. 139–145.
3. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». Вильнюс, 2012.
4. Цзинцзе Ли. Китайско-российские отношения и американский фактор // Азия и Африка сегодня. 2002. № 3. С. 46.
5. Челядинский А. Понятие интеграции в международных отношениях: теоретический аспект // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2009. № 1. С. 29–32.
6. Шумилов В. М. Международное публичное экономическое право. М., 2001.
7. Rugman A., Verbeke A. Towards a Theory of Regional Multinationals: A Transaction Cost Economics Approach // Management International Review. 2004. Vol. 44. N 4. P. 34.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

¹ Примаков: единственная альтернатива для России — опора на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5385.html (дата обращения: 13.01.2015).

Межевич Николай Маратович, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), президент российской ассоциации прибалтийских исследований (РАПИ), доктор экономических наук; mez13@mail.ru

References

1. Busygina I. Asymmetrical Integration in the European Union [An electronic resource] // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. V. 11, N 1 (32). January-April 2007. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm> (In rus)
2. Buyanov V. Last geopolitical ally in the West // Messenger of analytics [Vestnik analitiki]. 2008. N 4. P. 139–145. (In rus)
3. Eurasian Union: a call for the European Union and the states of “Eastern Partnership”. Vilnius, 2012. (In rus)
4. Jingjie Li. Chinese-Russian relations and American factor // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. 2002. N 3. P. 46. (In rus)
5. Chelyadinsky A. Concept of integration of the international relations: theoretical aspect // Belarusian journal of international law and international relations [Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii]. 2009. N 1. P. 29–32. (In rus)
6. Shumilov V.M. International public economic law. M., 2001. (In rus)
7. *Rugman A., Verbeke A.* Towards a Theory of Regional Multinationals: A Transaction Cost Economics Approach // Management International Review. 2004. Vol. 44. N 4. P. 34.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhova@sziu.ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of Faculty of the International Relations of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), President of the Russian Association of Baltic Studies (RABS), Doctor of Science (Economics); mez13@mail.ru

Национальная идентичность как исторический нарратив

Ачкасов В. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, val-achkasov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье отмечается, что политическое использование прошлого характерно при конструировании всех типов коллективной идентичности. Однако особое значение прошлое и память о нем имеют для «воображения наций». Действительно, исторические нарративы национального единства призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации осмысливать себя как принадлежащих к «коллективному Я» и нивелировать неизбежно существующие различия. При этом особую роль в формировании национальной идентичности играют политические элиты, потому что они обладают доступом к наиболее влиятельным формам публичного дискурса массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. А это значит, что они обладают «доступом к сознанию» масс.

Ключевые слова: национальная идентичность, политическое использование прошлого, исторический нарратив, политические элиты

National Identity as a Historical Narrative

Achkasov V. A.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, val-achkasov@yandex.ru

ABSTRACT

The author of the article notes that the political use of the past is important for the construction of all types of collective identity. However, the past and the historical memory have special significance for the “imagined nations”. In point of fact, the historical narratives of national unity fulfill an integrative function, that reduces the level of existing differences. Consequently, this function is allowed the members of the nation to comprehend themselves as belonging to the “collective identity”. Hereby, political elites play a special role in the process of the national identity formation, as they have access to the most influential forms of public discourse, such as mass media, politics, science, education and state bureaucracy. And this means that they have “access to the consciousness” of the masses.

Keywords: national identity, political use of the past, historical narrative, political elites

Будущее не определяется прошлым, однако, несомненно, испытывает его сильное влияние. В то же время следует специально отметить, что политическое использование прошлого характерно при конструировании всех типов коллективной идентичности (расовой, этнической, классовой, гендерной, религиозной, региональной/территориальной и др.), поэтому понятия исторической памяти и идентичности неотделимы друг от друга. Между ними существуют отношения тесной взаимозависимости. «Группу формируют общие корни, т. е. история, — отмечает Г. Нориель. — ...Культурная однородность объясняется передачей из поколения в поколение общих ценностей и форм бытия» [29, р. 64]. Однако особое значение прошлое и память о нем имеют для «воображения наций». «Без национальной истории, освещающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, образы героев и злодеев, нет нации», — утверждал С. Хан-

тингтон [23, с. 185]. Э. Геллнер также указывал на особую значимость использования истории как ресурса для формирования и поддержания национальной идентичности (а именно, для преодоления социальной дистанции между группами, интегрирования их в рамках единой нации, преодоления дистанции между традиционной и современной массовой, анонимной культурой) [3]. При этом предлагаемые образы истории и варианты ее интерпретации вступают в конфликт и конкурируют не столько на академическом поприще, сколько в борьбе за власть и политическое влияние.

В связи с этим Клод Лефор говорит «о парадоксе республиканской легитимизации». В отличие от сословно-династических форм правления, — отмечает исследователь, — где место власть предержащего, защитника, сюзерена и законодателя изначально зарезервировано за одним лицом, получающим такие права в наследство, в результате действия династического права, — в республике, как и в демократии, необходимо быть уполномоченным самим народом-сувереном, чтобы занимать подобное место. Тем не менее, самого «народа» как такового не существует; это искусственно вычленяемое целое, которое выступает, прежде всего, в роли «символического диспозитива» власти. Таким образом, нация, являющаяся носителем власти, одновременно является тем, над кем властвуют; она самопровозглашает свое существование, являясь одновременно и учредителем себя как государства, и тем, кого учреждают. Причем процесс «учреждения нации» исходит в значительной степени от тех, кого — случай, действие избирательных ново-возникших институтов власти, военная сила или всеобщее признание ставят во главу государства [10].

Политическое использование прошлого в дискурсе властных элит необходимо для решения конкретных актуальных задач, но оно всегда подчинено логике легитимации проводимого элитами политического курса. «Легитимность и сплоченность современного государства, — отмечает К. Калхун, — отчасти зависела от его способности притязать на сильную национальную историю. Это подталкивало к пересмотру прошлого и новым действиям, на исполнение давних обещаний» [8, с. 234]. Напомним, что профессиональная история возникла в начале XIX в. именно как часть «предприятия по строительству нации» (А. Миллер), а к началу XX в. историография и история в Европе стала окончательно определяться исключительно в националистических категориях. «Понятие „национальная история“, — отмечает Г. Бордюгов, — ...означает систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм» [1, с. 9]. Более того, как утверждают авторы книги «Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад» (М., 2010), «Функции исторического знания на протяжении, как минимум, последних трех веков модифицировались и усложнялись, но, все же, можно за всем многообразием задач истории увидеть один инвариант — это обеспечение идентичности. Смена моделей историописания была, как правило, связана с кризисами идентичности» [18, с. 25–26].

При этом пережитая и передаваемая из поколения в поколение история служила и служит сегодня, всего лишь, «сырьем» для конструирования «подлинной» истории нации, формирования «образа древности» столь важного для любого национального самосознания. Вся прежняя история народа теперь определяется в национальных категориях. «Когда идея современной национальности оформилась в XIX в., — утверждает Тимоти Снайдер, — она породила множество националистических движений, поборники которых были полны решимости отыскать корни своей современной нации в далеком прошлом. Эту тенденцию подхватили коммунисты и их оппоненты (в посткоммунистических странах. — В. А.) в конце XX в.» [21,

с. 244]. Именно поэтому создание «работающего» национального исторического мифа становится важной государственной задачей в девятнадцатом и двадцатом столетиях¹. Создание словарей и учебников национального языка, фиксирующих существующие нормы — или поднимающих на уровень литературного языка устное крестьянское наречие; популяризация национальных символов, учреждение национальных праздников, появление вымышленных персонажей, олицетворяющих нацию или ее институты — все служило тому, что образ уникальности нации становился чем-то само собой разумеющимся в сознании ее членов. Именно поэтому, как представляется, национальную идентичность и чаще всего определяют, как «коллективное чувство, в основе которого лежит вера в принадлежность к одной и той же нации и согласие в отношении большинства атрибутов, которые делают ее отличающейся от других наций» [28, р. 11]. В результате, каждая состоявшаяся нация имеет свою историю (героическую или трагическую со своим пантеоном «героев» и «злодеев»), которая является не просто чередой событий, а профессионально организованным «национальным нарративом», т. е. основанным, на признаваемом достоверным, знании и признаваемой членами нации версией прошлого страны и ее народа. Сформировавшийся национальный нарратив обладает, по мнению В. Шнирельмана, рядом инвариантных черт. Таковыми являются:

- убежденность в древности и автохтонности «этноса», от имени которого и создается национальная история;
- проекция максимально широко понимаемых этнополитических границ в прошлое; идентичность «этноса» и его языка на протяжении всей истории;
- миф о славных предках;
- борьба за культурный приоритет;
- конструирование образа иноземного «заклятого врага» [25].

Причем «чем более блестящим представляется народу его прошлое, с тем большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире. Националистическая или этноцентристская историческая версия играет огромную роль в легитимации политических претензий или уже имеющихся политических прав, и в этом состоит ее глубокий внутренний смысл» [24, с. 24].

Таким образом, несомненно, что исторические нарративы «играют важную роль в национальной идентификации. Связь нарратива, исторической памяти и идентичности особо отмечал еще Поль Рикер, который писал, что все мы обладаем «нарративной идентичностью» [см.: 20]. Другими словами, мы есть то, что сами о себе рассказываем, и воспоминания о прошлом — это наши рассказы о нем. То же самое можно сказать и о коллективной памяти, в которой хранится история сообществ и наций.

Действительно, «исторические нарративы национального единства» призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации осмыслить себя как принадлежащих к «коллективному Я» и нивелировать неизбежно существующие различия. Неслучайно И. Нойманн подчеркивает значимость подобных «историй в сослагательном наклонении» (конституирующих образ «коллективного Я») и осуществляющих функцию самопрезентации в политическом пространстве. Те, кто отстраняется от участия в какой-либо репрезентации истории о коллективном «Я»,

¹ К. Ф. Завершинский, вслед за итальянским исследователем К. Боттичи, определяет политический миф «как специфический нарратив группы или общества, который актуализирует значимость политического опыта людей и их поступков. Политические мифы являются основанием восприятия политики на уровне повседневности, поэтому мифопредставления по своей природе неререфлексивны. Нарративность мифа выражается в повествовании, которое привносит эмоциональную составляющую в обоснование значимости и смысла политического существования» [5, с. 22].

немедленно остаются без политического пространства», — утверждает норвежский исследователь [16, с. 277–278]. Поэтому участие в политическом дискурсе означает также постоянную борьбу за «истинный» смысл прошлого, за утверждение именно вашей его трактовки. Поэтому, в частности, и граница между профессиональными историками, изучающими политику прошлого, и политиками, заинтересованными в истории, весьма относительна. Причем историкам наивно рассчитывать на диалог на равных с властью. Поэтому столкновения по поводу исторических нарративов очень часто происходят не для выяснения исторических истин, всестороннего и объективного описания событий прошлого, а являются борьбой за политическое господство посредством символического господства того или иного толкования «истории»¹.

«Описывая «общую» историю определенной нации, давая ей объединяющие символы и мифы ... эти телеологически построенные исторические нарративы неизбежно упрощают и, как правило, искажают картину прошлого. Наряду с прославлением (предполагаемых) исторических достижений и «общих» жертв, такие нарративы решают задачу осмысления (или замалчивания) проблемных, темных или даже позорных событий в прошлом того или иного народа» [14, с. 66], т. е. решают задачу конструирования политически «удобного прошлого». «Нации, — как утверждал еще в XIX в. Эрнст Ренан, — строятся на коллективной потере памяти — изобретенные вчера, сегодня они воспринимаются уже как вечная и неизменная категория» [19, с. 19]. Таким образом, официальная история нации может быть исторически более или менее достоверной или фиктивной, но в любом случае, благодаря системе школьного образования, она становится общей собственностью, принятой большинством членов нации и обретает статус конвенциональности, поэтому отдельный человек не в состоянии в ней что-нибудь произвольно изменить.

Из этого, в частности, следует, что понятия «коллективная историческая память», равно как и «коллективное историческое сознание», «коллективная воля», суть не более чем метафоры². «Все индивиды, коллективы и институты нуждаются в прошлом, — пишет Э. Хобсбаум, — но исторические исследования раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай культурной идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облаченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм» [27, р. 357].

Поэтому современные массовые представления об истории не являются «естественной памятью нации», передаваемой от поколения к поколению, они — результат деятельности профессиональных агентов исторической политики. «То, что мы называем памятью сегодня, это уже не память, а история» [17, с. 28]. Поэтому и «то, какие элементы прошлого вовлекаются в культурный оборот в качестве «общего» для различных индивидов прошлого (а какие, напротив, «вытесняются», подвергаясь активному «забыванию»), отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся. Сколь бы неудобным для обыденного сознания это не прозвучало, но «общее прошлое» невозможно без специфических усилий по его конструированию» [11, с. 127]. Историческая память меняет свое содержание на разных этапах развития социума не только вследствие избирательного характера подхода к явлениям прошлого, но и, в меньшей степени, вследствие их разной оценки. Одни и те же события прошлого нередко получают в разных системах исторических представлений диаме-

¹ «Однако историческая наука не может развиваться без автономии от политики и идеологии, от осознания прошлого как живого процесса, поскольку каждое поколение пишет свою историю», — справедливо отмечает Г. А. Бордюгов [2, с. 7].

² В связи с этим британский исследователь Дункан Белл предложил понятие «мифопанорамы» (mythscape), обозначающее дискурсивные сферы, в которых постоянно формируются, распространяются, обсуждаются и реконструируются мифы, лежащие в основе тех или иных коллективных идентичностей (прежде всего — мифы нации) [26].

трально противоположную оценку, что определяет их разную значимость и неодинаковое звучание в памяти различных социальных групп.

Поэтому и целью исследования коллективной исторической памяти становятся ее «фигурации», меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, обусловленные взаимосвязью символической борьбы «памятей» и «за память» в социальных полях, спецификой средств передачи исторической памяти, а также жанрами и профилями социальной памяти [5]. В связи с этим М. Ферро — автор известной книги «Как рассказывают историю детям в разных странах» — выделил три уровня, отраженных в школьных учебниках истории представлений общества о прошлом: 1) «институциональная» (т. е. официальная, санкционированная свыше) история; 2) «контрстория» (скрытая история побежденных и подавленных социальных групп, обращенных вовне сообщества); 3) индивидуальная или коллективная память [22]. Естественно, что в школьных учебниках доминирует «институциональная история».

Как уже было отмечено выше, решающая роль в таком конструировании принадлежит политическим элитам. Элиты играют особую роль в осуществлении исторической политики, потому что они обладают доступом к наиболее влиятельным формам публичного дискурса (и, как правило, контролем над ними), в частности, к дискурсам массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. А это значит, что они обладают «доступом к сознанию» масс. Более того, в силу своей природы политический текст, транслируемый представителями интеллектуальной и политической элиты, практически всегда воспроизводит нормы и идентичности того политического сообщества, от чьего имени он пишется и произносится, воспроизводит или переопределяет эти нормы, границы между внутренним и внешним «мирами», «своими» и «чужими».

От позиции, прежде всего, политических элит, как правило, зависит статус и оценка, которую получит то или иное событие той или иной национальной (этнической) истории. Хотя было бы ошибкой воспринимать адресатов элитного нарратива в качестве его пассивных потребителей, процессы кодирования и декодирования передаваемых смыслов и символов не всегда совпадают, могут появляться и альтернативные версии интерпретации транслируемого элитами исторического нарратива. Тем не менее несомненно, что, прежде всего, от политических элит зависит и выбор знаковых исторических событий, которые в рамках исторического нарратива получают статус «великого момента» или «великого события» (Э. Шилз)¹, изменившего ход исторического развития данного общества или даже всего мира. Такие «великие события», или «поворотные моменты» истории наделяются в официальном дискурсе особым символическим смыслом. В советской историографии такой статус имела Великая Октябрьская социалистическая революция, в современной России — это, несомненно, Великая Отечественная война. Как резонно утверждает Н. Копосов, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [9, с. 163], поскольку идея связи национальной истории с судьбой каждого россиянина, идея единства государства и народа выявляется в этой масштабной исторической трагедии, как нигде, наглядно. Неслучайно в свое время Нина Тумаркин назвала память о Великой Отечественной войне «советской гражданской религией». Ныне эта «гражданская религия» превратилась в российскую. Это подтверждает и контент-анализ ежегодных посланий Президента РФ: «...очевидно, что Великая Отечественная война — это единственное событие российской истории, которое активно используется в президентских посланиях в качестве позитивного символа, постоянно подвергаемого реинтерпретации», — отмечает О. Ю. Малинова [12, с. 114].

¹ «Великие события», — писал Э. Шилз, — это те события, которые, как считается, определили последующее развитие и, соответственно, придали ореол сакральности прошлому» [30, р. 198].

Как пишет по этому поводу Виктор Мартыанов, «символическое объединение российской нации сейчас фактически сводится до одного-единственного события из богатейшей российской истории — Великой Отечественной войны, которая начинает занимать в историографии современной России (и символической политике государства. — В. А.) то же значение, что и рождение Христа в христианской хронологии» [13, с. 108, сноска]. Таким образом, общая победа в войне (и общий культ Победы) играет роль не только главного, но и зачастую единственного сплачивающего символа «многонационального российского народа». Действительно, когда Фонд «Общественное мнение» в конце 2014 г. попросил россиян назвать пять наиболее важных, по их мнению, дат отечественной истории, Великую Отечественную войну назвало подавляющее большинство опрошенных — 86% [7].

Однако, как замечает Я. Зерубавель, «...любые действия, связанные с сохранением памяти об этих поворотных моментах истории, пронизаны чувством приобщения к святыне, но, в то же время, в них сквозит глубокое внутреннее противоречие. Это символическое состояние «порубежья», бытия на грани двух эпох, с одной стороны, придает «поворотным моментам» дополнительную неоднозначность, позволяет по-разному их интерпретировать, а с другой — способствует их превращению в политический миф, используемый в борьбе различных сил» [6, с. 21–22]. Неслучайно в канун и после крушения Советского Союза радикальной ревизии была подвергнута история Октября 1917 г. и под сомнение поставлен его статус как «великого момента» — «акта творения нового мира». Октябрьской революции теперь чаще всего приписывалось значение «социальной катастрофы» и «коллективной травмы». Сегодня на посткоммунистическом пространстве то же самое происходит с предисторией и историей Второй мировой / Великой Отечественной войны.

«В бывшей советской империи отношения с собственной историей остаются непроясненными, в них слишком часто угрожающе вмешивается политическая повестка дня», — утверждает итальянский журналист Дж. Д'Амато [4, с. 76]. Поэтому не случайно, что после распада Советского Союза, который, не без оснований, называли «страной с непредсказуемым прошлым», перед политическими и интеллектуальными элитами новых постсоветских наций объективно встала проблема конструирования национальной традиции, «национализации прошлого», вычленения новых «поворотных моментов» в истории, «переформатирования» коллективной исторической памяти для легитимации процесса национального строительства и возникших этнократических политических режимов. Все эти задачи во многом решаются посредством, транслируемого элитами, исторического нарратива.

Литература

1. *Бордюгов Г.* Предисловие. Национальные истории: тенденции последнего десятилетия // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II / ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М. : АИРО-XXI, 2009. С. 9–14.
2. *Бордюгов Г. А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.
3. *Геллнер Э.* Нации и национализм [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/12.php (дата обращения: 20.06.2018).
4. *Д'Амато Дж.* Развод по-советски. Из сверхдержавы на задворки глобализации. М. : Изд. РГГУ, 2013.
5. *Завершинский К. Ф.* Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2015. № 2. С. 16–25.
6. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М. : Новое издательство, 2011.
7. *Какие даты российской истории мы считаем важнейшими? И какие — знаем?* [Электронный ресурс] // Фонд общественного мнения. Официальный сайт. URL: <http://fom.ru/Proshloe/11163> (дата обращения: 20.06.2018)

8. *Калхун К.* Национализм. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006.
9. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011.
10. *Лефор К.* Политические очерки (XIX–XX век). М. : РОССПЭН, 2000.
11. *Малахов В.* Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт / под ред. М.Б. Олкотт, И. Семенова. М. : Гендальф, 2001.
12. *Малинова О.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. № 3–4 (52), май–август. С. 106–122.
13. *Мартьянов В.* Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2. С. 94–109.
14. *Миллер А.И.* Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки : сб. науч. тр. 2005. № 3. С. 66–75.
15. *Морозов В.* Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 307–320.
16. *Нойманн И.* Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство, 2004.
17. *Нора П.* Между памятью и историей // П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж де, М. Винок. Франция — память. СПб. : Изд. Санкт-Петербургского университета, 1999.
18. *Образы времени и исторические представления.* Россия. Восток. Запад / под ред. Л.П. Репиной. М. : Кругъ, 2010.
19. *Ренан Э.* Что такое нация? // Э. Ренан. Собр. соч. в 12 т. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.
20. *Рикер П.* Память, история, забвение. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004.
21. *Снайдер Т.* Реконструкция наций. Москва — Вроцлав — Летний сад ; Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езераньского во Вроцлаве, 2013.
22. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах. М. : Книжный клуб 36,5, 2010.
23. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Транзиткнига», 2004.
24. *Шнирельман В.* Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / под ред. А. Малашенко, М. Олкотт. М. : Гендальф, 2000. С. 12–33.
25. *Шнирельман В.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : ИКЦ «Академкнига», 2003.
26. *Bell D. S. A.* Mythscapes: memory, mythology and national identity // Brit.j. sociology. L., 2003. Vol. 54. N 1. P. 63–81.
27. *Hobsbawm E. J.* On History. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1997.
28. *Guibernau M.* The Identity of Nations. Cambridge : Polity Press, 2007.
29. *Noiriel G.* Etat, nation et immigration. Paris : Gallimard, 2005.
30. *Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, London : University of Chicago Press, 1975. P. vi, 516.

Об авторе:

Ачкасов Валерий Алексеевич, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор, val-achkasov@yandex.ru

References

1. Bordyugov G. Preface. National stories: tendencies of the last decade // National stories in the former Soviet Union [Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve]. V. II / edition F. Bomsdorf, G. Bordyugov. M. : AIRO-XXI, 2009. P. 9–14. (In rus)
2. Bordyugov G. A. "Memory wars" in the former Soviet Union. M. : AIRO-XXI, 2011. 256 p. (In rus)
3. Gellner E. Nations and nationalism [Electronic resource]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/12.php (In rus)
4. D'Amato J. Divorce, Soviet Style: From Superpower to the Periphery of Globalization. M. : Prod. RSHU, 2013. 345 p. (In rus)
5. Zavershinsky K. F. The political myth in structure of modern symbolical policy // Bulletin of the St. Petersburg University [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta]. Series 6. 2015. N 2. P. 16–25. (In rus)

6. Zerubavel Y. Dynamics of collective memory // Empire and the nation in a mirror of historical memory [Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati]: Collection of articles. M. : New publishing house, 2011. 416 p. (In rus)
7. Which dates of the Russian history do we consider the major? And which — we know? [Electronic resource] // Fund of public opinion. Official site. URL.: <http://fom.ru/Proshloe/11163> (In rus)
8. Calhoun C. Nationalism. M. : Publishing house "Territory of the future", 2006. 288 p. (In rus)
9. Koposov N. Memory of a high security: History and policy in Russia. M. : New literary review, 2011. 320 p. (In rus)
10. Lefort C. Political sketches (the 19–20th century) / translation from french E. A. Samarskaya. M. : ROSSPEN, 2000. 367 p. (In rus)
11. Malakhov V. Symbolical production of ethnicity and the conflict // Language and the ethnic conflict [Yazyk i etnicheskii konflikt] / under the editorship of M. B. Olcott and I. Semyonov. M. : Gandalf, 2001. 150 p. (In rus)
12. Malinova O. A past subject in rhetoric of Presidents of Russia // Pro et Contra. 2011. N 3–4 (52), May–August. P. 106–122. (In rus)
13. Martyanov V. Construction of the political nation and ethnonationalism // Logos. 2006. N 2. P. 94–109. (In rus)
14. Miller A. I. A debate about history and the German identity // Political science: Identity as factor of policy and subject of political science: collection of articles [Politicheskaya nauka: Identichnost' kak faktor politiki i predmet politicheskoi nauki]. 2005. N 3. P. 66–75. (In rus)
15. Morozov V. Guarding modernization of Dmitry Medvedev. Some reflections concerning the Yaroslavl speech // NZ. 2010. No. 6. P. 307–320. (In rus)
16. Neumann I. Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation. M. : New publishing house, 2004. 336 p. (In rus)
17. Nora P. Between memory and history // Nora P., Ozouf M., Puymège de J., Winock M. France is memory. SPb. : Publishing house of St. Petersburg University, 1999. 328 p. (In rus)
18. Images of time and historical representations. Russia. East. West / under the editorship of L. P. Repina. M. : Krug, 2010. 962 p. (In rus)
19. Renan E. What is a nation? // Renan E. Collected works in 12 v. Translation from French under the editorship of V. N. Mikhaylovsky. V. 6. Kiev, 1902. P. 87–101. (In rus)
20. Ricœur P. Memory, History, Forgetting. M. : Publishing house of humanitarian literature, 2004. 728 p. (In rus)
21. Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. Moscow – Wrocław : Summer garden; Board of Eastern Europe of Jan Nowak-Jeziorański in Wrocław, 2013. 412 p. (In rus)
22. Ferro M. As tell a history to children in the different countries. M. : Book club 36,5, 2010. 378 p. (In rus)
23. Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. M. : Ltd company "Transitbook". 2004. 653 p. (In rus)
24. Shnirelman V. Past value: Ethnocentrist historical myths, identity and ethnopolicy // Reality of ethnic myths [Real'nost' etnicheskikh mifov] / under the editorship of A. Malashenko and M. Olcott. M. : Gandalf, 2000. P. 12–33. (In rus)
25. Shnirelman V. Memory wars. Myths, identity and policy in Transcaucasia. M. : "Academkniga", 2003. 592 p. (In rus)
26. Bell D. S. A. Mythscapes: memory, mythology and national identity // Brit. j. sociology. L., 2003. Vol. 54. N 1. P. 63–81.
27. Hobsbawm E. J. On History. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1997.
28. Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge : Polity Press, 2007.
29. Noiriel G. Etat, nation et immigration. Paris : Gallimard, 2005.
30. Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, London : University of Chicago Press, 1975. P. vi, 516.

About the author:

Valery A. Achkasov, Head of the Department of Ethnopolitology of Faculty of Political Science of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Science), Professor; val-achkasov@yandex.ru

Политические условия и направленность эволюции местной власти в современной России: от местничества и самоуправства к социально ответственной муниципальной общности*

Баранец С. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; brnts@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Статья решает проблему теоретического воспроизведения совокупности политических условий, факторов и тенденций, при умелом использовании которых силами региональных властных органов и должностных лиц возможна оптимизация отношений между государственной властью, доминирующей в региональном разрезе, и местной властью муниципальных сообществ, образующих, в своей соединенности, большую часть геоэкономического, социального и политического пространства региона. Освоение этого пространства, овладение объективными процессами, происходящими на территории ради целей научного управления ими в интересах проживающего и пребывающего на территории населения, составляет содержательный смысл деятельности региональных институтов государственной власти, ответственных политических сил и персон, способных сыграть роль лидеров регионального масштаба.

Ключевые слова: местная власть, политический потенциал, самоуправление, региональное управление, политические режимы, социально-политическое взаимодействие, качество управления, политический потенциал, территориальное развитие

Political Conditions and Directions of the Evolution of Local Government in Modern Russia: From Localism and Arbitrariness to Socially Responsible Municipal Community

Baranets S. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; brnts@rambler.ru

ABSTRACT

The article solves the problem of theoretical reproduction of the aggregate of political conditions, factors and trends, with the skillful use of which by the forces of regional authorities and officials, it is possible to optimize relations between the state power that dominates in the regional context and the local authorities of the municipal communities, which form, in their jointness, most part of social and political space of the region. The mastery of this space, the acquirement of objective processes occurring on the territory for the sake of scientific management of them in the interests of the resident and residing on the territory of the population, constitute the meaningfulness of the activity of regional institutions of state power, responsible political forces and individuals capable to play the role of regional leaders.

Keywords: local authorities, political potentiality, self-government, regional governance, political regimes, socio-political interaction, the quality of governance, political capacity, territorial development

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862.

Для понимания особенностей современного этапа эволюции местной власти, ее органов и сопутствующих институций в современной России чаще всего используется набор диахронных методов анализа и исторические подходы, при которых нынешнее, актуальное состояние видится порождающим вполне определенные перспективы эволюции, при том, что само оно вытекает из генерирующих его предшествующих состояний единой и относительно неизменной социополитической системы под названием Российская Федерация. Такой подход может и должен быть дополнен и структурирован структурным «расщеплением» настоящего, чтобы появилась возможность совершить синтезирующее движение мысли в ее восхождении от абстрактных моделей жизнеустройства к конкретике, воплощенной на различных уровнях и в различных сферах социальной реальности и ее местных проявлений, в том числе и властно-политических. Данная статья, собственно, и решает, пусть далеко не исчерпывающим образом и со своими особенностями, вполне актуальную проблему адекватного теоретического воспроизведения сущностной и существенной для понимания и практики управления совокупности тех политических условий, факторов и тенденций, которые, будучи присущими обстоятельствам современного этапа эволюции муниципальности в России, задают перспективы ее эволюции не менее определенно, чем планово-программная деятельность субъектов политического управления и внутренние коллизии и противоречия, сдвигающие местные сообщества в сторону объективации их потенциалов. Кажется вполне уместным и справедливым выдвинуть гипотезу, согласно которой умелое использование рычагов и механизмов воздействия на складывающуюся в объективной социальной реальности пореформенной России совокупность связей между субъектами местного самоуправления и региональными элитами возможна искомая современной правящей федеральной элитой страны оптимизация отношений между правовым образом субстанцированной государственной силой, доминирующей в управленческом региональном разрезе, и местной властью муниципальных сообществ, составляющих, в своей соединенности, собственно, большую часть социального и политического пространства региона [17, гл. 7].

Политическое влияние в Российской Федерации, как принято считать, распространяется в основном традиционным для нашей страны способом — сверху вниз или из концентрирующего центра к периферии [16, с. 297–301; см. также: 17, гл. 6]. Периферия политически предстает расслоенной на три основные части: региональные власти, органы и должностные лица местного самоуправления и та полуобывательская, но с элементами гражданского участия и интереса среда, которая старается обойтись, по возможности, без всяких властных субъектов, и в этом противостоянии способна к определенной самоорганизации и самоуправлению. Встречное движение в том направлении, которое реализуется в обретении политической самосознательности, самостоятельности и субъектности, распространяющейся от низового уровня «grass roots», элементов общественной самоорганизации и первичных прото-коллективов должны, по идее, совершать и, в конечном счете, возглавлять местные авторитеты и местные начальники, далеко не всегда возникает в спонтанном режиме. Кроме того, не проявленная, но вызревающая специфическим образом власть местных традиций и порядков, олицетворяемых вожаками местных движений и местного сопротивления инициативам государственной власти, зачастую принимает облик местной фронды, не способной, по мнению типичного государственно-властного органа или чиновного лица, к рациональным договоренностям и действующей на практике подчас вопреки проявленному государственному интересу. По этим причинам влияние государственной нужды и/или запроса, даже если последние, в конечном счете, совпадают с локализованными потребностями общественного блага, не является гарантией ее адекватного восприятия в глазах местного населения.

Муниципальная политическая (как, впрочем, и социальная) реальность складывается из фундированных повседневностью [6, с. 29–50; 8] интересов, замыслов и действий ее основных участников, в числе которых непременно выступает местное сообщество, так или иначе сложенное, «скомковавшееся», спрессованное актуальным, прошлым или перспективным опытом, а также представители или прямые интересанты из регионального пула политических игроков. Обе стороны олицетворяют собственную линию действий, обусловленную и своеобразным видением будущего, и субъективной оценкой способов и механизмов его формирования (см. об этом, к примеру: [1, с. 94–96]). Поэтому вполне закономерно, что на каких-то этапах эволюции, в местах пересечения имущественных и иных интересов они с трудом понимают и принимают сущностные черты позиций друг друга. Здесь кроется немалый конструктивный, созидательный, но вместе с тем и конфликтогенный потенциал, который может быть востребован в силу сложившегося положения вещей, но может и накапливаться, не находя до поры своего воплощения или, к примеру, достойных носителей и защитников.

Даже краткий абрис истории эволюционных перестроений системы местного самоуправления в России за последние 25 лет говорит о ряде тенденций, выявленных переходом от старого к новому. Советская власть инкорпорировала местные взаимоотношения в систему государственного управления, и, не без оснований полагая себя властью всего народа, освобожденного от классово чуждых элементов, заботилась о ее развитии лишь постольку, поскольку отношения в повседневной среде служили способом восполнения и достройки стержневого принципа организации политической (партийной) работы — по производственному принципу. Будучи привязанными к месту отправления основного общественного долга, эти отношения выстраивались не в связи и по поводу повседневных нужд и забот населения страны, но вокруг основного места работы, для того времени — места преимущественно обретения, реализации и оценки человеческого потенциала как производительного и его реального вклада в приумножение общественных богатств. Местная власть и ее органы были продолжением народного государства и партии всего народа, советская власть практически всегда дотягивалась своими управленческими и контролирующими органами до любого места, населенного или осваиваемого людьми, а потому вопросов об особой роли и месте самоуправления народа в местах его бытования просто не возникало.

При уходе руководства страны от советской модели власти и прекращении политического доминирования КПСС, при интенсивном восстановлении и отчасти формировании на новой основе востребованных новыми лидерами необуржуазных органов упорядочивания реальности и соответствующей власти потребовалось, среди прочего, воссоздание такой модели местной организации жизни и управления, которая, с одной стороны, опиралась бы на общинно-коллективистскую психологию бывших советских людей, а с другой стороны — смогла бы олицетворять государственную ориентированную суверенность самого народа. Новая модель местного самоуправления, сформированная, в том числе, усилиями деятелей Конституционного совещания в ходе дискуссий 1992–1993 гг. [9], отражала достигнутый политический компромисс между сторонниками и противниками нового курса. Этот компромисс реализовался, помимо прочего, в избыточном педалировании темы организационной самостоятельности местных общин и их органов управления, отделенных от органов власти государственной, начиная с уровня регионов, и фактически декреционно наделенных собственной сферой компетенции, куда отныне входила та самая инфраструктурная, обеспечивающая, внепроизводственная повседневность. Таким образом, коммунизм как идейная подоплека советской повседневности сравнительно легко оказался заменен коммуналистикой и коммунистическим тартизмом, а ежедневность выживания в напряженных условиях перестройки новой

России на старых (ранее, казалось бы, преодоленных) основаниях поставила на первое место вопросы потребительской обеспеченности средствами к жизни и совокупность приемлемых жилищно-коммунальных условий, в то время как возникающее разочарование в новой власти, неспособной решить вопросы нормализации качества жизни и организации новых порядков без своеобычного насилия и принуждения, постепенно отвратила большую часть населения от участия в любых формах политической деятельности, если только они не касались близкого и понятного каждому «фамильного» круга проблем¹.

В литературе 1990-х годов встречается немало вполне пропагандистских панегириков в пользу местной власти, ее больших, но утраченных исторически возможностях, ее близости к народу и ее, якобы, особой эффективности [7; 13; 14; 15]. При этом нередко забывалось, что по большей части эта обновленная власть базировалась на авторитетах и достижениях, сформировавшихся в советскую историческую эпоху. Идеи организации местного самоуправления на потребу новому этапу государственного устройства были впервые формализованы лишь в 1995 г. в нормах известного 154-го Федерального закона, отнюдь не уникального по своей сути для истории страны. Главным отличительным признаком первого ново-российского закона об общих принципах организации местного самоуправления, на мой взгляд, было провозглашенное право потенциальных местных сообществ и их лидеров на многомерное социальное экспериментирование, которое должно было помочь гражданам практически апробировать и выявить такие формы организации власти, которые были бы способны адекватно воспроизводить степень готовности граждан к инициативе и самостоятельного властно-политического действия. Все, к чему не имела отношения (или чем не интересовалась, или до чего не могла дотянуться) региональная и федеральная государственная власть, объявлялось «по умолчанию» прерогативой власти местной, и сами граждане должны были эту власть сформировать, обустроить и, наконец, пользоваться ее услугами себе во благо в постоянном (организационно-управленческом) режиме. Иными словами, несостоявшаяся власть народа оказалась властью для народа, она вновь была обособлена, отстранена и отчасти отчуждена от ее источника и превратилась в способ служения неспособным властвовать, а не самовыражения носителей властных качеств.

Понятно, что в государстве, федерально ориентированном и обустроенном, но при том традиционно самодержавническом и унитаристском, в государстве, провозглашающем местную власть конституционной основой демократического устройства, но притом не отпускающей ее с короткого политенциарного поводка сама местная властность, ее порождающие структуры и персоналии не могут целенаправленно осуществлять свое предназначение исключительно в собственной среде, и тем более — в политически разреженном пространстве общения и связей. Местная власть, особенно в своем управленческом модусе, оказывается изначально этатизированной, поскольку, так или иначе, но *реагирует* на государственные действия или инвективы, так или иначе, но *относится* к государственному интересу и потребностям (а также к органам и фигурам, их олицетворяющим), наконец, так или иначе, но *инициирует* социальные изменения той или иной направленности, особенно в тех случаях, когда чувствует несуразности и несообразности в указаниях, действиях и помыслах всякого рода властительных представителей государства. Конечно, логики социальных практик здесь определенно отличаются по своим основаниям от того набора аксиом,

¹ Плодотворная идея А. С. Ахиезера [3; 4] об архаизации системы общественных отношений в условиях кризиса идентичности может быть, на мой взгляд, прочтена в обратной логике, которая заключается в обращении социально дезориентированных слоев в кризисных и турбулентных обстоятельствах к привычным, наработанным веками, спасительным «технологическим картам» деятельности и общения.

правил и норм, который воплощается в действиях носителей государственных компетенций. Однако надо заметить, что природа этих логик для нужд локусов и локальностей меняется заметно, но отнюдь не радикально, ибо во всех своих проявлениях она остается логикой локализованного актуально и «здешно», объектно, темпорально и пространственно специфического, но все же по-прежнему человеческого воздействия на других людей и обстоятельства их взаимодействия, совмещенного с весьма специфической, но отнюдь не чужеродной для повседневности человеческого бытия структурно организованной практикой «управления с рефлексией», отнесенной к пусть одомашненной, обитаемой и преобразованной для жизни, но все же государственно присущей (не отделенной от государства) территорией, на которой, собственно, и разворачиваются в своей действительности конstellляции и ансамбли человеческих отношений. Для всякой отягощенной самодержавно-имперской историей государственной власти, как нам представляется, характерна тенденция неосознанно занижать значимость и ценность процессов на местном уровне, переводя тем самым актуальность *субъективного* (связанного с этим временем-местом и этими людьми) политического опыта малых дел в потенциальность политической *субъектности* (способности к самостоятельной политической игре), имеющей тенденцию выводить участников процессов формирования повседневности выживания на территориях местных сообществ в заметные и значительные политические фигуры государственного масштаба.

Есть основания полагать, что за четверть века существования новой власти в России она сумела так обустроить организационные формы, набор лидеров и, в конечном счете, саму систему местного самоуправления в стране, что для самих носителей явной и правомочной политической субъектности она в большинстве случаев и обстоятельств при необходимости как-то поступить в политико-правовом поле видится в значительной мере потенциальной, скрытой, недоразвитой и недостаточно дееспособной. Это случилось, на мой взгляд, в результате применения к местной власти сообществ на уровне районов и поселений своего рода «презумпции суверенности и самостоятельности», из которой следовало негласное право местных авторитетов совершать любые ошибки и допускать огрехи при принятии собственных решений, если при этом не затрагивались идейные основы, политические идеалы и стратегические ориентиры властных фигур, их кланов и клиентел [2] складывающегося в Российской Федерации государственного строя и не возникали условия, порождающие у базисного контингента местного населения поводы для сомнений в его состоятельности, правомочности и легитимности.

Промежуточные итоги того этапа эволюции местной власти в России, который связан со временем пребывания на президентском посту Б. Н. Ельцина и его команд, сменявших друг друга, можно обозначить, как представляется, следующим образом: исполнив свою политическую, социальную и идеологическую роль в деле «докапитализации», «десуверенизации» и «деконструкции» России, ее народа и его власти, местные сообщества, их лидеры, слои и группировки оказались отнесенными от участия в принятии властных решений, и по этой причине вынужденно сосредоточились на интенсивном и ускоренном освоении предоставленного им социального пространства. Надеждам на самостоятельность и самодостаточность местных сообществ сбыться было не суждено, упования на российский традиционализм в земско-общинническом ракурсе оказался переоценен, а претензии на выражение «гласа народа» перед лицом «старших братьев» по властвующей корпорации — мягко говоря, не обоснованными. Нарочитая бравада самостоятельностью и неподотчетностью, периферийность замыслов и маргинальность стилистики политических процессов в муниципальном континууме Российской Федерации значительно снизила ценность этого политического ресурса в глазах вновь сформировавшихся в эпоху 90-х и реформатированных в первом десятилетии нового

века элитарных политических кругов, берущих на себя ответственность за судьбы страны. И если для первого Президента России политически приемлемая роль местной власти и самоуправления сводилась к сдерживанию амбиций так называемых «региональных баронов», способных возомнить себя действительными хозяевами на просторах вверенных им частей российского политического поля, то для последующих стало понятно, что политическая значимость предписанных местной власти и ее органам ролей в условиях нового, централизованного федерализма практически исчерпана, а значит, пришла пора вывести этот политический слой с переднего края борьбы за новую Россию. По сути дела с момента развертывания дискуссий о роли и месте местного самоуправления в условиях новой концентрации и реорганизации политического пространства вокруг известной управленческой вертикали они шли под флагом перестройки сложившейся к концу 90-х модели местного управления, реализуемой при условии значимости властной самостоятельностью людей на местах, которые, искусно уклоняясь от патерналистских объятий государства, сумели создать в муниципальной части России что-то вроде «свободной политической зоны», пытающейся жить не по законам, а по правилам, и в силу этого подчас не способной адекватно реагировать даже на простейшие управленческие импульсы со стороны государственной власти.

Юридически симметричный и соразмерный 131-й Федеральный закон, сохранив старое название, на мой взгляд, радикально переменял существенные основания муниципального бытия в России. Отныне оно стало напрямую регулироваться государственными правовыми уложениями, а неотъемлемые возможности быть самостоятельными в сфере собственной компетенции под давлением меняющихся обстоятельств привели к политическому дрейфу в сторону сужения сферы этой компетенции. Как бы ни оценивался этот дрейф, он сложился в ответ на вполне определенную общественную потребность: вывести местную власть и управление из «серой зоны» самостийности и бесконтрольности, придав им основательность тяжестью разделяемой с государственными органами и структурами ответственности. Практически все первое десятилетие двадцать первого века в российской муниципальной среде сошелся если не эпохальный, то весьма радикальный и впечатляющий по размаху и масштабам преобразований социальный переворот, связанный не только с тщательной имплементацией новых правовых норм и доводкой управленческо-правовых механизмов взаимодействия органов государственной и муниципальной власти до степени алгоритмизации, но и с переосмыслением базисных идей относительно политического значения, ценности и, важнее всего, предназначенности местной власти.

Концептуально совокупность нового видения места и роли самоуправляющейся местной власти оказалась окончательно оформлена, как мне представляется, на рубеже 2011–2012 гг. в известной совокупности статей тогдашнего Председателя Правительства РФ В. В. Путина, опубликованных в ходе очередной президентской избирательной кампании. Этот PR-ход дал, тем не менее, возможность желающим внимательно проанализировать воззрения бывшего/будущего первого лица государства в сравнительно целостном, хотя и разномасштабном виде, а, учитывая особенности газетных публикаций, позволил, наконец, собрать воедино и систематизировать в логике власти идеи относительно того, зачем и для чего современной российской государственной власти такой, прямо скажем, весьма беспокойный, хотя и вполне институционализированный субъект, как местная власть. Основная идея нового подхода заключена в том, что местное самоуправление, помимо всего прочего, должно превратиться в своего рода «школу демократии»¹,

¹ Путин В. В. Демократия и качество государства [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ», № 20 / II (4805) от 6 февраля 2012 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 12.03.2018).

в которой все, кому в этом есть нужда, могут и должны освоить первичные компетенции современного демократического управленческого стиля. Прямо констатируемое автором статей отставание качества нашего государства от готовности гражданского общества в нем участвовать¹ может и должно быть компенсировано максимизацией опыта участия в делах местной власти.

Для современной России такой подход оказался практически инновационным. В нашем государственном механизме сложилось положение, при котором, с одной стороны, «демократия большого государства» более-менее органично складывается из «демократии малых пространств», а с другой — сами эти малые пространства есть локальности воспроизводства и генерации жизненно важных взаимоотношений между людьми, разрозненных партикулярными интересами или объединенными общим, но почти никогда не выходящим за пределы сравнительно узкого круга лиц, территориально обособленных от остального населения страны. Именно по этой причине российское местное самоуправление в своей новой ипостаси начало форматироваться и может состояться как школа ответственности граждан не только за судьбы своих близких, но и за судьбы тех, кто рядом — соседей, земляков, сограждан. В то же время это «профессионально-политическое училище», которое формирует ключевые компетенции народного политического лидера, способного в то же время подниматься до осознания общегосударственного интереса. Среди этих знаний, умений и навыков числится способность договариваться с различными профессиональными и социальными группами; умение доносить свои идеи до людей, убеждать их в своей правоте; навыки защиты и отстаивания прав и интересов своих избирателей, равно как и тех, кто доверяет им решение своих насущных проблем и вопросов. Данный список, конечно, открыт, и каждый новый этап утверждения народовластия будет его видоизменять. Однако идеологически и концептуально он сформирован вполне определенным образом и уже работает на стратегический успех России как государства народа и для народа.

При таком политико-управленческом подходе было бы неразумно ожидать, что государство пустит процесс на самотек и оставит силы местного влияния из властных позиций без пристального внимания. Тот государственный посыл, который содержится в ныне предложенной обществу концепции местной власти², требует своего рода «сотрудничества» всех действующих и потенциальных субъектов политического рода, активистов гражданского общества и капитанов бизнеса. Избранный в начале второго десятилетия XXI века и продолженный на новый президентский срок политический курс предполагает выявление и развитие государственно ориентированных свойств местной власти, ее авторитетов и организующих лидеров. Это далеко не всеми было воспринято с пониманием. Это далеко не всякому по силам и, мало того, далеко не всегда согласуется со сложившейся направленностью локальных эволюционных процессов во властной сфере, уровнем политического сознания местных сообществ и местными политическими нравами. Непростые и не всегда подходящие уроки лучших местных, но чужих практик, и уж тем более опыт негативных примеров местных поражений и провалов могут, вместе с тем, стать материалом для собственной управленческой рефлексии местных авторитетов, регионалов, федералов и даже научного теоретизирования относительно трудностей реальной глокализации, равно как и экспертных оценок эффективности внешнего влияния на эволюции социополитических локальностей с точки

¹ Там же.

² Отметим, что отсутствие темы муниципального управления в выступлении Президента РФ 1 марта 2018 г. означает для нас как раз вполне осознанную пролонгацию стратегических установок начала 2012 г.: государственный интерес по преимуществу первичен, местный интерес — почти всегда вторичен (но отнюдь не второразряден).

зрения их перспективного развития. Однако первичным, первенствующим и, так сказать, «первозванным» остается все же реальный базисный политический смысл института местной власти: обеспечивать условия для самоуправления народа посредством самого народа. В противном случае местное самоуправление превращается в карикатурное воспроизведение худших для российской государственной системы качеств и характеристик.

После 2014 г. и выхода в свет известного 172-го Федерального закона о стратегическом планировании в РФ «местом встречи» и согласования интересов региональной власти государства и муниципальных органов, отражающих позиции и цели местных сообществ в границах территорий муниципальных образований, должны были стать разработка муниципальных стратегий и практика территориального планирования муниципальных образований. Однако вместо ожидаемой конвергенции позиций высоких договаривающихся сторон опять обнаружилась система противоречий, вполне разрешимых на практике, но теоретически выглядевших как непреодолимые препятствия. Централизовавшись, живые федерационные отношения между различными субъектами деятельности и власти разных уровней оказались подвержены коррозии чрезмерной формализации, что на практике привело к ослаблению антибюрократических самостоятельных начал «на местах» и своего рода кристаллизации «суставных» конструкций региональной власти, не способной, как выяснилось, справиться с собственными позывами к разнообразному, но почти всегда избыточному лидерству на территории вверенных ей частей России. Иными словами, сотрудничества опять не случилось, но в отличие от ситуации середины 90-х, подлинных адептов и романтиков местного самоуправления, способных идеологически, политически и организационно биться за его возрождение в стране, почти не осталось. Косвенным, но важным, на мой взгляд, свидетельством этого не слишком оптимистического, с политикоэкономической точки зрения, обстоятельства является постепенная элиминация специальных организационных структур, занимавшихся основной разработкой различных аспектов темы местной власти и муниципального управления в Администрации Президента РФ, однако обнадеживает состоявшееся буквально в течение месяца сразу после инаугурации В. В. Путина в 2018 г. восстановление присутствия темы местной власти и ее проблем, в том числе и в Управлении внутренней политики администрации Президента¹.

По моему мнению, источником сложившегося положения вещей оказалось доминирование формально-юридической логики и своего рода «правового идеализма» при обсуждении концептуально важных аспектов реформирования местной власти ради перевода ее в организованную форму. Политическая философия местного дела, ее проблемное поле и понятийный аппарат и в момент разработки Конституции РФ, и во времена принятия 154-го Федерального закона интересовала весьма незначительную часть знатоков и специалистов. По этой причине многие нюансы отношений в политическом теле местного властвования и подчиненностей, специфические проявления именно в момент перехода от советской модели к постсоветской, оказались неучтенными при конструировании федерального законодательства на этот предмет, что не могло не сказаться на реальных процессах (ре)организации местного самоуправления как властно-управленческого института и муниципализации властных прерогатив всякого рода местных авторитетов.

Хорошо усвоено на опыте и в России, и в мире, что косвенным способом усиления влияния управленческого воздействия со стороны региональных государственных органов и их руководителей в сторону интересующих их целевых объектов

¹ Указ Презента РФ от 14 июня 2018 г. № 334 «О мерах по оптимизации структуры Администрации Президента Российской Федерации». Адрес доступа в ИПС «Гарант»: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71865206/> (дата обращения: 22.06.2018).

является разработка и внедрение соответствующих законов, подзаконных актов, методических рекомендаций по их применению и корпуса негласных указаний, призванных сориентировать местные власти и муниципальные органы, равно как и их руководителей, не только в круге их обязанностей и ответственности, в содержании и границах их полномочий, но также и в том, какие правовые, моральные и политико-властные инструменты они могут задействовать при решении вопросов, входящих в их компетенцию. Контекстуальный контент-анализ материалов бывшего Минрегиона¹ и его «наследников» в лице Минюста и Минэкономразвития, посвященный этой теме, позволяет обосновать значимый для целей дальнейших исследований тезис о том, что привлечение в качестве посредника и медиатора в отношениях между уровнями публичной власти фигуры научного, экспертного советника, пропагандистов и просветителей, а также российских аналогов «advocacy groups» может оказаться не только полезным, но и необходимым в условиях, когда взаимное доверие между уровнями власти оказывается по каким-то причинам подорванным или утраченным. При удачном же стечении (либо конструировании) обстоятельств возникает основание для сотрудничества, взаимопомощи и даже созидания виртуальных и реальных сетевых структур, способных сделать современную власть более живой и динамичной [5, с. 1–8; 10; 12].

Недооцененным для целей управленческой оптимизации местной власти остается регулятивный, коммуникационный и медиационный потенциал всякого рода совместных и ассоциативных органов муниципальных образований, в том числе учрежденных на основе требований 131-го Федерального закона в каждом из субъектов Российской Федерации. Рассматривая эти ассоциации межмуниципального сотрудничества в большинстве случаев как основу для установления кооперационных хозяйственных связей и формирования субъектов, способных взять на себя функции обеспечения качественными услугами жителей нескольких рядоположенных или граничащих между собой муниципальных образований, региональные и местные руководители еще не в состоянии увидеть их как площадку обмена политическим опытом, руководств повседневными политически акцентуализированными коммуникациями, эволюциями и целеполаганием местных общин, способных в одночасье становиться политическими субъектами и так же легко утрачивать эти политические субъектные качества [см., к примеру, 11]. Заметим, что опыта такого рода взаимодействия не слишком много, и он практически не исследуется.

Таким образом, в логике понимания значимости и перспектив российской местной власти и управления сложились тенденции, которые уже есть возможность выявить и отследить. Определение совокупности концептуальных моделей, способных эксплицировать выявленные тенденции и направленность, становится актуальной задачей той совокупности наук, которые экспертным и иным образом обслуживают сферу государственного и муниципального управления. Местная политика и диалоговые различные сегменты местных ячеек гражданского общества, проводимые совместно с властью и по поводу власти, не могут далее оставаться «фигурой умолчания»: в России всякая попытка вывести идейные разногласия и политические расхождения за пределы открытого и разумного диалога приводят, к сожалению, к доминированию маргинальных и экзотических форм политического сознания, в том числе и его экстремистских вариантов. Бюджетная, социальная и медийная открытость местного политического пространства, продвижение местной власти как авторитетной в глазах государства, формирование реальных и виртуальных политических союзов и сетей как предпосылок укрепления основ гражданского

¹ Их можно найти на Официальном портале органов власти Российской Федерации по адресу: <http://archive.government.ru/power/57>.

общества уже осознается федеральной властью и лидерами государства. В данной статье, по нашему мнению, предложены и обоснованы некоторые теоретически возможные варианты организации такой деятельности на ближайшую перспективу.

Литература

1. Аксенова О. В. Динамика научного дискурса в изучении локальности // *Власть*. 2014. № 5. С. 94–96.
2. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М. : Московский Общественный Научный Фонд, 1997; 2-е изд., доп. М., 2000.
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998.
4. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998.
5. Беляева Ю. Ю. Субъекты государственной политики: проблемы теоретической концептуализации [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. Вып. 29. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_29_dekabr_2011_g./pravovye_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/belyaeva.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // *Социо-Логос: социология, антропология, метафизика*. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М. : Прогресс, 1991. С. 39–50.
7. Гильченко Л. В. Местное самоуправление. Долгое возвращение. М. : МОНФ, 1998.
8. Капкан М. В. Культура повседневности : уч. пос. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.
9. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. В 20 тт. / под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина и др. М. : Юридическая литература, 1995–1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusconstitution.ru/term/69/> (дата обращения: 20.06.2018).
10. Михайлова О. В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики : дис. ... д-ра полит. наук. М. : Изд-во МГУ, 2014.
11. *Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации* / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. М. : ТЕИС, 2011.
12. Саворская Е. В. Влияние политических сетей на процессы надгосударственного управления (глобальный и европейский уровень) : автореф. ... канд. полит. наук. М. : МГИМО, 2013.
13. *Местное самоуправление в России. Отечественный и исторический опыт. Сб. документов (1861–1917 гг.)* / под ред. А. Я. Слива. М. : МОНФ, 1998.
14. *Становление местного самоуправления в Российской Федерации* / ред.-сост. О. Л. Савранская. М. : МОНФ, 1999.
15. *Субъект Российской Федерации и местное самоуправление: совершенствование экономического взаимодействия* / под ред. В. Я. Любовного и др. М. : МОНФ, 1999.
16. Удалов В. С., Колобов О. А. Система «центр-периферия» в современном политическом процессе // *Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского*. 2011. № 2 (1). С. 297–301.
17. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Об авторе:

Баранец Сергей Николаевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; brnts@rambler.ru

References

1. Aksenova O. V. Dynamics of a scientific discourse in studying of locality // *Power [Vlast']*. 2014. N 5. P. 94–96. (In rus)
2. Afanasev M. N. Clientelism and Russian statehood. M. : Moscow Public Scientific Fund, 1997; the 2nd edition. M., 2000. 318 p. (Monographs series). (In rus)
3. Akhiezer A. S. Russia: criticism of historical experience (sociocultural dynamics of Russia). V. 1. From the past to the future. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1998. 804 p. (In rus)

4. Akhiyezer A. S. Russia: criticism of historical experience (sociocultural dynamics of Russia). V. 2. Theory and methodology. Dictionary. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1998. 600 p. (In rus)
5. Belyaeva Yu. Yu. Subjects of state policy: problems of theoretical conceptualization [Electronic resource] // Public administration. Electronic bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]. 2011. Issue 29. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk__29._dekabr_2011_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravljenija/belyaeva.pdf (In rus)
6. Waldenfels B. Mundanity as melting pot of rationality // Sotsio-Logos: sociology, anthropology, metaphysics [Sotsio-Logos: sotsiologiya, antropologiya, metafizika]. Issue 1. Society and spheres of sense. M. : Progress, 1991. P. 39–50. (In rus)
7. Gilchenko L. V. Local government. Long return. M. : MONF, 1998. 109 p. (In rus)
8. Kapkan M. V. Culture of mundanity: tutorial. Yekaterinburg: Publishing house of Ural University, 2016. 110 p. (In rus)
9. Constitutional meeting. Shorthand reports. Materials. Documents. In 20 v. / under a general edition of S. A. Filatov, V. S. Chernomyrdin, etc. M. : Juridical literature, 1995–1996. [Electronic resource]. URL: <http://www.rusconstitution.ru/term/69/> (date of the address: 20.06.2018). (In rus)
10. Mikhaylova O. V. Network architecture of public administration: problems of conceptualization and practice. Doctoral Dissertation. M. : MSU publishing house, 2014. 335 p. (In rus)
11. Russian regions: an economic crisis and problems of modernization / under the editorship of L. M. Grigoriev, N. V. Zubarevich, G. R. Hasayev. M. : TEIS, 2011. 357 p. (In rus)
12. Savorskaya E. V. Influence of political networks on processes of supranational management (global and European level). Dissertation *abstract*. M. : MGIMO, 2013. 27 p. (In rus)
13. Sliva A. Ya. (edition). Local government in Russia. Domestic and historical experience. Collection of documents (1861–1917). M. : MONF, 1998. 300 p. (In rus)
14. Formation of local government in the Russian Federation / edition and collection of O. L. Savranskaya. M. : MONF, 1999. 384 p. (In rus)
15. Territorial subject of the Russian Federation and local government: improvement of economic interaction / under the editorship of V. Ya. Lyubovny, etc. M. : MONF, 1999. 202 p. (In rus)
16. Udalov V. S., Kolobov O. A. The «center — periphery» system in modern political process // Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N. Lobachevsky [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. Lobachevskogo]. 2011. N 2 (1). P. 297–301. (In rus)
17. Turovsky R. F. Political regionalistics. M. : HSE publishing house, 2006. 792 p. (In rus)

About the author:

Sergei N. Baranets, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; brnts@rambler.ru

Транснациональная среда мировой политики как фактор развития международного процессуального права*

Орлова И. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; innaorlova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ системы транснациональных отношений как результата взаимодействия акторов, обладающих различной степенью суверенности и автономности, исследуется проблема нормативного регулирования транснациональных отношений, проводится анализ влияния транснациональной среды мировой политики на формирование транснационального процессуального права как составляющей международного процессуального права, определяются принципы, лежащие в основе разрешения транснациональных конфликтов, проводится анализ современных способов и форм разрешения транснациональных споров.

Ключевые слова: международные отношения, транснациональная среда, транснациональные отношения, транснациональные споры, международное процессуальное право, транснациональное процессуальное право, формы разрешения транснациональных споров, онлайн разрешение споров

Transnational Sphere of World Politics as a Factor of Development of International Procedural Law

Orlova I. A.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; innaorlova@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the system of transnational relations as a result of the interaction of actors with varying degrees of sovereignty and autonomy, examines the problem of the normative regulation of transnational relations, analyzes of influence of the transnational sphere of world politics on the formation of transnational procedural law as a component of international procedural law, defines the principles underlying in the basis of the resolution of transnational conflicts. An analysis of the contemporary methods and forms of settling transnational disputes.

Keywords: international relations, transnational environment, transnational relations, transnational disputes, international procedural law, transnational procedural law, form of transnational disputes resolution, online dispute resolution

В конце XX — нач. XXI в. система международных отношений кардинально изменилась. Изменения коснулись как акторов, действующих на международной арене, так и нормативных регуляторов, которые воздействуют на поведение субъектов. Многообразии отношений, в которые вступают различные по статусу субъекты — суверенные и несуверенные, властные и невластные, публичные и частные, привело к качественному изменению миропорядка.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Концепция международного процессуального права», проект № 17-03-50181-ОГН/18.

В политической доктрине стали заявлять о становлении транснациональной среды мировой политики [5, с. 106–111], участниками которой являются различные по своему статусу субъекты: государства, негосударственные, надгосударственные, транснациональные¹ акторы. В рамках транснациональной среды осуществляются взаимодействия и взаимосвязи как традиционных субъектов международных отношений, так и новых участников. Это взаимодействие охватывает различные сферы: экономику, политику, культуру, информационную среду и др. [5, с. 106–111]. В процессе осуществления данного взаимодействия субъекты вступают в различные транснациональные отношения — формируется трансграничный рынок труда, осуществляется трансграничная торговля (экономическая деятельность), инвестируется иностранный капитал и пр.

Зарубежные политологи обращают внимание на различные аспекты «транснациональной коммуникации» — транспортные, финансовые отношения, отношения, возникающие при перемещении через территории различных государств. Безусловно, «транснациональное взаимодействие может обеспечиваться правительствами, но не может осуществляться только правительствами, неправительственные акторы должны также играть значительную роль». В политический дискурс было введено понятие «транснациональное взаимодействие» как «движение через государственные границы материальных и нематериальных предметов тогда, когда по крайней мере один из его акторов не является представителем государства или правительственной организации» [11].

В российской правовой доктрине единого мнения относительно определения транснациональных отношений нет. Так, одни ученые к транснациональным отношениям относят такие, одной из сторон которых всегда является физическое или юридическое лицо, т. е. международные отношения, которые не являются межгосударственными отношениями [6, с. 10–13].

Другие полагают, что субъектами транснациональных отношений могут быть властные субъекты, не имеющие качества суверенности (субъекты федераций, административные единицы, приграничные территории), а также невластные субъекты (физические лица, юридические лица, транснациональные корпорации и пр.) [2, с. 2].

Л. Н. Галенская выделяет следующие черты транснациональных отношений:

- а) субъекты этих отношений могут вступать в них исключительно с дозволения государств;
- б) регулирование этих отношений осуществляется государствами;
- в) основные принципы международного публичного права полностью действуют в этих отношениях.

Регулирование транснациональных отношений может осуществляться посредством различных видов социальных норм: моральных, политических, в некоторых случаях, даже религиозных. Но основной объем регуляторов транснациональных отношений составляют правовые нормы, причем формирующаяся система «глобального управления» [4, с. 188] включает различные комплексы правовых норм. Традиционные системы правового регулирования — национальное право и международное — продолжают развиваться, однако, в рамках этих систем невозможно эффективное урегулирование транснациональных отношений.

Как отмечает Б. И. Нефедов, «особенностью транснациональных отношений является то, что они не имеют «собственной» правовой системы. Поэтому и в их регламентации, и в их непосредственном регулировании принимают активное участие и нормы национального права, и нормы международного права, и нормы права иностранных государств. Каждая из этих правовых систем считает эти общественные отношения своими» [6, с. 13].

¹ К транснациональным акторам можно отнести транснациональные корпорации (ТНК), международные неправительственные организации (МНПО).

Вместе с тем транснациональные отношения могут регулироваться нормами, созданными вне указанных правовых систем. К таким нормам можно отнести транснациональный обычай, а также акты международных организаций.

В международно-правовую доктрину была введена новая категория «субправо» как особая форма правового регулирования международной предпринимательской деятельности [1, с. 140 и далее]. В доктрине международного права представлены концепции «транснационального права» [2, с. 2–4].

В регулировании современных транснациональных отношений значительную роль на сегодняшний день играют не классические правовые нормы, как обязательное правило поведения субъекта, а политические, декларативные¹ нормы и различные рекомендации, выраженные в стандартах, правилах поведения² и т. д.³

Появляются новые виды международных соглашений — «диагональные» соглашения между субъектами с различным правовым статусом (государствами и неправительственными организациями⁴), «транснациональные» соглашения между властными субъектами национального права, но не обладающими международной правосубъектностью⁵. Несмотря на очевидную «международность» данных соглашений, их нельзя отнести к международным договорам в понимании Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

В процессе осуществления международных связей (транснациональных отношений) неизбежно возникают ситуации, когда нарушаются права участников этих отношений.

Некоторые авторы специально отделяют термины «транснациональный» и «трансгосударственный», указывая, что не все отношения, которые выходят за рамки одного государства, можно считать транснациональными. Как пример, обычно приводятся отношения между диаспорами одного этноса в различных государствах [7, с. 162–184]. В данной работе понятия «трансграничный спор» и «транснациональный спор» будут употребляться как тождественные.

В международно-правовых актах понятие «транснациональный спор» не представлено. Понятие «трансграничный спор» приводится в ряде регламентов⁶ и ди-

¹ «Декларация о международных инвестициях и транснациональных компаниях», 1976 (Организация экономического сотрудничества и развития).

² Правила для многонациональных предприятий, 27 июня 2000 г. (Организация экономического сотрудничества и развития — ОЭСР).

³ Комплекс согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой. Принят Конференцией Организации Объединенных Наций по ограничительной деловой практике в качестве приложения к резолюции от 22 апреля 1980 г.; Глобальное соглашение ООН 2000 г.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным Комитетом Красного Креста (МККК) о статусе МККК и его Делегации (Представительства) на территории Российской Федерации (Москва, 24 июня 1992 г.) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 3.

⁵ Соглашение о сотрудничестве между Правительством Санкт-Петербурга Российской Федерации и Администрациями регионов Стокгольм, Седерманланд, Упсала, Вестманланд и Эребру Королевства Швеции от 2 февраля 2006 г.: Соглашение между Правительством Санкт-Петербурга Российской Федерации и Правительством Республики Белоруссии о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной областях, 2006 г.

⁶ Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского союза ЕС 861/2007 от 11 июля 2007 г. об учреждении европейской процедуры урегулирования споров с небольшой суммой иска*(1): Ст. 3. Трансграничные случаи

1. В настоящем Регламенте под трансграничным случаем подразумевается случай, когда по крайней мере одна сторона по делу имеет постоянное место жительства в Государстве-члене ЕС, отличным от того Государства-члена ЕС, в суд или трибунал которого подано заявление.

ректив¹ Европейского парламента и Совета Европейского союза. Поскольку трансграничные отношения связаны одновременно с территориями нескольких государств [3, с. 3], то и трансграничные споры в данных документах определяются как споры, возникающие между сторонами, имеющими место жительства или обычное место пребывания в различных государствах.

Однако стоит обратить внимание, что понятие «трансграничный спор» в указанных документах имеет узкое содержание и касается в основном споров, возникающих между физическими или юридическими лицами.

Трансграничные немежгосударственные споры — это разногласия, возникающие между акторами международных отношений, в которых они (акторы) не имеют властных полномочий по отношению друг к другу. Среди таких споров можно указать, например, трансграничные налоговые споры, трансграничные хозяйственные коммерческие (экономические) споры, трансграничные финансовые споры, трансграничные споры о детях², и т. д.

Трансграничные немежгосударственные споры можно разделить на трансграничные публично-правовые споры и трансграничные частноправовые споры.

К трансграничным публично-правовым спорам стоит отнести, например, споры между сторонами, осуществляющими приграничное сотрудничество, между административными единицами разных государств, между публичными учреждениями разных государств (например, образовательными учреждениями), возникшими из публично-правовых отношений. Транснациональные частноправовые споры возникают между невластными субъектами различных государств, и примеров подобных споров очень много — споры из торговых отношений, отношений в сфере защиты интеллектуальной собственности, международных водных перевозок пассажиров, грузов и багажа и пр.

Специфика трансграничных (транснациональных) споров определяет и способы их разрешения.

В процессе урегулирования международных межправительственных споров государства пришли к необходимости создания системы разрешения межгосударственных споров, основанной на принципе мирного разрешения международных споров, а базовые способы были определены в ст. 33 Устава Организации Объеди-

2. Постоянное место жительства будет определяться в соответствии со ст. 59 и 60 Регламента Совета ЕС 44/2001.

3. Существенным условием определения того, является ли конкретный спор трансграничным, является дата подачи искового заявления в соответствующий суд или трибунал.

See: Regulation (EC) N 861/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 // OJ N L 199, 31.7.2007. С. 1–22. Перевод см.: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2569689/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/ixzz5QlfxFp00>.

¹ Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2008/52/ЕС от 21 мая 2008 г. «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах»* (1). Статья 2. Трансграничные споры

1. В целях настоящей Директивы под «трансграничным спором» понимается любой спор, в котором хотя бы одна из сторон имеет постоянное место жительства или обычное место пребывания в Государстве-члене, отличным от любой другой стороны...

2. Несмотря на параграф 1, в целях статей 7 и 8, также под трансграничным спором понимается любой спор, в котором судебные разбирательства или арбитраж после посредничества между сторонами начаты в Государстве-члене, отличным от тех, в которых стороны имеют постоянное место жительства или обычное место пребывания в день, упомянутый в параграфе 1(а), (b) или (с)».

See: Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. Опубликована в Официальном журнале (далее ОЖ. — прим. перевод.) ОЖ N L 136, 24.5.2008. С. 3–8.

² Термин используется на сайте Юридические практики «Custodies»: <http://custodies.ru/ru/семейное-право/spory-o-detyah.html>.

ненных Наций. Результатом взаимодействия государств при урегулировании межгосударственных конфликтов стало формирование международного процессуального права как системы принципов и норм, регулирующих отношения властных субъектов при разрешении конфликтов.

Однако трансграничные споры возникают между акторами, не обладающими суверенностью и международной правосубъектностью. Акторы транснациональных отношений могут быть носителями публичной власти на территории государства (например, субъекты государства), однако в международных отношениях такие участники не имеют международной правосубъектности. Даже если акторы являются носителями власти (государства), то, участвуя в подобных отношениях, они выступают равной стороной невластному контрагенту.

Данный факт необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о порядке разрешения транснациональных споров. Можно утверждать, что в систему международного процессуального права входят также и нормы, созданные совместно государствами, которые определяют порядок формирования международных органов и процедур для разрешения транснациональных споров, а также механизмы их урегулирования. Данную совокупность норм мы определим как транснациональное процессуальное право. Предметом международного транснационального права выступают отношения, возникающие при разрешении споров между невластными субъектами различных государств и регулируемые нормами международного права. Однако стоит отметить, что, поскольку транснациональные споры возникают между субъектами, находящимися под юрисдикцией государства, то разрешены такие споры могут быть не только посредством международных органов (в рамках транснациональной юрисдикции), но и в рамках национальной правовой системы.

В основе системы разрешения трансграничных споров лежат два принципа: основной принцип права — право на защиту и принцип, сформировавшийся в XX в., — принцип мирного разрешения споров.

Способы разрешения споров различаются по степени формализованности. В зависимости от субъекта, принимающего окончательное решение по спору, способы разрешения транснациональных споров можно разделить на примирительные и юрисдикционные. К юрисдикционным способам мы относим судебные и арбитражные процедуры. Спектр примирительных процедур достаточно широк — от переговоров и посредничества до согласительных комиссий, экспертных оценок и процедур установления фактов.

Трансграничные публично-правовые споры разрешаются, как правило, с применением примирительных способов. Если обратиться к текстам транснациональных соглашений, регулирующих отношения между властными субъектами, которые не обладают международной правосубъектностью, то можно обратить внимание на то, что такие соглашения либо вообще не содержат положений о порядке разрешения спорных ситуаций (см., например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве региона Санкт-Петербурга и регионов Республики Польша (Варшава, 2 октября 1992 г.), либо включают только примирительные процедуры (как правило, переговоры и консультации)¹.

¹ См.: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 02.06.2009 № 625 «О проекте соглашения о сотрудничестве между Правительством Санкт-Петербурга Российской Федерации и Народным Правительством Пекина Китайской Народной Республики» — ст. 9 «Споры между Сторонами в отношении толкования и применения настоящего Соглашения подлежат урегулированию путем переговоров и консультаций»; аналогичное положение содержится в Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 16.05.2011 № 572 «О проекте соглашения о сотрудничестве между Правительством Санкт-Петербурга Российской Федерации и мэрией г. Бордо Французской Республики» (ст. 9).

Данный факт вполне объясним, поскольку в настоящее время нет специальных судебных органов, которые были бы наделены компетенцией разрешать подобного рода споры. Хотя стоит отметить, что данные категории споров могут быть разрешены в рамках юрисдикции третейских судов (арбитража).

В соглашениях между публичными субъектами порядок разрешения споров может быть подчинен и национальной юрисдикции. Такой порядок разрешения противоречий предусмотрен, например, в Рамочном соглашении о сотрудничестве между Санкт-Петербургским государственным университетом, Российская Федерация, и Европейским гуманитарным университетом, Литва, которое было заключено в 2006 г.

Возможные разногласия при реализации данного Соглашения должны быть по возможности разрешены путем переговоров между Сторонами. Однако если Стороны не достигают договоренности в течение 30 дней с момента возникновения спора, они подчиняют разрешение конфликта государственной юрисдикции — Стороны вправе обратиться в суд по месту нахождения ответчика. При применении национальной юрисдикции Стороны согласились, что применимым правом будет право той страны, на территории которой возникло соответствующее правоотношение (п. 5 «Заключительные положения»).

Трансграничные споры между невластными субъектами разных государств могут быть разрешены как в рамках национальной юрисдикции, так и посредством транснациональной юрисдикции, которой обладают международные третейские суды (*Permanent Court of Arbitration, PCA*) и международные коммерческие арбитражи. В ряде случаев транснациональную юрисдикцию могут осуществлять судебные органы государств. Нередко при разрешении транснациональных споров в рамках национальных юрисдикций может возникать ситуация конкуренции юрисдикций.

Транснациональные частноправовые споры могут быть разрешены юрисдикционными органами, созданными в рамках международных организаций (МЦУИС, Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству и пр.), причем способы защиты нарушенного права не ограничиваются посредничеством и третейским разбирательством. Важную роль в разрешении споров играют квазисудебные органы, созданные в международных организациях, а также институт омбудсмена, все более активно применяющийся при разрешении споров в различных сферах (финансы, строительство, коммерческие отношения, экология и пр.).

В настоящее время намечается тенденция институционализации системы внесудебной защиты права.

Так, в Соглашении о едином патентном суде предусматривается создание Центра патентного посредничества и арбитража (в Любляне и Лиссабоне). Центр предоставляет услуги для посредничества и арбитража по патентным спорам, подпадающим под действие настоящего Соглашения. Однако действия патента не могут быть отменены или ограничено в результате разбирательства.

Специализированные международные третейские суды фактически являются международными «институциями», которые предлагают широкий спектр средств и способов решения транснациональных конфликтов, начиная от непосредственно третейского производства и заканчивая такими вспомогательными формами, как предоставление экспертных заключений, установление фактов, предварительная оценка дела, адаптация контракта.

Кроме того, одной из тенденций развития современных способов разрешения транснациональных споров является применение новых информационных технологий и формирование онлайн форм разрешения конфликтов [12]. Наиболее эффективно развивается онлайн разрешение потребительских споров [9], причем, как трансграничных споров в странах ЕС (где создана Европейская платформа разре-

шения споров в Интернете — *European Online Dispute Resolution platform*)¹, так и в иных региональных образованиях [8]. Довольно востребованной оказались онлайн формы урегулирования споров при осуществлении электронной коммерции [10].

Можно сделать вывод, что в настоящее время пока еще не сформирован универсальный механизм разрешения транснациональных споров. В то же время стоит отметить, что система разрешения трансграничных споров и транснациональное процессуальное право находится в постоянном развитии.

Литература

1. Бахин С. В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
2. Галенская Л. Н. Система правового регулирования современных международных отношений // Система правового регулирования международных отношений. Проблемы теории. Тезисы докладов научной конференции. Санкт-Петербург, 18–19 октября 2012 г. / под ред. С. В. Бахина. СПб. : СКФ «Россия-Нева», 2012.
3. Гафаров С. Э. Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
4. Кулагин В. М. Политико-правовое измерение международных отношений и мировой политики // Современные международные отношения и мировая политика : учебник / отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 164–189.
5. Мельвиль А. Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика : учебник / отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 106–142.
6. Нефедов Б. И. Межсистемные надотраслевые образования в праве : монография. Омск : Омский юридический институт, 2008.
7. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–184.
8. Colin Rule, Vikki Rogers, and Louis Del Duca. Designing a Global Consumer Online Dispute Resolution (ODR) System for Cross-Border Small Value-High Volume Claims — OAS Developments // Uniform Commercial Code Law Journal. Vol. 42 3. P. 221–264. URL: <http://colinrule.com/writing/ucclj.pdf>.
9. Esther Van Den Heuvel Online Dispute Resolution As A Solution To Cross-Border E-Disputes An Introduction To ODR URL: <http://www.oecd.org/internet/consumer/1878940.pdf>.
10. Hart C. Online Dispute Resolution and Avoidance In Electronic Commerce, an article submitted for the Uniform Law Conference of Canada, august 1999, located at <http://www.law.ualberta.ca/alri/ulc/current/hart.htm>.
11. Keohane R. O., Nye J. S. (Jr) Ed. Transnational Relations and World Politics. Cambridge. MA: Harvard University Press, 1972. P. IX–XXIX. Цит. поЕ URL: http://sr1.narod.ru/cyankov_kohen_nai.pdf.
12. Orlova I. A. Online Dispute Resolution: Traditional Forms and New Mechanisms // Journal of International Private Law. 2014. N 3 (85). P. 24–66.

Об авторе:

Орлова Инна Анатольевна, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; innaorlova@yandex.ru

References

1. Bakhin S. V. The subright (the international sets of the unified contract right). SPb. : Legal Press Center publishing house, 2002. (In rus)
2. Galenskaya L. N. System of legal regulation of the modern international relations // System of legal regulation of the international relations. Theory problems [Sistema pravovogo regul-

¹ Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the functioning of the European Online Dispute Resolution platform established under Regulation (EU) N 524/2013 on online dispute resolution for consumer disputes / URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/first_report_on_the_functioning_of_the_odr_platform.pdf

- lirovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii. Problemy teorii]. Theses of reports of a scientific conference. St. Petersburg, on October 18–19, 2012 / under the editorship of S.V. Bakhin. SPb.: “Russia–Neva”, 2012. (In rus)
3. Gafarov S. E. The main models of the international jurisdiction of civil cases in the national law: dissertation *abstract*. Saratov, 2012. (In rus)
 4. Kulagin V.M. Political and legal measurement of the international relations and world politics // Modern international relations and world politics : textbook / ex. edition A.V. Torkunov. M. : Education, 2004. P. 164–189. (In rus)
 5. Melvil A.Yu. Formation of the transnational political environment and “wave” of democratization // Modern international relations and world politics: textbook / ex. edition A.V. Torkunov. M. : Education, 2004. P. 106–142. (In rus)
 6. Nefedov B.I. Intersystem suprasectoral constructions in law: monograph. Omsk: Omsk Law Institute, 2008. (In rus)
 7. Sheffer G. Diasporas in a global politics // *Diasporas [Diaspory]*. 2003. N 1. P. 162–184. (In rus)
 8. *Colin Rule, Vikki Rogers, and Louis Del Duca*. Designing a Global Consumer Online Dispute Resolution (ODR) System for Cross-Border Small Value-High Volume Claims — OAS Developments // *Uniform Commercial Code Law Journal*. Vol. 42 3. P. 221–264. URL: <http://colin-rule.com/writing/ucclj.pdf>.
 9. Esther Van Den Heuve/I Online Dispute Resolution As A Solution To Cross-Border E-Disputes An Introduction To ODR URL: <http://www.oecd.org/internet/consumer/1878940.pdf>.
 10. *Hart C*. Online Dispute Resolution and Avoidance In Electronic Commerce, an article submitted for the Uniform Law Conference of Canada, august 1999, located at <http://www.law.ualberta.ca/alri/ulc/current/hart.htm>.
 11. *Keohane R. O., Nye J. S. (Jr) Ed*. Transnational Relations and World Politics. Cambridge. MA: Harvard University Press, 1972. P. IX–XXIX. Цит. поЕ URL: http://sr1.narod.ru/cygankov_kohen_nai.pdf.
 12. *Orlova I. A*. Online Dispute Resolution: Traditional Forms and New Mechanisms // *Journal of International Private Law*. 2014. N 3 (85). P. 24–66.

About the author:

Inna A. Orlova, Associate Professor of the Department of European Researches of the School of International Relations, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; innaorlova@yandex.ru

Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски*

Халин В. Г. *, Чернова Г. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.halin@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется существенным влиянием на него цифровизации. Как новый тренд мирового общественного развития, который пришел на смену информатизации и компьютеризации, он характеризуется следующим — основан на цифровом представлении информации, которое в масштабах экономической и социальной жизни как отдельной страны, так и всего мира приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. Всестороннее раскрытие особенностей цифровизации как современного тренда мирового развития включает раскрытие сущности цифровизации, особенностей цифрового представления информации, предпосылок и возможных положительных последствий цифровизации для России, соотношения понятий цифровизация и цифровая экономика, вызовов, угроз, возможных отрицательных последствий и рисков цифровизации для России, методов измерения степени охвата цифровизацией отдельной страны, а также включает описание современного состояния и задач цифровизации российской экономики.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экономика; предпосылки цифровизации; положительные и отрицательные последствия цифровизации; вызовы, угрозы и риски цифровизации; задачи цифровизации в России

Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks

Khalin V. G. *, Chernova G. V.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.halin@spbu.ru

ABSTRACT

The current stage of world economic and social development is characterized by a significant impact on it digitalization. As a new trend of world social development, which replaced information and computerization, it is characterized by the following: it is based on a digital representation of information that, in the economic and social life of a country and the whole world, leads to higher economic efficiency and better quality life.

The comprehensive disclosure of digitalization features as a modern trend in the world development includes the disclosure of the essence of digitalization, the features of digital representation of information, the prerequisites and possible positive consequences of digitalization for Russia, the relationship between digitalization and digital economy, challenges, threats, possible negative consequences and risks of digitalization for Russia, measurement methods the degree of digitalization coverage of a particular country, and also includes a description of the current state and tasks of digitalization for the Russian economy.

Keywords: digitalization; digital economy; prerequisites for digitalization; the positive and negative consequences of digitalization; challenges, threats and risks of digitalization; tasks of digitalization in Russia

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00221.

Что такое цифровизация

В настоящее время термин «цифровизация» используется в узком и широком смысле. Под цифровизацией в узком смысле¹ понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т. д. Большое число конкретных преобразований информации в цифровую форму приводит к таким существенным положительным последствиям, которые обуславливают применение термина цифровизации в широком смысле.

Как переход к цифровой информации всех сторон экономической и социальной жизни, цифровизация из простого метода улучшения разных частных сторон жизни превращается в драйвер мирового общественного развития, обеспечивающий повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни. Поэтому под цифровизацией в широком смысле понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни.

Цифровизацию в широком смысле можно рассматривать как тренд эффективного мирового развития только в том случае, если цифровая трансформация информации отвечает следующим требованиям: она охватывает производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан; сопровождается лишь эффективным использованием ее результатов; ее результаты доступны пользователям преобразованной информации; ее результатами пользуются не только специалисты, но и рядовые граждане; пользователи цифровой информации имеют навыки работы с ней.

Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации, когда речь шла в основном об использовании вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий для решения отдельных экономических задач. Большие возможности цифрового представления информации приводят к тому, что она (цифровизация) формирует уже целостные технологические среды «обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых пользователь может создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т. п.) с тем, чтобы решать уже целые классы задач².

Технологии работы с информацией. Основной технологией, используемой для работы с информацией ранее, была аналоговая технология. При ее использовании вся информация описывается уровнем напряжения электросигнала, подаваемого на компьютер (вычислительное устройство). Всякому изменению в напряжении электрического сигнала отвечает изменение информации, при этом при передаче информации с использованием аналоговых систем от входа до выхода сигнал остается таким, каким он был изначально — он не кодируется в цифровой вид. При использовании цифровых технологий аналоговая информация на основе использования двоичной системы исчисления сразу кодируется, а затем передается

¹ Впервые термин «цифровизация» ввел в употребление в 1995 г. американский информатик Николас Негропonte (Массачусетский университет). См.: *Negroponte N. Being Digital / N. Negroponte.* — NY: Knopf, 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://inance.ru/2017/09/cifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 10.05.2018). Однако реально процессы цифровизации, по крайней мере в экономике, начались уже давно. См. об этом, например: *Розина И. Н. Цифровизация образования* [Электронный ресурс]. URL: <http://ito.1gb.ru/tezises/1027.doc> (дата обращения: 10.06.2018); Козырев А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе [Электронный ресурс]. URL: <http://Medium.comCEMI-RAS>. Ноябрь, № 11. 2017 г. (дата обращения: 10.06.2018).

² Принять вызов цифровой экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/siberia/2017/48/prinyat-vyzov-tsifrovoj-ekonomiki/> (дата обращения: 10.05.2018).

по каналам связи пакетами в виде цифровых рядов. Уже на выходе она снова дешифруется из цифровой в аналоговую.

Пример — запись песни с микрофона на диск. Она представляет собою переход от аналоговой технологии представления информации (песни) — через электро-сигналы микрофона, к цифровой — представление этой записи на диске в виде оцифрованной информации. Однако воспроизведение этой песни с диска предусматривает дешифровку — переход от цифровой к аналоговой технологии воспроизведения информации (песни) — на основе электросигналов воспроизводящего устройства. Данный пример иллюстрирует взаимосвязь аналоговых и цифровых технологий работы с информацией. Подобные ситуации встречаются сплошь и рядом, поэтому говорить об абсолютном отказе от аналоговых систем и переходе только к цифровым технологиям работы с информацией не приходится [2].

Особенности цифровой информации. Свойства информации, представленной в цифровом формате, — возможность использования разнообразных физических принципов ее представления, запоминания и передачи информации, в том числе возможность зашифровать сообщение, передать его в такой форме, а потом снова дешифровать; возможность передачи информации с использованием различных материальных носителей; копирование и распространение информации без потери ее точности; многократное увеличение плотности ее записи и скорости передачи, а также «неуменьшение» и «неисчезновение» ее при потреблении; ее алгебраические свойства способствовали созданию цифровых технологий, более эффективных по сравнению с аналоговыми.

Особые свойства цифровой информации обусловили появление целого научного направления «digital economics»¹, включающего математические методы и модели, основанные на цифровом формате представления информации и на ее свойствах, вытекающих из него. Примерами являются технологии, используемые в логистике, геотехнологии, современные технологии предоставления банковских услуг, технологии обеспечения информационной безопасности и т. д.

Цифровая экономика и цифровизация

Вполне естественно под цифровой экономикой понимать экономику, основным трендом эффективного развития которой является цифровизация. Данное определение выделяет следующую основную особенность цифровой экономики — под воздействием тренда цифровизации она развивается эффективно.

В настоящее время существует множество определений понятия «цифровая экономика», которые делают акцент на том или ином аспекте воздействия тренда цифровизации на национальную экономику, например, на использовании инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий; на обеспечении ИКТ различных видов взаимодействий; на использовании интернета, мобильных и сенсорных сетей, возможностей работы в режиме онлайн; на применении электронного документооборота, современных электронных каналов связи, способов учета и хранения информации; на создании новых бизнес-моделей, новых рынков и новых потребителей и т. д. Анализ разных определений цифровой экономики показывает, что каждое из них выделяет лишь некоторые ее существенные особенности. Учет наиболее важных из них позволяет дать следующее ее развернутое определение:

цифровая экономика — это система социально-экономических отношений:

- нацеленная на повышение эффективности и конкурентоспособности экономики;

¹ Козырев А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе [Электронный ресурс]. URL: <http://Medium.com/CEMI-RAS>, Ноябрь, № 11, 2017 г. (дата обращения: 10.05.2018).

- выражающая современную парадигму ускоренного экономического развития, при котором повышение конкурентоспособности и эффективности становится жизненной необходимостью;
- характеризующая современный этап эволюционного развития социально-экономической и производственной модели общества;
- охватывающая сферу общественной жизни, производство, бизнес, науку, менеджмент, домашние хозяйства и отдельных людей;
- отражающая специфику нового технологического поколения — использование огромного количества данных, генерируемых в самых разнообразных информационных системах и перерабатываемых в целях извлечения из них полезной информации;
- направленная в целях получения прибыли на создание новых производств, бизнес-моделей, моделей управления, новых рынков и новых потребителей;
- основанная на цифровой трансформации, т. е. предполагающая в большой степени переход от аналогового взаимодействия и использования аналоговых носителей информации к электронному взаимодействию на основе применения современных электронных средств, в том числе на основе активного использования инновационных цифровых информационно-коммуникационных технологий, современных электронных каналов связи, электронного документооборота, а также электронных способов учета обработки, хранения и передачи информации;
- использующая новейшие математические методы и модели переработки информации, основанные на учете цифровой формы ее представления и свойств цифровой информации;
- как правило, реализуемая в режиме онлайн через такие платформы, как интернет, мобильные и сенсорные сети.

Официальными и принятыми на правительственном уровне в России на настоящий момент являются следующие определения цифровой экономики:

- цифровая экономика — хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов результатов позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹;
- цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме. Она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы².

Если говорить о соотношении понятий «цифровизация» и «цифровая экономика», то необходимо отметить, что цифровизация — это основа цифровой экономики, тот тренд мирового развития, который определяет развитие экономики и общества, формирует цифровую экономику. Другими словами, цифровизация представляет собою главный современный тренд развития экономики и общества, основанный

¹ «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.05.2018).

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 10.05.2018).

на переходе к цифровому формату представления информации, который направлен на повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни. Она способствует последовательному улучшению всех бизнес-процессов экономики и связанных с ней социальных сфер, которое (улучшение) основано на увеличении скорости обмена, доступности и защищенности информации, а также на возрастании роли автоматизации как базы цифровизации.

Предпосылки цифровизации. Осуществлению требований цифровизации как современного тренда развития экономики и общества и тем самым повышению эффективности их развития в определенной мере отвечает наличие предпосылок цифровизации на государственном, отраслевом уровнях, а также на уровнях отдельных домохозяйств и граждан. Поэтому задачей государства по учету предпосылок цифровой экономики как благоприятных условий, способствующих цифровизации, является создание возможностей для их реализации.

К предпосылкам цифровизации на **государственном уровне** в России можно отнести: глобализацию экономики, стирающую границы национальных экономик; функционирование действующих и создание новых экономических зон и единого экономического пространства; активное развитие интернет-технологий; рост вычислительной мощности процессоров; повсеместное распространение мобильных устройств; глубокую интеграцию в жизнь социальных сетей; появление цифровых стартапов, с которыми «традиционным» и зачастую консервативным предприятиям приходится конкурировать; понимание необходимости цифровой трансформации как условия выживания в цифровом пространстве мировой экономики.

К тем возможностям, которые, в свою очередь, могут быть обеспечены государством для реализации этих предпосылок, можно отнести создание и/или совершенствование необходимой нормативно-правовой базы, участие государства в электронном взаимодействии со всеми субъектами, обеспечение одновременной цифровизации всего общества, предполагающей проникновение цифровых отношений на все уровни взаимодействия ее участников — от личных до государственных.

Предпосылками **отраслевой цифровизации** являются большой объем информации как основного отраслевого ресурса (например, в финансовом секторе, городском хозяйстве, ЖКХ), а также потребность в инновационных решениях, которые могут быть найдены на основе цифровой трансформации и могут привести к оптимизации бизнес-процессов в отрасли, сокращению расходов и появлению новых источников отраслевых доходов.

Общими предпосылками цифровизации **на уровне отдельной компании** в условиях конкурентной среды являются осознание и понимание острой необходимости со стороны руководства компании улучшения процессов производственно-хозяйственной деятельности, адаптации действующей бизнес-модели к новым условиям, видения ИКТ как фактически единственного способа повышения эффективности компании, повышения корпоративной культуры на базе цифровой трансформации. При этом существенной конкретной предпосылкой цифровизации на уровне компании (отдельной производственно-хозяйственной единицы) является электронное ведение хозяйственной деятельности, которое предполагает:

- высокую автоматизацию всех процессов — производственных, управления и коммуникаций, уровень которой (автоматизации) определяет возможности цифровизации всех происходящих процессов. Заметим, что если основной целью автоматизации любых процессов была и есть передача части функций, выполняемых человеком, приборам и автоматическим устройствам, то целью цифровой экономики помимо реализации задач автоматизации является повышение эффективности всех процессов, в первую очередь, за счет применения новых технологий переработки данных и передачи информации, новых методов принятия решений, основанных на цифровой трансформации информации;

- наличие на уровне компании отдельных автоматизированных систем как базы для цифровизации;
- наличие и использование электронного хранилища достоверных данных. Здесь особо необходимо обратить внимание на то, что цифровизация предполагает использование единого достоверного и актуального контента (содержания)¹, используемого для описания и реализации всех бизнес-процессов, всех аспектов деятельности отдельной производственно-хозяйственной единицы;
- доступность актуальной и достоверной информации и технологий их переработки;
- использование единой платформы для управления маркетингом, продажами и сервисом, например, типа CRM², что обеспечит совместимость отдельных бизнес-процессов и приведет к экономии времени;
- наличие доступа в интернет;
- использование новых информационных технологий;
- наличие корпоративных социальных сетей.

К основной **предпосылке цифровизации в обычной жизни граждан** можно отнести использование персональных компьютеров и информационно-телекоммуникационной сети интернет. Хотя уровень использования их в России ниже, чем в Европе, и серьезный разрыв в цифровых навыках между отдельными группами населения существует, представленные ниже данные подтверждают положительную динамику цифровизации процессов обычной жизни граждан. Так, в 2016 г. доля жителей России, использующих широкополосный доступ к сети интернет, составляла 18,77%. При этом на 100 человек приходилось 159,95 мобильного телефона и из 100 человек 71,29 человека использовали мобильный доступ к сети интернет. Средняя скорость в сети интернет за последний год в России выросла на 29% (до 12,2 Мбит/с), в связи с чем по этому показателю Россия оказалась на одном уровне с Францией, Италией и Грецией³.

Возможные положительные последствия цифровизации. Высокая скорость цифровизации всех сторон жизни обусловлена, прежде всего, ее возможными положительными проявлениями и последствиями на всех уровнях.

На уровне всего общества к ним можно отнести:

- появление экономического и социального эффекта от цифровых технологий для бизнеса и общества;
- повышение качества жизни, в первую очередь за счет улучшения удовлетворения конкретных уже известных и новых потребностей людей;
- рост производительности всего общественного труда за счет его повышения на уровне отдельных производств и компаний;
- возникновение новых бизнес-моделей и новых форм бизнеса, позволяющих повысить доходность и конкурентоспособность деятельности;
- повышение прозрачности экономических операций и обеспечение возможности их мониторинга;
- обеспечение доступности и продвижения товаров и услуг, как государственных, так и коммерческих, вплоть до мирового масштаба;

¹ Контент — это «содержимое» чего-либо, в самом широком смысле слова. См. [Электронный ресурс]. URL: <https://chto-eto-takoe.ru/content> (дата обращения: 10.05.2018). Однако в процессах информатизации и цифровизации значимым является единственность контента, используемого во всех процессах цифровизации, связанных с деятельностью отдельной компании или сети компаний.

² CRM (Customer Relationship Management) — компьютерная система, управляющая взаимоотношениями предприятия и его клиентов.

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 10.05.2018).

- появление человекозаменяющих управляющих систем, например, для предприятий определенных классов.

На уровне отдельных компаний и производства общие преимущества цифровизации могут проявляться в:

- исключении посредников. Цифровизация позволяет производителям самим устраивать на своих сайтах продажу производимых ими товаров или услуг и выходить на потенциальных клиентов. Потребители же получают возможность самостоятельного выбора предлагаемых товаров и услуг на серверах авиакомпаний, отелей, электронных магазинов и т. д.;
- оптимизации издержек, предусматривающей, прежде всего, снижение затрат на поиск информации, идентификацию и измерение транзакционных издержек; расходов по продвижению товаров и услуг; затрат по заключению и ведению переговоров и т. д.;
- ускорении всех бизнес-процессов, в том числе за счет снижения времени коммуникаций;
- сокращении времени реакции на рыночные изменения, уменьшении сроков разработки продукции и услуг и вывода их на рынок;
- лучшем понимании своих потребителей и повышении качества продукции и услуг;
- создании новых продуктов и услуг, повышении гибкости предлагаемых продуктов и их высокой адаптивности под новые ожидания или потребности потребителя.

К числу **конкретных технологических преимуществ**, обусловленных цифровизацией, можно отнести:

- совместное использование информации и отсутствие конкуренции в потреблении знаний и информации, так как использование базы данных или базы знаний одним потребителем не мешает одновременному их использованию другими потребителями;
- аккумулирование больших объемов данных, осуществление их автоматической переработки и анализа;
- синхронизацию потоков информации, возможность точечного распределения данных в рамках всего бизнеса и, как следствие, — возможность отслеживания большого количества цепочек между поставщиками и потребителями, а также проведения интеллектуальной и точечной аналитики;
- не просто овладение новыми технологиями на прикладном уровне, а переход на осознание потенциала новых инноваций, на создание новых инновационных продуктов, ориентированных на разработку технологического интеллекта (например, по технологиям управления данными);
- переход от бумажных документов к электронным (больничные листы, трудовые книжки и т. д.).

К сожалению, для цифровизации возможны и отрицательные последствия.

Вызовы, угрозы и риски цифровизации для российской экономики и общества. Для российской экономики тренд цифровизации связан с серьезными **вызовами**¹, так как вопросы формирования цифровой экономики становятся для России вопросами ее национальной безопасности и конкурентоспособности на мировом рынке (внешние вызовы), а также вопросами уровня и качества жизни населения России (внутренние вызовы).

Отставание России по темпам и масштабам цифровизации от развитых стран (внешнее для России проявление тренда цифровизации) может привести к тому, что

¹ Под экономическим, политическим и т. д. вызовом будем понимать реально складывающуюся в экономике, политике и т. д. ситуацию или тенденцию, которая может привести к реальным угрозам нарушения существующего положения в экономике и обществе в целом.

она окажется в стороне от научно-технического прогресса. Это чревато следующими **угрозами**¹: ее роль в мировой экономике будет догоняющей, обеспечение национальной безопасности в России будет под вопросом, она будет лишена перспектив инновационного развития, что существенно снизит конкурентоспособность как отдельных отечественных компаний, так и всей российской экономики на мировом рынке.

В числе явных вызовов и конкретных угроз цифровизации для России программа «Цифровая экономика Российской Федерации»² выделяет проблемы: обеспечения прав человека в цифровом мире, сохранности цифровых данных пользователя, обеспечения доверия граждан к цифровой среде, а также угрозы личности, бизнесу и государству, наращивания возможностей внешнего информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру, роста масштабов компьютерной преступности, в том числе международной, отставания от ведущих иностранных государств в развитии конкурентоспособных информационных технологий, зависимости социально-экономического развития от экспортной политики иностранных государств, недостаточной эффективности научных исследований, связанных с созданием перспективных информационных технологий, низкого уровня внедрения отечественных разработок, недостаточного уровня кадрового обеспечения в области информационной безопасности.

Любые вызовы и угрозы, связанные с проявлением определенного тренда в экономике, политике, демографии, социальной жизни и т. д., могут проявиться в совокупности возможных проблем и отрицательных результатов. Каждый из этих нежелательных результатов (экономический, политический, демографический, социальный и т. д.) может быть представлен как риск, описываемый параметрами «размер возможного отрицательного результата» и «вероятность наступления отрицательного результата» [1].

Так, обусловленное цифровизацией расширение спектра и индивидуализация цифровых услуг ведут к тому, что действующий сейчас контроль в области цифровых сервисов снижается. Последнее обуславливает такой вероятный отрицательный результат, как возможность мошенничества, которая может быть описана параметрами риска «размер возможного ущерба от мошенничества» и «вероятность наступления этого ущерба».

Описание отрицательных результатов через параметры риска дает возможность выделить угрозы (экономические, политические и т. д.) и конкретизирующие их последствия, обусловленные внешними и внутренними для России проявлениями вызовов цифровизации, а также разработать программы управления соответствующими рисками, направленные на снижение возможных потерь от цифровизации.

Естественно, что разработка, принятие и детализации таких программ должны охватывать все уровни возможного проявления тренда цифровизации — от отдельного человека (потребителя и разработчика цифровых услуг) до уровня всего государства. При этом управление цифровизацией на основе этих программ должно также охватывать три уровня — стратегический, тактический и оперативный. Переход к цифровым технологиям связан с наличием и необходимостью решения целого ряда проявляющихся в результате действия цифровизации проблем, в числе которых можно назвать следующие:

- сложившийся ранее и до сих пор проявляющий себя менталитет настороженного отношения ко всему новому со стороны российского бизнеса, экономики

¹ Под угрозами будем понимать возможные отрицательные результаты проявления того или иного вызова, обусловленного определенным трендом общественного и/или экономического развития.

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

и общества — в России еще есть компании, которые считают, что информационные технологии несут угрозу традиционному укладу их бизнеса;

- сильную зависимость российской экономики от сырьевых рынков, на которых даже по объективным причинам процессы цифровизации идут медленно;
- пока еще недостаточное участие государства в процессе создания цифровой экономики, косность и нежелание некоторых чиновников осваивать и создавать новое, коррупция, огромный разрыв центра и регионов (экономический, ментальный, инфраструктурный разрывы);
- недостаток инвестиций в основные средства предприятий и организаций, в том числе на приобретение и внедрение новых технологий;
- сокращение российского рынка венчурных инвестиций, обусловленное как неблагоприятной экономической ситуацией, так и непроработанностью вопросов поддержки проектов на разных стадиях его реализации;
- серьезную нехватку квалифицированных кадров в ИКТ-сфере, особенно в регионах. Уже сейчас понятно, что и школа, и вуз должны давать молодежи знания, компетенции и навыки, востребованные в условиях цифровизации не только в экономике, но и в обществе в целом. При этом переобучение, повышение квалификации должно сопровождать людей всю жизнь.

Перечисленные сложности и проблемы перехода России к цифровой экономике также могут быть описаны через риски — для описания каждой из них нужно использовать два параметра — размер возможного ущерба и вероятность его наступления, отвечающие соответствующей проблеме. Так, например, нехватка квалифицированных кадров в ИКТ-сфере может быть оценена возможными потерями, которые, в свою очередь, могут быть оценены через прямые и косвенные потери, а также через вероятность наступления этих потерь.

К существенным возможным отрицательным последствиям цифровизации для российской экономики и общества можно отнести:

- сокращение общего по стране количества рабочих мест. Переход на новые тренды экономического развития всегда сопровождался снижением числа занятых, что неизменно актуализировало переподготовку кадров, и оставляет эту проблему острой и на настоящий момент;
- появление недобросовестных пользователей новых услуг, появление которых (услуг) вызвано цифровизацией;
- цифровое мошенничество;
- пиратство и распространение вредоносного контента, под которым (контентом), по определению Вэриана [3], понимается все, что поддается оцифровке.

Каждое из перечисленных возможных отрицательных последствий также может быть описано параметрами риска — возможным ущербом (потерями) и вероятностью его наступления. Практическое применение цифровых технологий также может привести к появлению новых рисков:

- риски несовершенства, неподготовленности нормативно-правовой базы, сопровождающей и обеспечивающей протекание процессов цифровизации (риски, связанные с незащищенностью собственности, отсутствием независимого суда, отсутствием процедур институционального регулирования всех процессов, сопутствующих цифровизации, и т. д.). Так, в телевидении, радио, кино и прессе, в издательской деятельности, при разработке развлекательного и делового программного обеспечения цифровизация и появление интернета привели к большим нарушениям авторских прав, пиратскому использованию информации и обусловленной им (пиратством) потерей инвестиций в эти сферы;
- риски злоупотребления технологиями и связанными с цифровизацией новыми возможностями, с несанкционированным использованием чужой информации, с использованием чужих ресурсов и т. д. Подтверждением значимости этой групп-

пы рисков является возрастающая киберпреступность — взлом устройств IoT («интернет вещей»), атаки на мобильные устройства и финансовые мобильные приложения как части инфраструктуры дистанционного банковского обслуживания (ДБО) и платежных систем, атаки на смарт-контракты и т. п.;

- сопутствующие риски, появление которых обусловлено изменением на основе цифровизации существующих ранее технологий, а также совершенствованием действующих ранее и созданием новых бизнес-моделей. В процесс цифровизации могут быть включены новые составляющие, которые привнесут в него дополнительные риски. Примером являются риски рынка криптовалюты, реализуемого на основе применения такой цифровой технологии, как блокчейн и др.

В целом влияние цифровизации определяет, например, группы рисков, обусловленных наличием и/или появлением вызовов тренда цифровизации, возможных угроз, обусловленных этими вызовами, возможных отрицательных последствий цифровизации, сложностей перехода к цифровым технологиям, проблем и практического применения цифровых технологий и др. Для снижения или элиминирования всех групп выделенных рисков необходима разработка программ управления ими. Внедрение этих программ вместе с другими программами управления цифровизацией на всех уровнях экономической и социальной жизни позволит воспользоваться преимуществами цифровизации и вывести национальную экономику и социальную сферу страны на должный эффективный уровень.

Оценка уровня цифровизации страны

Как современный тренд развития мировой экономики и общества цифровизация на различные страны оказывает разное влияние. От степени воздействия цифровизации на национальную экономическую и социальную жизнь зависит место каждой страны в мировом сообществе. Для оценки степени охвата любой страны цифровизацией используются показатели, косвенно или прямо измеряющие ее.

К числу показателей, косвенно оценивающих цифровизацию как тренд, относятся, например, Индекс сетевой готовности NRI (Networked Readiness Index) и глобальный инновационный индекс GII (Global innovation index).

Индекс сетевой готовности NRI — комплексный показатель, разработанный еще в 2001 г., характеризует уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в разных странах мира. Для косвенной оценки тренда цифровизации используется потому, что ИКТ играют ведущую роль в развитии инноваций, повышении производительности труда, конкурентоспособности, т. е. в повышении эффективности экономики и улучшении качества жизни. А так как в основе большинства новых ИКТ лежит цифровизация, то это означает, что индекс сетевой готовности в неявном виде отражает проникновение цифровизации во все сферы жизни, т. е. отражает проявление тренда цифровизации.

Ежегодные результаты расчета этого индекса предоставляются Всемирному экономическому форуму в рамках доклада «Глобальный отчет по информационным технологиям» (The Global Information Technology Report)¹. Индекс NRI измеряет уровень развития ИКТ в конкретной стране по 53 параметрам, разбитым на 3 группы: наличие условий для развития ИКТ; готовность граждан, деловых кругов и государственных органов к использованию ИКТ; уровень использования ИКТ в общественном, коммерческом и государственном секторах.

В соответствии со значением индекса NRI по итогам 2014 г. с большим отрывом от стран первой десятки (Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index/networked-readiness-index-info> (дата обращения: 10.05.2018).

Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония) Россия занимала 41-е место в рейтинге из 143 стран¹. На этом же 41-м месте Россия осталась и в рейтинге сетевой готовности Всемирного экономического форума 2016 г.²

Второй показатель, используемый для оценки цифровизации, — Глобальный инновационный индекс GII (Global innovation index)³, публикуемый с 2007 г. Он характеризует потенциал инновационной деятельности и ее результат. Так как цифровизация как цифровая трансформация информации проходит в рамках инновационной деятельности, этот индекс косвенно оценивает и цифровизацию.

С 2016 г. глобальный инновационный индекс рассчитывался как среднее значение двух субиндексов. Субиндекс инновационных затрат позволяет оценивать элементы национальной экономики, в которых протекают инновационные процессы, в разбивке на пять основных групп: (1) институты; (2) человеческий капитал и исследования; (3) инфраструктура; (4) уровень развития рынка и (5) уровень развития бизнеса. Субиндекс инновационных результатов отражает фактические результаты таких усилий в разбивке по двум основным группам: (6) результаты в области знаний и технологий и (7) результаты творческой деятельности⁴. По значению глобального инновационного индекса в 2017 г. Россия заняла 45-е место⁵.

Так как цифровизация становится общепризнанным мировым трендом развития экономики и общества, то появляется настоятельная потребность в более точном и направленном измерении влияния этого тренда на экономику и общество разных стран. К показателям, которые напрямую оценивают влияние цифровизации как тренда на национальную экономическую и социальную жизнь, можно отнести те из них, которые отражают уровень выполнения в этой стране требований цифровизации как тренда.

Цифровизацию можно рассматривать как тренд эффективного мирового развития только в том случае, если цифровая трансформация информации будет отвечать следующим требованиям: она будет охватывать все — бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан, она будет сопровождаться эффективным использованием ее результатов, ее результаты будут доступны пользователям этой информации, ее результатами будут пользоваться не только специалисты, но и рядовые граждане, пользователи цифровой информации будут иметь навыки работы с ней.

Перечисленные требования цифровизации как мирового тренда развития экономики и общества, обеспечивающие повышение их эффективности и качества, должны обязательно учитываться при оценке степени охвата цифровизацией разных стран. Выполнение этих требований в той или иной мере будет подтверждать факт вовлечения страны под влияние данного тренда, а степень их выполнения будет показывать уровень включения страны в процесс цифровизации.

Именно такой показатель оценки степени охвата цифровизацией, как трендом мирового развития экономики и общества, для отдельных стран Евросоюза и всех его стран одновременно Европейской комиссией, был предложен Индекс цифровизации экономики и общества DESI (Digital Economy and Society Index)⁶. Он является итоговым и рассчитывается по методике Евросоюза на основе значений 5 укрупнен-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index/networked-readiness-index-info> (дата обращения: 10.05.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://d-russia.ru/rossiya-ostalas-na-41-meste-v-rejtinge-setevoj-gotovnosti-vsemirnogo-ekonomicheskogo-foruma-2016.html> (дата обращения: 10.05.2018).

³ [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2016/article_0008.html#about (дата обращения: 10.05.2018).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2016/article_0008.html#about (дата обращения: 10.05.2018).

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4337930> (дата обращения: 10.05.2018).

⁶ [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (дата обращения: 10.05.2018).

ных параметров, в свою очередь, определяемых конкретизирующими их показателями — всего 31 показатель. Значения параметров показывают степень выполнения страной ЕС того или иного требования тренда цифровизации, что и позволяет рассматривать Индекс DESI как прямой показатель оценки влияния тренда цифровизации на национальную экономику и общество отдельной страны.

Используемые пять укрупненных параметров отражают уровень выполнения требований цифровизации как мирового тренда:

1. «Подключение» страны к результатам цифровизации связи (Connectivity) — параметр Индекса DESI, отражающий требование цифровизации, как мирового тренда повышения эффективности экономического и социального развития, о том, что результаты цифровизации средств связи будут доступны пользователям этой информации. Параметр характеризует возможность доступа к системам связи, основанным на цифровой форме представления информации, в первую очередь, характеризует возможность доступа к широкополосному интернету. Он измеряет установленную (стационарную) широкополосную связь, мобильную широкополосную связь, широкополосную скорость передачи информации и цены. Анализ его значений по странам Евросоюза показал, что в 2016 г. значение этого параметра цифровизации как мирового тренда было самым высоким в начале в Нидерландах, а затем в Люксембурге и Бельгии. Хорватия, Болгария и Польша имели самые слабые показатели подключения к цифровой связи.
2. Человеческий капитал (Human Capital / Digital skills) — параметр Индекса DESI, отражающий требования цифровизации, как мирового тренда повышения эффективности экономического и социального развития, о том, что пользователи информации будут иметь навыки работы с ними, а результатами цифровизации будут пользоваться не только специалисты, но и рядовые граждане. Параметр измеряет уровень основных навыков населения по использованию возможностей, предлагаемых цифровым обществом. Он оценивает работу в интернете, применение цифровых технологий, а также уровень передовых навыков и их развитие. Анализ значений этого параметра по странам Евросоюза показал, что в 2016 г. высокое значение этот параметр имел в Дании, Люксембурге, Финляндии, Швеции и Нидерландах, а самое низкое — в Румынии, Болгарии, Греции и Италии.
3. Использование интернета гражданами (Use of Internet by citizens) — параметр Индекса DESI, отражающий требования цифровизации, как мирового тренда повышения эффективности экономического и социального развития, о том, что цифровизация будет охватывать все — и в том числе обычную жизнь, а результатами цифровизации будут пользоваться не только специалисты, но и рядовые граждане. Параметр отражает использование интернета по разным направлениям и измеряет потребление онлайн-контента (видео, музыка, игры и т. д.), использование современных коммуникаций, онлайн-транзакций (выход на интернет-магазины и банковские услуги). Анализ значений этого параметра по странам Евросоюза показал, что его значение в 2016 г. было самым высоким в Дании, Швеции, Люксембурге и Нидерландах, а самым низким — в Румынии, Болгарии и Италии.
4. Интеграция цифровых технологий в бизнес (Integration of Digital Technology by businesses) — параметр Индекса DESI, отражающий требования цифровизации, как мирового тренда повышения эффективности экономического и социального развития, о том, что цифровизация будет охватывать все, и в том числе бизнес, и будет сопровождаться эффективным использованием ее результатов. Параметр отражает уровень интеграции цифровых технологий в производственно-хозяйственную деятельность, измеряет уровень оцифровки бизнеса и эксплуатацию онлайн-канала продаж (электронная коммерция). Анализ его значений по странам Евросоюза показал, что в 2016 г. самыми передовыми по значению этого

параметра были Дания, Ирландия и Финляндия, а самыми отстающими — Румыния, Польша и Болгария.

5. Цифровые публичные услуги (Digital Public Services) — параметр Индекса DESI, отражающий требование цифровизации, как мирового тренда повышения эффективности экономического и социального развития, о том, что цифровизация будет охватывать все и, в том числе, социальную сферу. Параметр отражает и измеряет оцифровку публичных услуг, и уделяет особое внимание формированию электронного правительства и его инфраструктуры¹. Анализ его значений по странам Евросоюза показал, что в 2016 г. первыми по его значению были Эстония, Финляндия и Нидерланды, а последними — Румыния, Венгрия и Хорватия.

Итоговое значение Индекса DESI, рассчитанное для отдельной страны Евросоюза, определяет место страны в рейтинге цифровизации стран Европейского сообщества, а итоговое значение этого индекса по всей совокупности стран ЕС — уровень охвата цифровизацией как мирового тренда повышения эффективности экономики и качества жизни, стран Евросоюза в целом. По данным Европейской комиссии страны Евросоюза в целом уже в 2015 г. имели индекс цифровизации экономики и общества равный 0,47 балла².

Как показывают расчеты Индекса DESI для всей совокупности стран Евросоюза, за 2017 г. его значение по сравнению с 2016 г. выросло на 3%, однако разрыв между лидерами и отстающими по цифровизации странами в Евросоюзе сейчас составляет 37% (36% в 2014 г.)³. Общая картина цифровизации стран всего Евросоюза на 2017 г. характеризуется следующими данными⁴:

- 76% европейских домов имеют широкополосный доступ в интернет (не менее 30 мбит/с);
- подписка на мобильный интернет в 2017 г. по сравнению с 2013 г. увеличилась с 58 человек на 100 человек населения до 158;
- 4G мобильный сервис покрывает 84% населения Европейского союза;
- количество ИКТ специалистов составляет 3,5% от общей численности работающих в Евросоюзе;
- у почти половины европейцев (44%) по-прежнему отсутствуют основные цифровые навыки, такие как использование почтового ящика, инструменты редактирования или установка новых устройств;
- 79% европейцев пользуются интернетом хотя бы раз в неделю — рост по сравнению с 2016 г. на 3%;
- 78% интернет-пользователей слушают (загружают) музыку, смотрят фильмы, играют;
- 70% европейских интернет-пользователей читают онлайн-новости — в 2013 г. только 64%;
- 63% пользуются социальными сетями — 57% в 2013 г.;

¹ Инфраструктура электронного правительства — совокупность размещенных на территории РФ государственных информационных систем, программно-аппаратных средств и сетей связи, обеспечивающих при оказании услуг и осуществлении функций в электронной форме взаимодействие органов государственной власти РФ, органов местного самоуправления, граждан и юридических лиц. См.: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

² [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.samag.ru/uart/more/67> maintitle(дата обращения: 10.05.2018); URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (дата обращения: 10.05.2018).

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infopolicy.biz/?p=9322> (дата обращения: 10.05.2018).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infopolicy.biz/?p=9322> (дата обращения: 10.05.2018).

Полный доклад «International Digital Economy and Society Index» (I-DESI Final Report.pdf) см. на URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2feb6564-f9a7-11e7-b8f5-01aa75ed71a1/language-en> / (дата обращения: 10.05.2018).

- 66% пользуются интернетом в режиме онлайн — 61% в 2013 г.;
- 59% используют онлайн банкинг — 56% в 2013 г.;
- 39% используют интернет для звонков — 33% в 2013 г.;
- 18% европейских предприятий отправляют электронные счета-фактуры — только 10% в 2013 г.;
- 34% интернет-пользователей заполняли формы онлайн, не делая бумажных копий — 27% в 2013 г.¹

Для сравнения цифровизации стран Евросоюза в целом с другими странами мира используется предложенный Еврокомиссией индекс международной цифровизации экономики и общества I-DESI — International Digital Economy and Society Index², оценивающий выполнение тех же требований тренда, что и Индекс DESI, но по несколько модифицированным правилам.

Сложности получения необходимой информации по охвату цифровизацией разных стран привели к тому, что все оцениваемые страны разделены на два подмножества. В первое из них входят Евросоюз — как отдельная оцениваемая единица, Япония, Южная Корея, США, Австралия, Канада, Исландия, Норвегия и Швейцария. Для оценки уровня цифровизации стран этого подмножества также используется 5 укрупненных параметров, но в отличие от рассчитываемого на основе 31 показателя индекса DESI, при определении значений этих параметров Индекса I-DESI используется 28 показателей, не всегда совпадающих с теми показателями, которые используются при расчете Индекса DESI.

Во второе подмножество стран, для которых оценивается уровень цифровизации, вошли все страны первого подмножества и дополнительно Бразилия, Китай, Израиль, Мексика, Новая Зеландия, Россия и Турция. Но для оценки уровня цифровизации стран, вошедших в это второе подмножество, уже используется не 28 показателей, а только 18. Если одна и та же страна входит в оба подмножества, то значение ее Индекса в первом подмножестве рассчитывается на основе 28 показателей, а значение ее индекса во втором подмножестве определяется на основе только 18 показателей. При этом правила свертки 28 показателей в 5 укрупненных параметров для стран первого подмножества в общем случае могут отличаться от правил свертки 18 показателей в 5 параметров для стран второго подмножества. Данная ситуация приводит к тому, что по значению индекса могут сравниваться между собой страны только из одного подмножества.

По итогам 2015 г. Россия заняла 11-е место из 15 стран, оцениваемых по значению Индекса I-DESI (без учета позиций в этом рейтинге стран Евросоюза),³ опередив со значением своего индекса, равным 0,47⁴, Китай, Турцию, Бразилию и Мексику. Добавление в этот рейтинг трех позиций Евросоюза — значения I-DESI, рассчитанного по всем 28 странам Евросоюза одновременно (EU28=0,54), значения I-DESI по трем странам Евросоюза, лучшим по уровню охвата цифровизацией ('EU28-top'=0,66), и по трем странам Евросоюза, худшим по значению I-DESI ('EU28-bot'=0,43), обеспечило России 13-е место из 18 в этом расширенном рейтинге. Помимо Китая, Турции,

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infopolicy.biz/?p=9322> (дата обращения: 10.05.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/2016-i-desi-report> (дата обращения: 10.05.2018).

³ [Электронный ресурс]. URL: I-DESIFinalReport%20(3) (дата обращения: 10.05.2018). В эти 15 мест не включены показатели цифровизации стран Евросоюза. С учетом включения в этот рейтинг дополнительно трех позиций Евросоюза — значением I-DESI, рассчитанным по всем 28 странам Евросоюза одновременно (EU28), значением I-DESI по трем странам Евросоюза, лучшим по уровню охвата цифровизацией ('EU28-top'), и трем странам Евросоюза, худшим по значению I-DESI ('EU28-bot'), рейтинг будет включать 18 позиций — (15 + 3 = 18).

⁴ Для сравнения: средний уровень цифровизации всех 28 стран Евросоюза в 2015 г. был равен 0,54.

Бразилии и Мексики она опередила также 3 самые отстающие страны Евросоюза — Румынию, Болгарию и Польшу. Со значением индекса 0,64 в число самых передовых по уровню цифровизации в Евросоюзе стран в 2015 г. вошли Дания, Великобритания, Швеция.

Полученные по всем анализируемым странам значения индекса I-DESI позволяют строить по итогам каждого года международные рейтинги цифровизации — последовательности стран, упорядоченные в соответствии со значением годового индекса I-DESI.

Для отражения степени проникновения цифровизации как мирового тренда в экономическую и социальную сферы специалисты¹ сейчас выделяют 3 основных этапа ее реализации. Для первого этапа цифровизации характерно *точечное использование цифровых технологий* в целях оптимизации (снижения) затрат — пример нефтегазовой отрасли. Второй этап характеризуется *более широким применением цифровых технологий, но в рамках действующих бизнес-моделей* — пример авиационной отрасли. Для третьего этапа протекания процессов цифровизации характерно такое *применение цифровых технологий, которое ведет к смене самой бизнес-модели* — пример беспилотного такси, когда бизнес строится на предоставлении услуг такси, но без соответствующей материальной базы, без самих автомобилей, на основе привлечения собственников автомобилей, желающих подзаработать.

Современное состояние и задачи цифровизации российской экономики. Состояние цифровизации российской экономики и общества характеризуется следующим:

- несмотря на имеющиеся сложности и трудности российской экономики, некоторые перспективы и преимущества в сфере цифровизации российской экономики все же имеются (программные продукты по кибербезопасности, роботизация, проникновение интернета в домохозяйства и отрасли, для которых информация является основным ресурсом);
- возможности цифровых преобразований имеют все отрасли;
- цифровизации легче поддаются сферы и отрасли, связанные с ИКТ. Наиболее продвинутыми в области применения цифровых технологий в настоящее время являются сфера услуг, связь, разработка программного обеспечения, телекоммуникации, торговля, финансовый сектор экономики — банковский и страховой сегменты, медиабизнес, транспорт, электронная коммерция, автомобильная промышленность, энергетика, госуправление, сектор ЖКХ, строительство, медицина;
- самая низкая цифровизация имеет место в производственной сфере, для которой характерна высокая инертность производственных предприятий, освоивших и использующих применяемые ранее технологии не только в самом производстве, но и в управлении им. Даже в Европейском союзе, по данным Еврокомиссии, около 40% предприятий все еще не используют цифровые технологии и только 2% предприятий не просто используют цифровые технологии, но и в полной мере реализуют их преимущества².

Темпы и масштабы перехода российской национальной экономики к цифровой будут определять место России в мировом экономическом пространстве. Глава Минкомсвязи России Николай Никифоров на расширенном заседании Совета по законодательному обеспечению развития цифровой экономики отмечал, что хотя в России есть хороший потенциал для развития технологических заделов цифровой

¹ Кудряшова Е., Филатова Е. Вызов принят: как цифровизация меняет телекоммуникации [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/management/upravlenie-izmeneniyami/p25421/> (дата обращения: 10.05.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.samag.ru/uart/more/67 maintitle> (дата обращения: 10.05.2018).

экономики, хронологический отрезок времени перехода к цифровой экономике очень короткий, и если в ближайшие 5–10 лет российская экономика не сделает прорыв, она останется в числе догоняющих экономик или экономик-потребителей, зависящих от внешних поставщиков технологических решений¹.

Большая роль в управлении цифровизацией на национальном уровне отводится государственному уровню — надо не только осознать ситуацию, но и принимать конкретные меры по организации процессов цифровизации, нормативно-правовому регулированию, финансированию и эффективному управлению.

Основополагающими документами цифровой трансформации российского общества и экономики являются «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203², и программа «Цифровая экономика Российской Федерации», принятая распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р³.

«Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Провозглашая цель стратегии как формирование в России общества знаний⁴, данный документ уделяет особое внимание определению целей, задач и мер по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, а также — формированию национальной цифровой экономики, обеспечению национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов.

Содержание этого документа закладывает обязательность выполнения условий и требований применения ИКТ, которые, в свою очередь, отвечают всем требованиям цифровизации как современного эффективного тренда развития экономики и общества, и учитываются при определении международного индекса цифровизации экономики и общества — DESI. Последнее означает, что Индекс DESI также может использоваться для оценки уровня цифровизации в России, так как он (индекс) фактически учитывает выполнение и достижение целей и задач, сформулированных в этом документе.

Дополнительно данный документ выделяет национальные интересы России в области цифровой экономики и формирует условия их реализации, содержит описание приоритетного сценария развития информационного общества, показателей, этапов, вопросов управления реализацией Стратегии.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Она направлена на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, а также на повышение благосостояния и качества жизни граждан на основе повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами⁵.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/109741> (дата обращения: 10.05.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.05.2018).

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/112831/> (дата обращения: 10.05.2018).

⁴ Общество знаний — общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. См.: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

⁵ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», принятая распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

Целями Программы являются создание такой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, для цифровизации создаются необходимые и достаточные условия институционального и инфраструктурного характера и на ее основе обеспечивается повышение конкурентоспособности на глобальном рынке всей российской экономики и ее отдельных отраслей.

В Программе на примере индекса сетевой готовности (Networked Readiness Index) и международного цифрового индекса экономики и общества (I-DESI)¹:

- дано подробное описание современного проявления в России тренда цифровизации;
- показано место России на глобальном цифровом рынке;
- определены базовые направления развития цифровой экономики (нормативное регулирование, подготовка кадров и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, создание информационной инфраструктуры и обеспечение информационной безопасности);
- выделены вопросы формирования системы управления цифровой экономикой;
- названы показатели, которые должны использоваться для достижения запланированных характеристик цифровой экономики России;
- представлена «Дорожная карта» управления развитием цифровой экономики.

Содержание обоих документов по существу закладывает обязательность выполнения для России всех требований цифровизации как современного тренда эффективного развития мировой экономики и общества.

Общий вывод

Анализ современного состояния цифровизации российской экономики и общества выявил болевые точки, требующие пристального внимания, и подтвердил, что для получения положительных результатов влияния мирового тренда цифровизации в России необходимо:

- такое управление всеми аспектами экономической и социальной жизни, которое обеспечивало бы выполнение требований цифровизации как мирового тренда эффективного развития экономики и общества — только в этом случае цифровизация приведет к ожидаемым положительным результатам;
- создание возможностей для реализации предпосылок цифровизации как благоприятных условий, способствующих ее положительному воздействию на экономическую и социальную жизнь России;
- составление и реализация программ управления преимуществами цифровизации;
- выявление вызовов, угроз, проблем и возможных отрицательных последствий цифровизации, а в целях повышения эффективности влияния цифровизации как тренда развития мировой экономики и общества — составление и реализация программ управления соответствующими рисками.

Литература

1. Анохина Е. М., Косов Ю. В., Халин В. Г., Чернова Г. В. Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация // *Управленческое консультирование*. 2016. № 10. С. 8–26.
2. Райков А. Н. Ловушки для искусственного интеллекта // *Экономические стратегии*. 2016. № 6. С. 172–179.
3. Varian H. R. Copying and Copyright // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. N 19 (2). P. 121–138.

¹ Там же.

Об авторах:

Халин Владимир Георгиевич, профессор кафедры информационных систем в экономике Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; v.halin@spbu.ru

Чернова Галина Васильевна, профессор кафедры управления рисками и страхования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; g.chernova@spbu.ru

References

1. Anokhina E. M., Kosov Yu. V., Khalin V. G., Chernova G. V. Systemic risks of management in the implementation of state policy on education and science : analysis of problem situation, risks and their identification // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 10. P. 8–26. (In rus)
2. Raikov A. N. Traps for artificial intelligence // Economic strategies [Ekonomicheskie strategii]. 2016. N 6. P. 172–179. (In rus)
3. Varian H. R. Copying and Copyright // Journal of Economic Perspectives. 2005. N 19 (2). P. 121–138.

About the authors:

Vladimir G. Khalin, Professor of the Chair of Information Systems in Economics of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; v.halin@spbu.ru

Galina V. Chernova, Professor of the Chair of Risk management and Insurance of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; g.chernova@spbu.ru

Актуальные вопросы управления рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности

Гетман А. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; agetman@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье затронута проблема управления таможенными и логистическими рисками в международных цепях поставок товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Проанализированы существующие теоретические основы в области управления цепями поставок и действующее таможенное законодательство ЕАЭС и законодательство РФ в области защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами. Представлена зависимость возникновения логистических рисков от наличия таможенных. Отмечены имеющиеся нерешенные вопросы, предложены направления развития.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, логистика, логистические издержки, логистический риск, таможенный риск, управление цепями поставок, товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности

Actual Issues of Risk Management in the International Chains of Deliveries of the Goods Containing Intellectual Property Items

Getman A. G.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; agetman@mail.ru

ABSTRACT

In the article the issue of management of customs and logistical risks in the international chains of deliveries of the goods containing intellectual property items is touched. The existing theoretical bases in the field of management of chains of deliveries and the existing customs legislation of EEU and the legislation of the Russian Federation in the field of protection of intellectual property rights by customs authorities are analysed. The dependence of emergence of logistical risks on existence of customs is presented. The available unresolved questions are noted, the directions of development are offered.

Keywords: intellectual property, logistics, logistic charges, logistic risk, customs risk, supply chain management, intellectual property goods

Основная цель логистики — разработка оптимального маршрута движения товарных потоков от производителя в места продажи (потребления), с минимальными издержками. Для достижения целей и задач логистики могут использоваться различные концептуальные подходы, такие как: логистика, ориентированная на спрос; логистика, основанная на факторе времени, и др. Одним из таких подходов является управление цепями поставок [4, с. 11]. Под управлением цепями поставок будем понимать построение товарного потока, начиная с этапа планирования производства товара и заканчивая обеспечением доступа к товару на рынке сбыта потребителю.

Проблеме логистических издержек в последние десятилетия уделяется большое внимание. Это неудивительно, так как одним из способов снижения издержек, а следовательно, повышения конкурентоспособности в цене, является грамотное управление цепями поставок. Одним из путей снижения логистических издержек является эффективное управление рисками. Причем, необходимо рассматривать все виды рисков, которые могут возникнуть в международной цепи поставок товаров.

Эффективность управления рисками в цепях поставок крайне невысока даже в крупных корпорациях. Так, по оценкам PwC¹ за 2012 г., более 60% крупнейших глобальных компаний (из 209 исследованных) в результате сбоя в цепи поставок ухудшили показатели эффективности своей деятельности более чем на 3%.

Выделяют два основных подхода к идентификации рисков в цепи поставок [5, с. 379]: вероятность наступления неблагоприятного события; ожидаемый размер ущерба/потерь от события. В настоящее время целевых исследований рисков в цепях поставок, в том числе логистических рисков, в России не проводится [2]. Однако необходимость в этой работе имеется.

Множество существующих классификаций логистических рисков касаются движения цепи поставок товара в целом, не учитывая специфические товары. Так, нарушение прав интеллектуальной собственности (при перемещении через таможенную границу контрафактных товаров) относится к таможенному риску. Перемещение любого товара, содержащего объект интеллектуальной собственности, сопровождается специальными процедурами со стороны таможенных органов и возможными издержками со стороны получателя товара. Развитие механизмов передачи прав на интеллектуальную собственность постоянно совершенствуется в связи с углублением процессов интеграции нашей страны в мировое сообщество и процессов глобализации в целом. Появляются новые экономические возможности развития торговли на международном уровне.

Права на объекты промышленной собственности возникают с момента их регистрации, а права на объекты авторского права и смежных прав возникают с момента их создания. Наличие объекта интеллектуальной собственности в составе товара в настоящее время является безусловным конкурентным преимуществом. Например, функция товарного знака в узнаваемости содержащего его товара соотносится с определенным уровнем качества этого товара. А значит, за такую узнаваемость потребители готовы платить. В этой связи, для участника внешнеторговой сделки, предметом которой выступают товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности, необходимо понимать, какие опасности или риски могут возникнуть при перемещении таких товаров через таможенные границы.

Торговля интеллектуальной собственностью выражается в передаче прав на использование объектов интеллектуальной собственности в оговоренных объемах и сроках. А в рамках исполнения внешнеторговых договоров между государствами перемещаются уже товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности. Одной из функций таможенных органов в соответствии со ст. 351 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) является защита прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории Союза. Механизм защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами закреплен в гл. 52 ТК ЕАЭС.

При этом при их перемещении через таможенную границу:

- законное содержание объекта интеллектуальной собственности в товаре (наличие регистрации объекта интеллектуальной собственности на территории государства-

¹ PwC (2013). Making the right risk decisions to strengthen operations performance: PwC/MIT Forum for Supply Chain Innovation. Research Study.

импортера) должно находить отражение в уплате лицензионных платежей и, как следствие, в структуре таможенной стоимости товара;

- незаконное содержание (использование) объекта интеллектуальной собственности, т. е. перемещение через таможенную границу контрафактной продукции, влечет за собой возбуждение дела об административном правонарушении по ч. 1. ст. 7.12 или ч. 1 ст. 14.10 КоАП РФ с последующим уничтожением такой продукцией и наложением штрафных санкций на получателя товара.

Товар, содержащий объект интеллектуальной собственности, — это специфический товар, обладающий логистическими рисками, возникающими при его перемещении через таможенную границу. В этой связи при выборе его в качестве объекта внешнеторговой сделки необходимо провести анализ возможных логистических рисков.

В процессе взаимодействия экономических агентов при организации внешнеторговой сделки такого товара возникают множественные формальные и неформальные правила поведения. Формальные правила поведения существуют в рамках правового поля и установленных деловых обычаев и традиций. Они являются прогнозируемыми и не представляют интереса в рамках данного исследования.

Вместе с тем раскроем перечень неформальных правил поведения [1], в которых содержатся ключевые риски, а именно: нарушение режима коммерческой тайны; киберпиратство; кибберсквоттинг; «патентный троллинг». Эти риски могут возникнуть, прежде всего, в случаях, когда предметом внешнеторговой сделки будет выступать товар, содержащий объект интеллектуальной собственности.

Кроме того, в виде отдельного риска (помимо рисков со стороны спроса и рисков со стороны предложения, рисков внешней среды) некоторыми современными учеными рассматриваются нормативные, правовые и бюрократические риски [2]. Эти риски не будут исключительными для рассматриваемой категории товаров, но будут необходимы при расчете логистических рисков.

Под эгидой Всемирного Банка ежегодно рассчитывается индекс эффективности логистики (LPI), который может служить ориентиром для проводимого анализа и учета логистических рисков. Результаты показывают интересные оценки, где на первых позициях оказываются такие страны, как Сингапур и Китай [4, с. 21], занимающие эти же позиции в качестве основных стран-экспортеров контрафакта, выявляемого таможенными органами РФ.

При перемещении через таможенную границу Союза товара, содержащего объект интеллектуальной собственности и обладающего признаками контрафактного, таможенные органы в соответствии с 52-й главой ТК ЕАЭС вправе приостановить выпуск таких товаров. Сроки приостановления колеблются от 1 до 20 рабочих дней. Товар приобретает (сохраняет) статус находящегося на временном хранении. Издержки по хранению возложены на получателя (декларанта) товара. Возмещение ущерба таможенными органами после отмены такого решения таможенным законодательством не предусмотрено.

Таким образом, с точки зрения управления цепями поставок этой категории товаров, возникает много рисков, которые необходимо учесть:

- во-первых, перемещаемый товар может содержать объект интеллектуальной собственности с признаками контрафактного (например, сходство до степени смешения). Это приведет к приостановлению выпуска товара до 20 рабочих дней и, при дальнейшем возбуждении дела об АП, срок задержки выпуска товаров может увеличиться до 1 года (суммарное время проведения административного расследования и рассмотрения дела в суде) или товар не будет подлежать выпуску;
- во-вторых, использование неформальных правил поведения в международной торговле интеллектуальной собственностью. В случае, когда владелец объекта интеллектуальной собственности, зарегистрированный как правообладатель в сво-

ей стране регистрации, при ввозе на таможенную территорию Союза узнает, что права на этот объект интеллектуальной собственности на территории РФ принадлежат третьему лицу. То есть зарегистрированные права на объект интеллектуальной собственности в своей стране не распространяются на территории других стран (за исключением действия Мадридского договора о международной регистрации прав). Результатом также будет являться применение нормы ТК ЕАЭС о приостановлении выпуска товара с дальнейшим развитием ситуации, рассмотренной в предыдущем пункте;

- в-третьих, при неверном заявлении стоимости за передачу прав на интеллектуальную собственность (лицензионные платежи), возможно проведение дополнительной проверки по контролю таможенной стоимости (для учета в ней суммы платежей за использование интеллектуальных прав), что приведет также к задержке сроков выпуска товара.

Рассмотрев логистические риски, необходимо обратить внимание на риски, возникающие с перемещением через таможенную границу товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, касающиеся соблюдения таможенного законодательства, т. е. возникновения таможенных рисков.

Под таможенным риском следует понимать вероятность несоблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании¹. Согласно Киотской Конвенции в редакции от 26 июня 1999 г., под понятием «область таможенных рисков» понимаются таможенные процедуры и категории международного передвижения, представляющие риск.

Если говорить в общем, то со стороны хозяйствующих субъектов перечень таможенных рисков достаточно обширен: неполнота информации и документов, предоставляемых при таможенном оформлении; недостоверность информации в документах и устных заявлениях при таможенном оформлении; предъявление поддельных или недействительных документов взамен отсутствующих; использование нелегальных схем уклонения от уплаты таможенных платежей; использование нелегальных схем извлечения доходов из применения отдельных таможенных процедур и др. [3].

Рассмотрим теперь таможенные риски, возникающие при перемещении через таможенную границу товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Фактически, это те же риски, что возникают у участника внешнеторговой сделки, однако, последствия разные.

Во-первых, это недополучение средств в федеральный бюджет (из-за не включения лицензионных платежей в таможенную стоимость товара).

Во-вторых, в случае выпуска на таможенную территорию Союза контрафактного товара появляется риск нанесения вреда жизни и здоровью граждан, животных и растений, так как контрафактные товары очень часто плохого качества. Согласно официальной статистике Федеральной таможенной службы, значительная доля контрафактных товаров, выявленных таможенными органами, приходится на детские товары и продукты питания². Т. е. таможенный риск заключается в минимизации вероятности перемещения такой продукции в принципе.

На рис. 1 представлен анализ таможенных и логистических рисков, возникающих при перемещении через таможенную границу товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Можно сделать вывод о том, что при выявлении таможенного риска, связанного с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности, возникает множество существенных логистических рисков, которые напрямую ведут к увеличению логистических издержек.

¹ Ст. 376 ТК ЕАЭС.

² Официальный сайт Северо-Западного таможенного управления www.sztu.customs.ru.



Рис. 1. Последствия рисков при перемещении через таможенную границу товаров, содержащих ОИС (в случае признания их контрафактными)

Fig. 1. Consequences of risks when moving through customs border of the goods-intellectual property items (in case of recognition counterfeit)

Система управления рисками в таможенных органах РФ используется с 2004 г., поэтому с помощью инструментов этой системы (профили рисков, целевые методики выявления рисков) эффективность деятельности таможенных органов в целях минимизации риска перемещения контрафактных товаров и товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, но ввозимых без учета в таможенной стоимости лицензионных платежей, с каждым годом повышается. Так, согласно официальным данным ФТС России¹, в 2017 г. таможенными органами выявлено 10,1 млн единиц контрафактных товаров. По официальным статистическим данным плата за объекты интеллектуальной собственности при ввозе таких товаров составила более 5 млрд долл.²

Подводя итог, можно говорить о необходимости изучения логистических и таможенных рисков для построения новых моделей минимизации этих рисков, так как это может послужить новым направлением в сокращении издержек — с одной стороны, и сокращению объектов контрафактной продукции — с другой. Следовательно, наметятся новые ориентиры по ведению внешнеэкономической деятельности с учетом управления рисками в цепях поставок — такие как, например, диагностика цепи поставок [6, с. 134].

¹ Официальный сайт ФТС России. URL: www.customs.ru.

² Экономические и социальные индикаторы // Статистическое обозрение. 2018. № 1. С. 12.

Учитывая наличие специфического товара, в международной цепи поставок возникают дополнительные, не характерные в обычной ситуации логистические риски, напрямую связанные с таможенными рисками. В этой связи, до начала планирования логистических издержек необходимо проанализировать существующие таможенные риски, связанные со специфическим товаром.

Литература

1. *Гаврилюк Е. С.* Институт интеллектуальной собственности в системе государственного регулирования инновационной активности субъектов российской экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук. С.-Петербург. гос. экон. ун-т. СПб., 2015.
2. *Левина Т. В.* Актуальные вопросы управления логистическими рисками // *Логистика и управление цепями поставок.* 2014. № 4. С. 22–37.
3. *Лелявина Т. А., Семенова А. В.* Риск в таможенном деле как фактор эффективности деятельности таможенных органов // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2016. № 12–5. С. 158–160.
4. *Лукинский В. С., Лукинский В. В., Плетнева Н. Г.* Логистика и управление цепями поставок: Учебник и практикум. М. : Юрайт, 2016. 358 с.
5. *Сергеев В. И.* Управление цепями поставок. М. : Юрайт, 2014.
6. *Управление цепями поставок: Справочник* издательства Gower / под ред. Дж. Гатторны. М. : ИНФРА-М, 2008.

Об авторе:

Гетман Анастасия Геннадьевна, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; agetman@mail.ru

References

1. Gavriljuk E. S. Institute of intellectual property in the system of state regulation of innovative activity of subjects of the Russian economy: Dissertation *abstract*. SPb State University of Economics. SPb., 2015. 18 p. (In rus)
2. Levina T. V. Actual issues of management of logistical risks // *Logistics and management of chains of deliveries.* 2014. N 4. P. 22–37. (In rus)
3. Lelyavina T. A., Semenova A. V. Risk in customs affairs as a factor of efficiency of activity of customs authorities // *International research journal [Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal].* 2016. N 12–5. P. 158–160. (In rus)
4. Lukinsky V. S., Lukinsky V. V., Pletneva N. G. Logistics and management of chains of deliveries. Textbook and practical work. M. : Uright, 2016. 358 p. (In rus)
5. Sergeev V. I. Management of chains of deliveries. M. : Uright, 2014. (In rus)
6. Gower handbook of supply chain management / under the editorship of J. Gattorna. M. : INFRA-M, 2008. 670 p. (In rus)

About the author:

Anastasia G. Getman, Associate Professor of the Chair of Customs Administration of North-West Institute of Management of RANEP (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; agetman@mail.ru

Современные тенденции функционирования рынка страховых услуг России

Полякова А. А. *, Кожанчикова Н. Ю., Дударева А. Б.

Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина, г. Орел, Российская Федерация; *polykova_a_a@ mail.ru

РЕФЕРАТ

На современном этапе наблюдается дальнейшее развитие страхового рынка, которое связано с происходящими на нем интеграционными процессами, воздействующими на участников страховой деятельности. Изменения, наблюдающиеся в различных сегментах экономики, приводят к увеличению разнообразных рисков и повышают потребность в страховых услугах. В России одной из проблем выступает небольшой набор предлагаемых страховых услуг, что сказывается на развитии страхового рынка.

Цель статьи заключается в оценке современного состояния рынка страховых услуг в России и выявлении проблем, возникающих при его функционировании.

Методология исследования состоит в обобщении и сопоставлении данных, характеризующих различные составляющие рынка страховых услуг.

Авторами выделяются тенденции, сложившиеся на рынке страхования в России, дается оценка сложившейся ситуации по различным критериям, выявляются факторы развития страхового бизнеса, а также проблемные аспекты страховой отрасли.

Проведенное исследование показало наличие высокой зависимости страхования в России от сложившегося политического и экономического уклада, что обусловило доминирование спроса на определенные страховые продукты. Развитие современного рынка страхования связано с необходимостью осуществления государственной поддержки, заключающейся в создании условий для адекватного функционирования страхового рынка. Авторами обосновывается необходимость разработки страховой идеологии и доведения ее сущности до населения.

Ключевые слова: страховая компания, страховой рынок, обеспеченность страховыми услугами, факторы развития страхового бизнеса, страховые продукты

Modern Trends Functioning of the Insurance Services Market of Russia

Polyakova A. A. *, Kozhanchikova N. Yu., Dudareva A. B.

Orel State Agrarian University, Orel, Russian Federation; *polykova_a_a@ mail.ru

ABSTRACT

At the present stage, there is a further development of the insurance market, which is associated with the integration processes taking place on it, affecting the participants of insurance activities. The changes observed in various segments of the economy lead to increase in various risks and increase the need for insurance services. In Russia, one of the problems is a small set of proposed insurance services, which affects the development of the insurance market.

The purpose of the article is to assess the current state of the insurance services market in Russia and identify problems arising in its functioning.

The research methodology consists in the synthesis and comparison of data characterizing various components of the insurance services market.

The authors identify the trends that have developed on the market of insurance in Russia, assesses the current situation according to different criteria, revealed the factors of development of insurance business, as well as the problem aspects of the insurance industry.

The study showed the presence of high dependence of insurance in Russia on the prevailing political and economic way of life here, which led to the domination of demand for certain insurance products. As a result, it can be noted that the development of the modern market of insurance is associated with the need for state support, which consists in creating conditions for the adequate functioning of the insurance market. The authors substantiate the need to develop an insurance ideology and bring its essence to the population.

В современных рыночных условиях страхование является одним из наиболее эффективных способов профилактики и минимизации рисков, присущих процессу финансовой глобализации, сложной сфере социально-экономического развития, обеспечивая непрерывность, сбалансированность общественного производства и способствуя росту благосостояния населения. Страхование выступает не только в качестве гаранта возмещения понесенных убытков, но также является крупнейшим институциональным инвестором.

Для того чтобы выявить сущность страхования и страхового рынка в целом, следует определить более точное понятие страхования. Первоначальный смысл, заложенный в слово страхование, связан в русском языке со словом «страх». В этимологии английского языка страхование (insurance) указывает на латинские корни происхождения слова (secures — безопасный, надежный) и может трактоваться как «свободный от забот, от беспокойства и в этом смысле уверенный».

Понятие страхование необходимо изучать с различных позиций: правовой, социальной, психологической, финансовой и экономической. Исследователи в области права рассматривают страхование с позиции имущественного правоотношения как сделку, договор физических и юридических лиц. Согласно Федеральному закону от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страхование — это «отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков»¹.

При изучении социальной стороны в качестве приоритета выступает защита общества и личности от случайных неблагоприятных событий; с точки зрения психологии страхование — «укрытие» от риска, осознание безопасности страхователем. Страхование напрямую связано с системой финансов, оно выступает как элемент производственных отношений, служит основой для бесперебойного процесса воспроизводства и осуществляет возмещение потерь в денежном эквиваленте. Иначе говоря, с точки зрения финансов сущность данной дефиниции состоит в обеспечении «сколачивания» в процессе страховой деятельности доходов и расходов участников.

Представители экономической науки стремятся в своих работах раскрыть наиболее полное и точное определение данного предмета исследования. Страхование они рассматривают как отношения, целью которых является компенсация ущерба (дополнительной потребности в средствах) при наступлении страхового случая путем раскладки ущерба на основе формирования и использования целевого фонда. Однако в приведенной трактовке отсутствует интерес страховщика как предпринимателя, т. е. сущность понятия сводится к способу удовлетворения потребностей страхователя.

По мнению ряда авторов, страхование есть совокупность особых замкнутых перераспределительных отношений между его участниками по поводу формирования за счет денежных взносов целевого страхового фонда, предназначенного для возмещения возможного ущерба, нанесенного субъектам хозяйствования, или

¹ Федеральный закон от 27 ноября 1992 года № 4015-1 (ред. от 23.04.2018 г.) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 04.05.2018).

выравнивания потерь в семейных доходах в связи с последствиями происшедших страховых случаев. Перераспределительные отношения порождаются страхователями, уплачивающими взносы из средств, получаемых ими по результатам осуществления трудовой деятельности, которые через страховщика практически участвуют в компенсации ущерба участникам страхования в результате наступления страхового случая. Здесь справедливо отмечается, что в страховании участвуют две стороны — страховщик и страхователь.

Наиболее полно, по нашему мнению, выглядит определение страхования как экономической категории, сущность которой выражается «в экономических отношениях по передаче риска в обмен на уплату премии, имеющих гражданско-правовую форму и характеризующихся случайностью и вероятностью, статистической наблюдаемостью и возможностью математического расчета; замкнутой раскладкой ущербов (в пользу пострадавших страхователей за счет всех страхователей данного страхового фонда); наличием временных и пространственных границ раскладки ущербов» [2].

Специфичность экономической категории страхования проявляется в ряде признаков: присутствие страхового риска и возможность его оценки; существование перераспределительных отношений (перераспределение средств между субъектами страхования в результате наступления вероятностного непредвиденного, непреодолимого события); замкнутая раскладка ущерба среди участников страхования; реверсивность страховых платежей (вся сумма страховых платежей за минусом накладных расходов и прибыли страховщика возвращается страхователям в форме возмещения ущерба в течение принятого в расчет временного периода); совместная ответственность страхователей за ущерб; самокупаемость страховой деятельности (эквивалентность отношений страхователя и страховщика).

Социально-экономическую сущность страхования характеризуют присущие ему функции:

1. Рисксовая, в рамках которой происходит перераспределение денежной формы стоимости среди субъектов страхования при наступлении определенных событий.
2. Предупредительная, связана с использованием доли средств страхового фонда на исключение последствий страхового риска посредством реализации профилактических мероприятий в отношении застрахованных объектов.
3. Восстановительная функция заключается в покрытии ущерба, понесенного юридическими, физическими лицами в рамках заверенного договора при наступлении страхового случая.
4. Сберегательно-накопительная функция способствует хранению и приумножению денежных средств, сокращению государственных социальных расходов, повышая благосостояние населения. Она проявляется при долгосрочных видах страхования (жизни, пенсионное страхование).
5. Контрольная, выражается в контроле, на основании законодательной базы, за целевым формированием и использованием средств страхового фонда.
6. Инновационная, содействует развитию технологического прогресса путем нововведений компенсации понесенных рисков.
7. Инвестиционная функция проявляется через локализацию временно свободных средств в ценные бумаги, недвижимость.

Для реализации эффективной страховой деятельности необходимо соблюдать принципы страхования. Классические принципы включают:

- 1) принцип наличия страхового интереса. Означает наличие юридически обоснованной финансовой заинтересованности страхователя в объекте страхования. Договор страхования имущества, заключенный при отсутствии у страхователя (выгодоприобретателя) интереса в сохранении застрахованного имущества, является недействительным;

- 2) принцип страхуемости риска. Риск сводится к вероятностному распределению ущербов. Критерии страхуемости риска: случайный характер причин воздействующих на объект, возможность оценивания риска, выявление природы возникновения ущерба;
- 3) принцип наивысшего доверия сторон. Отношения субъектов страхования основываются на честности, несфальсифицированности фактов, имеющих значение при заключении договора;
- 4) принцип суброгации означает переход к страховщику, осуществляющему выплату в соответствии с договором страхования, права требования на возмещение суммы убытка, заявленного лицу, ответственному за причиненный ущерб;
- 5) принцип непосредственной причины. Страховая организация наделена правом компенсировать ущерб только от определенных разновидностей рисков, прописанных в договоре;
- 6) принцип контрибуции. Право страховщиков в результате двойного страхования одного предмета на разделение между собой подлежащей к выплате суммы возмещения убытка;
- 7) принцип эквивалентности. Условие равновесия доходов и расходов бюджета страховщика.

Материальную основу страхования составляет страховой фонд. Существуют две теории происхождения страхового фонда: рисковая и амортизационная. В соответствии с рискованной теорией, источником образования страхового фонда служит добавочное производство, которое достигается посредством создаваемого прибавочного продукта. Однако в страховой фонд попадает часть продукта, формирующаяся за счет вычетов из заработной платы работающего персонала, который нуждается в страховой защите. В рамках амортизационной теории источником страхового фонда, отождествляемого с амортизационным фондом, выступают издержки производства.

В современных условиях развития отечественной экономики страховой фонд рассматривают как средства, высвобожденные из национального дохода и общественного продукта. Выделяют следующие основные организационные формы страховых фондов:

- 1) государственные (централизованные) фонды — «часть национального дохода, выделяемая в виде резерва материальных или денежных средств для ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф, аварий и для оказания помощи гражданам в случае потери трудоспособности, наступления старости и других событий» [4];
- 2) страховые фонды страховщика — коллективные страховые фонды, образующиеся в результате взносов страхователей. Средства страхового фонда страховщика используются на покрытие причиненного ущерба в соответствии с условиями страхования;
- 3) фонды самострахования создаются в децентрализованном порядке каждым хозяйствующим субъектом обособленного фонда на добровольной или обязательной основе. Законодательно установлено наличие резервного фонда на базе акционерных обществ, размер которого не менее 15% от уставного капитала;
- 4) фонды взаимного страхования образуются на основе некоммерческого, взаимного страхования за счет паев. Размер фонда взаимного страхования определяется на основе итогов предыдущего года.

Механизмом осуществления страховых отношений между экономическими субъектами, возникающих в процессе защиты имущественных, личных и иных интересов в результате наступления неблагоприятных событий, служит рынок страховых услуг. Страховой рынок в классической интерпретации представляет собой экономический механизм, соединяющий интересы страхователей и страховщиков в отношении страховых услуг. Большинство специалистов рассматривают страховой рынок как

экономическую совокупность отношений, существующих между страховыми организациями, физическими, юридическими лицами в целях купли-продажи страховых продуктов, а также как процесс организации осуществления денежных отношений по формированию, распределению средств страхового фонда для обеспечения страховой защиты социума. Обобщая мнения большинства исследователей, определяющих понятие страхового рынка с позиции системного подхода, можно представить рынок как сложную интегрированную систему, которая включает в себя в качестве относительно самостоятельных элементов (подсистем) не только рынок страховщика, но и рынок страхователей, а также рынок страховых продуктов.

При установлении понятия «страховой рынок» следует обратить внимание на одно из главных его назначений — обмен страховщиком готового продукта на соответствующий эквивалент (денежную сумму), исходя от уровня спроса потребителей, руководствующихся качеством, надежностью предлагаемой страховой услуги. Поэтому предлагается рассматривать страховой рынок как сферу формирования, реализации и развития специфических экономических отношений, складывающихся между страхователями (застрахованными лицами, выгодоприобретателями), нуждающимися в страховой защите их имущественных и социальных интересов при наступлении страховых случаев, и страховщиками с участием иных хозяйствующих субъектов, связанных своей деятельностью со страхованием, при использовании определенных организационных, правовых и методических механизмов, технических (технологических) средств в системе взаимодействия названных субъектов и их деятельности в условиях государственного регулирования и контроля.

Функционирование страхового рынка заключается в «свободной игре» спроса и предложения, стимулируя создание страховых услуг, необходимых потенциальному потребителю. Свободное ценообразование определяется установленными тарифными ставками на страховые услуги, что приводит к созданию конкуренции между страховщиками, побуждая последних совершенствовать методы страхового обслуживания клиентов.

Страховой рынок, со стороны институционального подхода, может быть представлен в организационно-правовом, территориальном и в отраслевом аспектах. Отечественное страхование выделяет ниже представленный состав участников страхового рынка, деятельность которых регулируется Законом РФ «Об организации страхового дела в РФ»:

- 1) страхователи, застрахованные лица, выгодоприобретатели;
- 2) страховые организации (в том числе перестраховочные организации);
- 3) общества взаимного страхования;
- 4) страховые агенты;
- 5) страховые брокеры;
- 6) актуарии;
- 7) Банк России;
- 8) объединения субъектов страхового дела;
- 9) специализированные депозитарии.

Общая схема взаимодействия основных субъектов страхового дела представлена на рис. 1.

Таким образом, страховой рынок представляет собой сложную многофакторную конструкцию, подверженную воздействию внутреннего устройства и внешнего окружения.

Институт страховых посредников играет важную роль в продвижении страховых услуг, предлагаемых страховщиками потребителю, а также в консультационном сопровождении страхователя на этапах заключения, исполнения и прекращения договора страхования. Наиболее яркими представителями института являются страховые агенты и брокеры. Страховым агентом является физическое или юри-

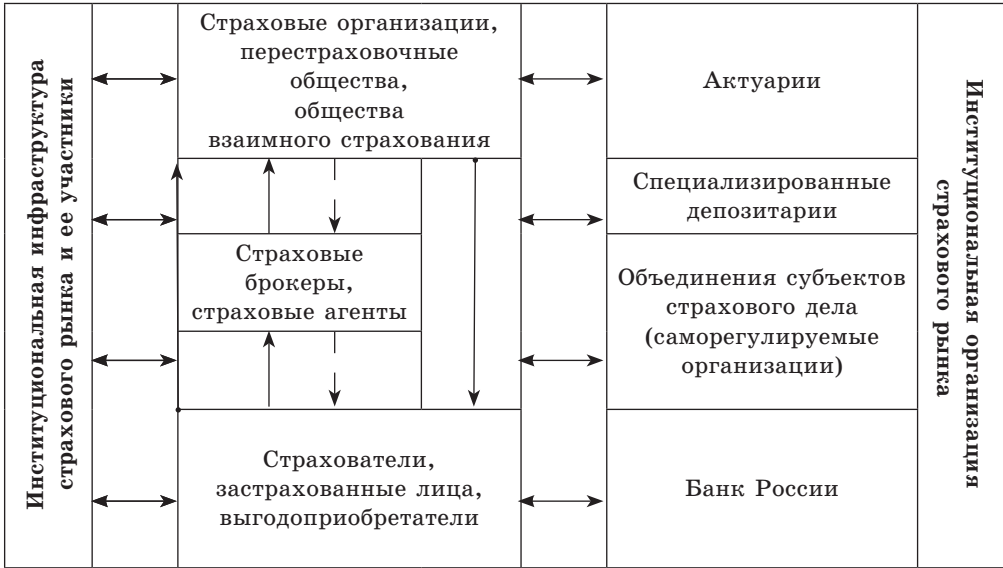


Рис. 1. Институциональная структура страхового рынка
 Fig. 1. Institutional structure of the insurance market

дическое лицо, осуществляющее деятельность на основании гражданско-правового договора от имени и за счет страховой организации, которое занимается продажей страховых полисов.

Страховые брокеры (юридические лица, индивидуальные предприниматели) осуществляют свою деятельность на основании договора об оказании услуг страхового брокера и организуют процесс заключения страховых договоров (проводят тендеры, готовят первичную документацию, сопровождают урегулирование страховых событий) от своего имени по поручению и за счет страхователей, либо от имени и за счет страхователей или страховщиков. Одна из функций брокеров — передача в перестрахование крупных корпоративных рисков и договоров облигаторного перестрахования. На конец 2017 г. в реестре страховых организаций, имеющих лицензию на проведение брокерских услуг, зарегистрировано 69 брокерских фирм. Также на российском рынке разрешено осуществление деятельности международным игрокам «большой четверки» (Aon, Marsh & McLennan, Willis, «Малакут»).

Доля договоров, заключенных через посредников в 2017 г., составила 74,5%, что на 4,3 п.п. больше 2016 г. Наибольшую долю продаж (после агентской сети) занимает банковский канал продвижения страховых услуг, его доля в 2017 г. составила около 80%.

Без участия посредников традиционно заключаются специальные договоры по страхованию воздушного и водного транспорта и ответственности их владельцев, а также договоры добровольного медицинского страхования.

Современный этап развития отечественного страхового рынка характеризуется происходящими на нем интеграционными процессами, затрагивающими всех участников страховой деятельности. На фоне ухудшения экономико-политической ситуации в стране, рекордные темпы прироста и развития страхового рынка были достигнуты в 2012 г.

Четырехкратное увеличение минимального размера уставного капитала страховых компаний с 01.01.2014, ужесточение требований со стороны регулятора к составу и качеству активов, структурные преобразования (слияния, поглощения)

повлекли за собой уменьшение количества действующих на рынке страховых организаций. Так, по данным ЦБ РФ число страховщиков в 2017 г. по сравнению с 2015 г. уменьшилось на 34%, при этом за период 2011–2017 гг. сокращение составило 2,5 раза. По итогам 2017 г. 30 страховых компаний лишились своих лицензий, причем 21 из них отказалась от лицензии добровольно (рис. 2).

В основном с рынка уходят страховые компании с меньшими размерами уставного капитала, что видно из рис. 3.

Одновременно с уменьшением количества организаций сокращается их совокупный уставной капитал, который в 2017 г. составил 206,6 млрд руб., что на 10 млрд меньше, чем в 2016 г.

Характерной особенностью российского страхового рынка является факт превышения собранной премии над объемами выплат (страховщики сознательно завышенно оценивают предпринимательские риски и вероятность наступления страховых случаев)¹, однако в 2015–2017 гг. присутствует опережающий темп прироста выплат над темпом прироста сбора премий, что привело к увеличению коэффициента выплат на 1,39 процентных пункта.

Продолжает расти консолидация российского страхового рынка, несмотря на ослабление позиций ПАО «Росгосстрах». Доля рынка в 2017 г., занимаемая компаниями ТОП-10, ТОП-20, достигла высшего уровня по объему собранных премий за последние пять лет, а именно 65,3% и 79,8%, соответственно, против 57,1% и 71,6% в 2012 г.²

К настоящему времени практически все страховые компании столкнулись с падением рентабельности собственного капитала, активов и в целом страховой деятельности. Факторами понижения рентабельности послужили высокие расходы на ведение дела, на возмещение судебных издержек, связанные с осуществлением проводимой политики в розничном страховании: не всегда «добросовестные выплаты» привели к развитию института автоюристов, а также повышению уровня мошенничества. Страховщики ищут резервы повышения рентабельности страхового бизнеса: проводят санацию страхового портфеля, сокращая долю убыточных видов страхования; повышают качество урегулирования убытков; уменьшают объем расходов, направленных на ведение дела.

Уровень современного состояния рынка страховых услуг позволяет оценить основные макроэкономические индикаторы развития рынка (табл. 1). Можно отметить незначительное увеличение значений макроэкономических индикаторов. Однако темп прироста показателей в 2016 г. меньше темпа прироста показателей 2015 г. Доля страховой премии (без ОМС) в ВВП в этом году увеличилась на 0,7%, но темп роста премии ниже уровня инфляции. Следует отметить, что в I квартале 2017 г. данный показатель составил 1,4%.³

Объем страховой премии на душу населения (без учета ОМС) в 2016 г. увеличился на 72,4 руб., но по-прежнему является недостаточным по международным меркам (среднее европейское значение — 2533,4 долл. на человека [1]). Причина кроется в низком платежеспособном спросе.

Капиталотдача страховых организаций в 2015 г. увеличилась на 4,7% и составила 4,5 руб. В 2016 г. произошло дальнейшее увеличение указанного показателя до 4,6 руб., прирост составил 2,2%.

¹ Развитие страхового рынка России в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/strah_rynok_2018.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

² Страховой рынок России в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Russian%20Insurance%20Market%202017.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

³ Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков № 1. I квартал 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/16035/review_insure_17Q1.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

Индикаторы страхового рынка по итогам 2014–2016 гг.

Table 1. Indicators of the insurance market, 2014–2016

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Доля страховых премий (без ОМС) в ВВП, %	1,36	1,38	1,39
Размер страховых премий на душу населения, руб.	6314,5	6751,7	6824,1
Капиталотдача страховых организаций, руб.	4,3	4,5	4,6
Доля активов в ВВП, %	2	2,2	2,3

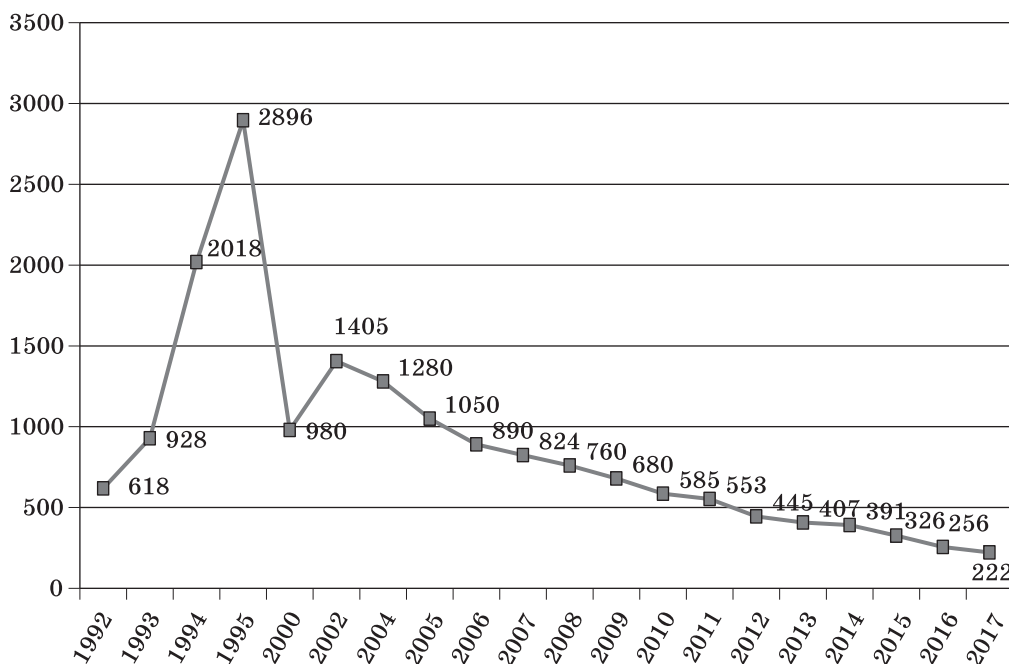


Рис. 2. Количество страховщиков, имеющих лицензию на проведение страховых операций
Fig. 2. Number of insurers licensed to conduct insurance operations

Источник: Страхование сегодня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insur-info.ru> (дата обращения: 04.05.2018).

Отношение активов к ВВП увеличивается незначительно (на 10% и на 4,5% соответственно в 2015 и 2016 гг.), при значительном увеличении активов (на 16% и 14% соответственно). Значительную долю активов страховщиков составляют денежные средства и депозиты — 29,22%, что объясняется спецификой страховой деятельности и необходимостью поддержания достаточно высокого уровня ликвидности.

Проблема низкого уровня проникновения страхования связана с концентрацией страховых компаний в Центральном федеральном округе и отсутствием страховщиков в некоторых отдаленных субъектах. Территориальные диспропорции влекут за собой выпадение из сферы страхования граждан сельской местности, малых предприятий, отдельных регионов страны.

Различия в экономико-политических, природно-климатических, географических условиях развития субъектов Российской Федерации обуславливают неоднозначное

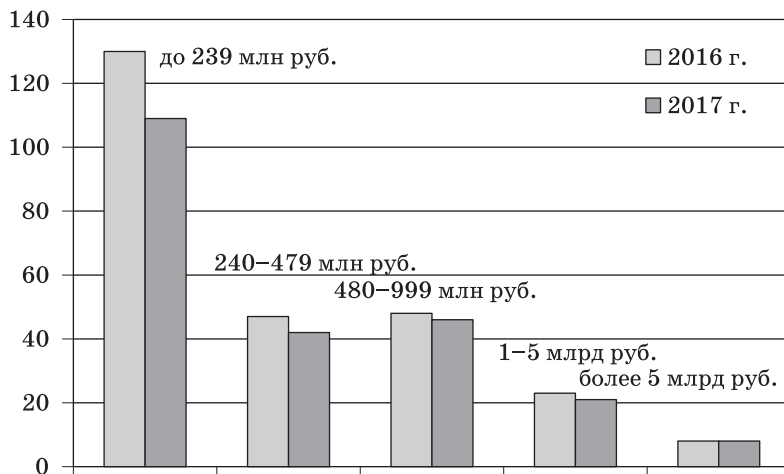


Рис. 3. Количество страховых компаний по размеру уставного капитала, 2016–2017 гг.
 Fig. 3. Number of insurance companies in terms of the authorized capital, 2016–2017

Источник: Развитие страхового рынка России в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/strah_rynok_2018.pdf (дата обращения: 20.05.2018).

формирование региональных рынков страховых услуг. Несоответствие уровней развития регионов можно проследить, используя при анализе страхового рынка индикатор, отражающий долю страхования в валовом региональном продукте (ВРП) (рис. 4).

Проанализировав график, представленный на рис. 4, мы видим, что уровень индекса страхового рынка по федеральным округам довольно низкий. Наименьший показатель уровня проникновения страхования относится к Дальневосточному и Северо-Кавказскому федеральным округам — 0,68% и 0,78% соответственно. Наивысший показатель обеспеченности страховыми услугами достигнут в Центральном федеральном округе, однако данный факт обусловлен максимальной концентрацией страховщиков в столичном регионе (доля страхования в г. Москве составила 3,8%).

Орловская область является субъектом Центрального федерального округа. Доля совокупной страховой премии, собранной на территории области по итогам 2017 г., в объеме ВРП составила 1,05 п. п. и характеризует недостаточную степень развития региональных страховых отношений. По объему рынка страховых услуг Орловская область занимает 17-е место среди 18 субъектов ЦФО, опережая лишь Костромскую область. По данным Банка России на 31.12.2017 на территории Орловской области осуществляют страховую деятельность филиалы 59 крупных, в основном московских, страховых компаний. Единственная страховая региональная компания «Полис» прекратила свое существование в 2015 г.

К проблемам, сдерживающим развитие страхового рынка России, можно отнести скудность предложения страховых услуг. На настоящее время российские страховщики представляют клиентам порядка 20 страховых продуктов, которые являются универсальными, идентичными у большинства компаний. Заключение нестандартных страховых договоров в отношении либо объекта страхования, либо рисков практически не проводится или клиенты сталкиваются с большими проблемами по преодолению препятствий, выставленных страховщиками. При этом, в зарубежных странах перечень страховых услуг насчитывает более 200 раз-

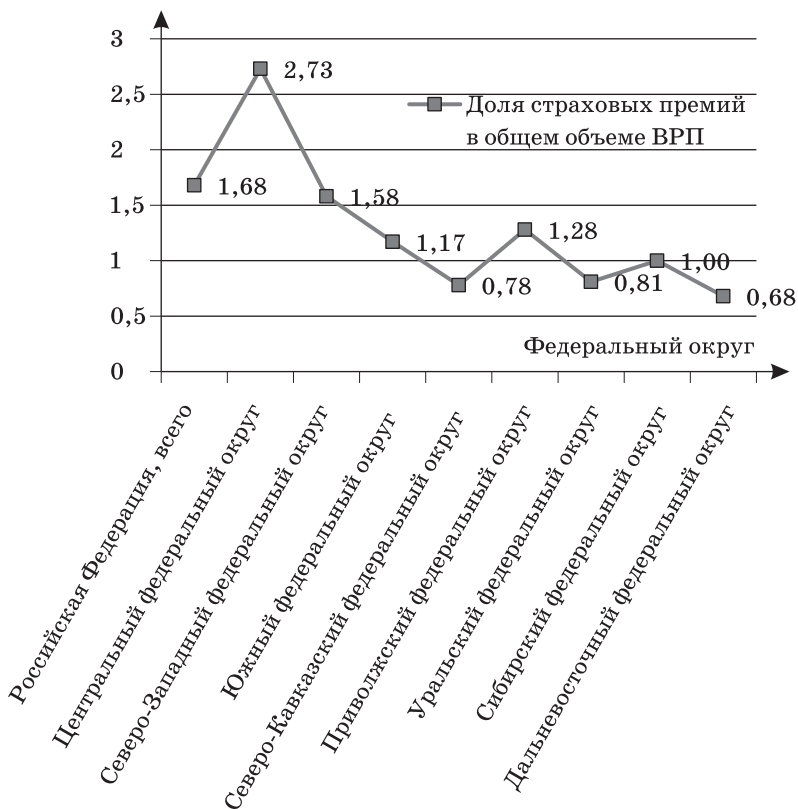


Рис. 4. Доля страховых премий в общем объеме ВРП по федеральным округам
 Fig. 4. The share of insurance premiums in the total volume of GRP on Federal districts

нообразных видов, и нестандартные договоры не вызывают негативных реакций у страховых компаний.

Некоторые иностранные компании страхуют клиентов, например, от повышения цен на бензин. За 20 евро в год страховщик обязуется возместить допрасходы, если цена на бензин подскочит более чем 15%. Всего за 18 евро в год одна из известных европейских компаний предлагает застраховать своих клиентов от случайного захлопывания входной двери. Она обязуется выплатить до 100 евро, которые придется потратить на вызов бригады спасателей и покупку нового замка. Компания Hullbergу компенсирует потерянное время, заплатив 75 евро, если застрахованный застрянет в лифте. Страховка от сухого закона стоимостью всего 12 евро предполагает компенсацию в 500 евро, если в стране будет введен сухой закон. За 12 евро можно застраховаться от похищения инопланетянами. В договоре одной из европейских компаний, сотрудники которой явно дружат с чувством юмора, говорится, что премия будет выплачена, «если подписанта против его воли похитят с Земли инопланетяне». После предъявления справок от врачей и авиакосмических органов (!) «жертве» веземного разума присудят 5 тыс. евро¹.

¹ 10 самых странных страховок в истории [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/sovety/strahovanie/10-samyh-strannyh-strahovok-v-istorii> (дата обращения: 04.05.2018).

Следует также отметить, что большая доля страховых операций в нашей стране приходится на обязательные виды страхования, добровольные виды, как правило, не развиты и не популярны. Во многих случаях эти страховки становятся для клиентов «добровольно-принудительными», сопутствующими каким-то иным сделкам, например автокредит и КАСКО страхование, ипотека и страхование имущества и жизни и т. д. При этом страховые компании не сильно стремятся к изменению ситуации, так как продать полис добровольного вида страхования сложно, необходимо приложить к этому много сил и времени, обучить персонал, разработать стратегию, провести маркетинговые исследования, потратиться на рекламу.

В то же время, продавать то, что покупать обязаны, гораздо проще, необходимо только занять территориальную нишу и оказаться в нужное время в нужном месте. И как показывает современная российская практика, параллельно можно добавить и добровольную страховку, которую клиент покупать не собирался, но ему практически не оставили выбора.

Акцентирование основного внимания страховщиков на движении финансовых потоков, механизме администрирования поступлений страховых премий (уделяя меньшее внимание изучению и учету интересов различных категорий клиентов), необоснованное завышение комиссионных вознаграждений и увеличение тарифной ставки порождают недоверие страхователей к страховщикам. Недоверие увеличивается вследствие низкого качества урегулирования убытков. Возникает необходимость скорейшего запуска института страхового омбудсмена.

Актуально расширение перечня услуг, соответствующих потребностям отечественного страхователя, но, несмотря на потенциал страховой отрасли в России, доминирует спрос на самые простые страховые продукты — страхование от несчастных случаев, автотранспортное страхование. На данный момент «страховщики пытаются искусственно создать спрос на добровольные виды страхования путем осуществления добровольно-принудительных методов продаж. Пример — заключение договоров ОСАГО только при условии дополнительного страхования жизни» [3].

Серьезной проблемой для страховой отрасли остается повышение качества образования специалистов, в частности, в продающих подразделениях. Так, страховые агенты нацелены исключительно на количество продаж полисов и получение наибольшего комиссионного вознаграждения, пренебрегая интересами потребителей. Раскрытие информации об условиях страхования, страховых случаях, исключениях из страхового покрытия носит второстепенный характер, что в совокупности с отсутствием страховой грамотности у большинства клиентов (физических лиц) приводит к несоответствию ожидаемого и реального наполнения страхового продукта, оставляя негативный след на опыте выгодоприобретателя.

На страховой рынок негативно влияет уровень инфляции, который не дает развиваться накопительному страхованию жизни, низкие темпы роста промышленного капитала (объекта страхования); характерные для отечественной экономики высокие транзакционные издержки. Российское общество не осознает в полной мере значение страхования для защиты своих имущественных интересов: добровольное страхование представляется физическим и юридическим лицам как дополнительные растраты; обязательное страхование расценивается как дополнительный налог. Низкая страховая культура социума, воспринимающего потребление страховых услуг как дополнительные издержки в условиях финансового и экономического кризиса, нередко приводит к ущербу их деятельности, который можно было предотвратить.

Доминирующим фактором развития страхового бизнеса является экономический потенциал населения. Так, проблема низкого уровня доходов социума не способ-

ствует развитию форм долгосрочного страхования жизни — одной из наиболее распространенных форм страхования в развитых странах.

Таким образом, отечественным страховщикам необходимо параллельно нововведениям в страховой бизнес заниматься решением вышеуказанных проблем: донести «идею о страховании» в общество и сформировать конкурентные преимущества национального страхового рынка.

Ни в одной стране мира страховой рынок не существует без четко отлаженной системы государственного регулирования. Государственное регулирование страховой деятельности представляет собой создание государством рамочных условий для функционирования страхового рынка, в пределах которых его субъекты свободны в принятии решений. Цели государственного регулирования направлены на соблюдение субъектами страхового рынка требований законодательства; обеспечение выполнения обязательств сторонами договоров страхования; обеспечение надежного, конкурентоспособного, стабильного функционирования национального страхового рынка; повышение социальной и экономической стабильности социума.

Формирование российской системы регулирования страховой деятельности основано на мировом опыте, в котором имеют место быть два альтернативных направления: английская и немецкая системы. «Английская система либеральна, она опирается на контроль за деятельностью страховщиков на основе изучения их отчетности. Главный минус данной системы — отсутствие контроля за текущими страховыми операциями. Немецкая система характеризуется четкой регламентацией всех операций, жестким контролем за соблюдением законодательства по защите интересов и прав страхователей и страховщиков» [5]. Проведенные исследования показывают, что развитие государственного страхового надзора в Российской Федерации осуществляется по германскому образцу.

В связи с недостаточным уровнем развития страхового рынка России по сравнению с мировым рынком, а также учитывая сложность существующей экономической ситуации в целом в РФ, Правительством РФ в 2013 г. была разработана и утверждена Стратегия развития страховой деятельности в РФ до 2020 г.¹. К основным задачам развития страховой деятельности в РФ до 2020 г. относятся:

- обеспечение благоприятных условий, позволяющих стимулировать развитие добровольного и взаимного страхования;
- расширение линейки страховых продуктов, с целью удовлетворения потребностей в страховых услугах со стороны потребителей;
- стимулирование инвестиций в страховую деятельность;
- создание механизмов, обеспечивающих повышение интереса со стороны страхователей, страховщиков и страховых посредников, а также защиту их интересов;
- повышение качества страховых услуг;
- обеспечение прецедентов досудебного урегулирования страховых споров;
- обеспечение условий для гарантий стабильности, оперативности и эффективности функционирования страхового рынка.

Для достижения поставленных в Стратегии целей необходимо обеспечить следующие условия: повысить общий уровень экономического и социального развития РФ; совершенствовать нормативно-правовое обеспечение страховой деятельности и государственного страхового надзора; повысить социальную ответственность бизнеса за выполнение взятых обязательств; развивать международные финансовые

¹ Распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70323750/ixzz5KMLOGiu7> (дата обращения: 04.05.2018).

**Контрольные показатели и их целевые значения при успешной реализации
«дорожной карты»**

Table 2. Benchmarks and their target values in successful implementation of the road map

Контрольный показатель и его целевое значение	Базовое значение (2011 г.)	Темпы прироста, %		
		2014 г.	2017 г.	2020 г.
Доля страховых премий в валовом внутреннем продукте, % к ВВП без ОМС	1,2	42	53	35
Объем совокупной страховой премии (без ОМС), млрд руб.	663,7	76	95	61
Доля страхования жизни в объеме совокупной страховой премии, %	5,2	53	44	30
Доля добровольных видов страхования в объеме совокупной страховой премии, %	83,3	-4	6	6
Доля обязательных видов страхования в объеме совокупной страховой премии, %	16,7	20	-25	-33
Объем страховых премий на душу населения, руб.	4642,3	77	95	62

отношения и обеспечить выход на международный страховой рынок. Результат выполнения предусмотренных мероприятий («дорожная карта») — достижение определенных контрольно-плановых показателей, демонстрирующих развитие страховой отрасли в Российской Федерации (табл. 2).

Следует отметить, что на данный момент времени целевые значения «дорожной карты» не выполняются. Во многом на это повлияли введенные экономические санкции и замедление темпов экономического развития, которые коснулись и финансового сектора.

В отношении вопросов развития обязательного страхования в период до 2020 г. основное внимание сконцентрировано на переходе к коридорному ограничению страховых тарифов; разработке механизма государственного и общественного мониторинга применяемых страховых тарифов.

Исследовав понятие и сущность страхового рынка, изучив стадии его формирования, можно констатировать сильную зависимость отечественной системы страхования от социально-политического, экономического уклада в стране. Существовавший в советское время государственный монополизм отрасли не способствовал интенсивному развитию страхового рынка, формированию его конкурентных преимуществ по сравнению с рынками западных стран (Англия, Швейцария, США и т. д.). Таким образом, причины доминирования спроса страхователя на определенные продукты, объем предложения страховых услуг и их разнообразие носят хронологический характер.

Следует отметить, что развитие страхования не может происходить без серьезной и продуманной государственной поддержки. Поэтому очевидна необходимость разработки страховой идеологии и внедрение ее, в первую очередь, в сознание людей, начиная с государственных чиновников, депутатов парламента и до широких слоев населения.

Литература

1. Аксютин С. В. Страховой рынок России: проблемы и перспективы // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 2 (70). С. 115–126.

2. Архипов А. П. Страхование : учебник. М. : КНОРУС, 2012.
3. Бермас Е. А., Яруллин Р. Р. Страхование в России: тенденции, проблемы и перспективы развития // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 8 (157). С. 165–169.
4. Страхование : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. И. П. Хоминич, Е. В. Дик. М. : Юрайт, 2017.
5. Страхование: учеб. пособие / В. А. Щербаков, Е. В. Костяева. 4-е изд, перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2014.

Об авторах:

Полякова Анна Алексеевна, доцент кафедры финансов, инвестиций и кредита Орловского государственного аграрного университета им. Н. В. Парахина (Орел, Российская Федерация), кандидат экономических наук; polykova_a_a@mail.ru

Кожанчикова Наталья Юрьевна, доцент кафедры финансов, инвестиций и кредита Орловского государственного аграрного университета им. Н. В. Парахина (Орел, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kojanchikova@mail.ru

Дударева Анжелика Борисовна, доцент кафедры финансов, инвестиций и кредита Орловского государственного аграрного университета им. Н. В. Парахина (Орел, Российская Федерация), кандидат экономических наук; dudareffa@mail.ru

References

1. Aksyutina S. V. Insurance market of Russia: problems and prospects // Problems of development of the territory [Problemy razvitiya territorii]. 2014. Issue 2 (70). P. 115–126. (In rus)
2. Arkhipov A. P. Insurance: textbook. M. : KNORUS, 2012. 288 p. (In rus)
3. Bermas E. A., Yarullin R. R. Insurance in Russia: tendencies, problems and prospects of development // Bulletin of the Orenburg State University [Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2013. N 8 (157). P. 165–169. (In rus)
4. Insurance: the textbook and a practical work for the academic bachelor degree / under the editorship of I. P. Hominich, E. V. Dick. M. : Uright, 2017. 437 p. (In rus)
5. Insurance: manual / V. A. Scherbakov, E. V. Kostyaeva. 4th edition. M. : KNORUS, 2014. 320 p. (In rus)

About the authors:

Anna A. Polyakova, Associate Professor of the Department of Finance, Investment and Credit of Orel State Agrarian University (Orel, Russian Federation), PhD in Economics; polykova_a_a@mail.ru

Natalia Yu. Kozhanchikova, Associate Professor of the Department of Finance, Investment and Credit of Orel State Agrarian University (Orel, Russian Federation), PhD in Economics; kojanchikova@mail.ru

Anzhelika B. Dudareva, Associate Professor of the Department of Finance, Investment and Credit of Orel State Agrarian University (Orel, Russian Federation), PhD in Economics; dudareffa@mail.ru

Подходы к оценке качества корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием

Харчилава Х. П.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация; leorem@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается необходимость комплексной оценки качества корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием. Рассмотрена роль корпоративного управления в реализации программ долгосрочного и инновационного развития в российских компаниях с государственным участием. Приведены рекомендации по совершенствованию корпоративного управления в указанных компаниях.

Ключевые слова: корпоративное управление, долгосрочная программа, программа инновационного развития, ключевые показатели эффективности развития, компании с государственным участием

Approaches to Quality of Corporate Management Assessment in the Russian Companies with the State Participation

Kharchilava Kh. P.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; leorem@yandex.ru

ABSTRACT

In the article need of complex assessment of quality of corporate management for the Russian companies with the state participation is considered. The role of corporate management in implementation of programs of long-term and innovative development in the Russian companies with the state participation is considered. Recommendations about improvement of corporate management in the specified companies are provided.

Keywords: corporate governance, long-term program, innovative development program, key performance indicators of development, companies with state participation, state information system of industry

Основным препятствием развития российской экономики, по мнению автора, является недостаточное качество корпоративного управления. Как показывает мировой опыт, крупные компании и инвесторы, как правило, отдают приоритет качеству корпоративного управления в сравнении с финансово-экономическими показателями. В связи с этим для повышения рейтингов компаний, улучшения инвестиционного климата и большей интеграции в глобализационные процессы российское корпоративное управление необходимо совершенствовать в части следования общепринятым мировым стандартам.

К настоящему времени сформировались два подхода к корпоративному управлению. Первый отстаивают собственники и менеджеры компаний, второй — инвесторы. Существует мнение, что российская модель корпоративного управления практически не приспособлена как для инноваторов, так и инвесторов. Приоритет в системе корпоративного управления компаниями с госучастием вопросам стратегического менеджмента обусловлен необходимостью реализации долгосрочных

программ развития, инновационных и инвестиционных стратегий. В отличие от коммерческого сектора, стратегические документы государственно-корпоративного сектора (компании с государственным участием, госкорпорации и госкомпании) в основной массе находятся в стадии разработки.

Согласно иерархии отдельных направлений деятельности компаний, стратегическое планирование и управление занимает одно из первых мест в компаниях. На эффективность реализации функции стратегического управления в компаниях с государственным участием оказывают влияние следующие факторы:

- 1) процессы подготовки отчетности становятся ключевыми и определяющими для сохранения устойчивости команды топ-менеджеров в условиях постоянного формализованного контроля;
- 2) документы проходят множество этапов внутреннего и внешнего согласования;
- 3) процессо-ориентированность стратегического управления при недостаточности контроля и координации.

Федеральные министерства и федеральные органы, формирующие государственную политику в отраслях экономики, фактически могут принимать участие только в управлении компаниями, которые включены в спецперечень и перечень стратегических акционерных обществ и предприятий, а в отношении компаний, которые по различным причинам не входят в указанные спецперечни, но деятельность которых существенным образом влияет на развитие различных отраслей экономики Российской Федерации (промышленность, энергетика и др.), Росимущество фактически будет формировать позицию без учета отраслевой специфики и федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на формирование и реализацию политики в соответствующей сфере ведения.

Кроме того, указанные нововведения не определяют функции федеральных органов исполнительной власти по управлению АО, преобразованными из ФГУП, включенных в перечень стратегических предприятий и акционерных обществ, и, следовательно, в период преобразования таких ФГУП в АО, федеральный орган исполнительной власти лишается возможности участвовать в управлении этими АО на период до включения их в этот перечень [2].

Необходимо отметить, что основы для формирования механизма оценки качества корпоративного управления в целях выявления «лидеров» и «аутсайдеров» среди компаний госсектора заложены в принципах корпоративного управления ОЭСР. В 1998 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) совместно с Всемирным банком, Международным валютным фондом и другими международными организациями инициировала глобальную программу создания универсальных стандартов и норм корпоративного управления, направленную на улучшение национальных систем корпоративного управления. В 1999 г. Совет ОЭСР принял Общие принципы корпоративного управления, в которых содержатся разъяснения относительно того, какие конкретные вопросы и проблемы должны быть отрегулированы национальными стандартами корпоративного управления. Кодекс корпоративного управления ОЭСР на сегодня — наиболее полный, авторитетный и признанный международный кодекс корпоративного поведения, более 130 стран его подписали¹.

Руководство ОЭСР по корпоративному управлению на государственных предприятиях направлено на обеспечение эффективной правовой и нормативной базы для государственных предприятий с учетом того факта, что государство выступает собственником и основным стейкхолдером, что, безусловно, влияет на обязанности

¹ Руководство ОЭСР по корпоративному управлению на государственных предприятиях (2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/dementiev/UTP8-2007.pdf> (дата обращения: 20.07.2018).

советов директоров на государственных предприятиях. Новые принципы ОЭСР направлены на обеспечение ориентира, согласованного на международном уровне, в целях оказания помощи и содействия правительствам при оценке и улучшении алгоритмов, с помощью которых ими осуществляются функции собственника компаний с государственным участием. Новая версия Рекомендаций была разработана после обобщения десятилетнего опыта их реализации, а также проведения ряда тематических и сравнительных исследований¹.

Документ разделяется на две основные части. Рекомендации, представленные в первой части, охватывают следующие области: обоснования для управления государственной собственностью; роль государства, как собственника; государственные предприятия в рыночном пространстве; справедливость в отношении к акционерам и другим инвесторам; отношения с заинтересованными сторонами и ведение социальноответственного бизнеса; раскрытие информации и прозрачность.

Руководящие принципы корпоративного управления компаний с госучастием ОЭСР (версия 2015 г.) направлены на следующие аспекты: право собственности и контроль, наличие различных режимов контроля; руководство корпоративной структурой; цели государственной политики в отношении госпредприятий; подотчетность генерального директора; субъект собственности; применимость принципов в практике корпоративного управления.

Соблюдение стандартов компаниями, улучшение инвестиционного климата в целом способствуют росту вклада российского бизнеса с госучастием в реализацию позитивного сценария развития. Наоборот, элементы негативного сценария развития увязываются нами с деятельностью компаний, которые характеризуются закрытостью, непрофессиональным менеджментом, несоблюдением интересов акционеров.

Глобализация в совокупности со снятием национальных границ и ростом интеграции финансовых рынков приводят к сближению норм правового и институционального характера, обуславливающих в моделях корпоративного управления различия. До финансового кризиса большинство российских компаний основные требования законодательства и рекомендации в области корпоративного управления формально соблюдали. Основными документами, определяющими стандарты корпоративного управления для компаний, являются устав (90%) и кодекс корпоративного управления (50%) либо этический кодекс (30%) [3].

Компаниями в ходе разработки внутрикорпоративных стандартов и норм в качестве источников информации используются, как правило: практики, сложившиеся в компании (65%), мировой опыт и лучшие стандарты и практики, разработанные международными организациями (50%), эталонный опыт отечественных компаний (45%). В компаниях с участием государства в акционерном капитале информационные источники, для формирования системы корпоративного управления, как правило, следующие: формальные нормы, включая рекомендации Росимущества и Минэкономразвития России (100%), сложившиеся в компании практики (35%), эталонный опыт (как международный, так и отечественный) корпоративного управления (40%).

В целом, надо отметить, что российская модель корпоративного управления отличается от зарубежных моделей и практик, в то же время, вся система корпоративного управления основана на одних и тех же ключевых принципах. Следует обратить внимание на особенности корпоративного управления в России:

- 1) низкая защита прав инвесторов, недостаток опыта у российских компаний в применении законодательных норм, регулирующих корпоративное управление;
- 2) высокая концентрация капитала в руках государства;
- 3) формальность институтов корпоративного управления, «разрывы» в видимости и сущности корпоративного управления;

¹ Там же.

- 4) недостаточный учет интересов стейкхолдеров при принятии управленческих решений;
- 5) слияние интересов государства и бизнеса и развитие монополистической модели частно-государственного партнерства;
- 6) недостаточная транспарентность.

Оценка качества корпоративного управления нацелена на соблюдение интересов компании и характеризуется систематическим наблюдением за реализацией отдельных процессов, связанных с корпоративным и оперативным управлением. Самыми простыми и надежными способами оценки являются контроль, обратная связь и «управление по отклонениям». Результатом является принятие решений, направленных на совершенствование работы компании в целях повышения ее эффективности. Вместе с тем существенной проблемой остается сопоставимость информации и возможность ее агрегирования. Для адекватной оценки вклада компаний в общественное развитие, включая оценки их деятельности, это является необходимым условием. В этой связи особенную актуальность приобретает вопрос о базовых индикаторах, рекомендованных компаниям в качестве основы при подготовке соответствующей отчетности [1].



Рис. Модель оценки качества корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием

Fig. Model of assessment of quality of corporate management in the Russian companies with the state participation

Источник: составлено автором.

Оценка качества корпоративного управления на основе принципов устойчивого развития требует отражения ключевых данных, касающихся:

- 1) реализации долгосрочной программы развития;
- 2) факта формализованного утверждения политики компании в области КСО (включая ее отдельные направления);
- 3) наличия и качества систем управления и бизнес-процессов управления экономической, социальной, экологической результативностью;
- 4) информации по ключевым результатам деятельности госкомпании не менее чем за 3 года;
- 5) сравнения и анализа результатов деятельности компании в части практики корпоративного управления и отчетности;
- 6) анализа основных групп стейкхолдеров, эффективности взаимодействия, включая формы и результаты такого взаимодействия с заинтересованными сторонами.

Модель оценки качества корпоративного управления в компаниях с государственным участием может содержать следующие уровни, подлежащие оценке: «бизнес-процессы»; «структура»; «транспарентность» (рисунок).

Регулярная оценка качества корпоративного управления российских компаний с государственным участием позволяет рейтинговать и ранжировать компании, выявлять «лидеров» и «аутсайдеров» и своевременно оптимизировать план мероприятий по совершенствованию корпоративного управления.

Литература

1. *Беляева И. Ю., Харчилава Х. П.* Специфика деятельности наблюдательных органов в российских публичных акционерных обществах с государственным участием // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 2 (148). С. 74–79.
2. *Механизм агрегированной оценки качества управления непубличными российскими компаниями с государственным участием* : монография / колл. авторов; под ред. И. Ю. Беляевой, Х. П. Харчилавы. Москва : РУСАЙНС, 2016. 146 с.
3. *Развитие корпоративного управления в компаниях с государственным участием* : монография / под ред. И. Ю. Беляевой, Х. П. Харчилавы. Москва : РУСАЙНС, 2017. 182 с.

Об авторе:

Харчилава Вича Патаевич, доцент департамента «Корпоративные финансы и корпоративное управление» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; leorem@yandex.ru

References

1. Belyaeva I. Yu., Harchilava H. P. Specificity of activity of supervisory bodies in the Russian public joint stock companies with the state participation // Bulletin of the Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 2 (148). P. 74–79. (In rus)
2. The mechanism of the aggregated assessment of quality of management of the non-public Russian companies with the state participation: monograph / collective of authors; under the editorship of I. Yu. Belyaeva, H. P. Harchilava. Moscow : RUSCENCE, 2016. 146 p. (In rus)
3. Development of corporate management in the companies with the state participation: the monograph / under the editorship of I. Yu. Belyaeva, H. P. Harchilava. Moscow : RUSCENCE, 2017. 182 p. (In rus)

About the author:

Khvicha P. Kharchilava, Associate Professor of Department of «Corporate Finance and Corporate Governance» of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; leorem@yandex.ru

Взаимодействие государства и НКО: возможности, механизмы, проблемы и пути их решения

Чернышов А. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС), Нижний Новгород, Российская Федерация; 1-vozhhd@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется проблематика взаимоотношений органов государственного и муниципального управления с общественными некоммерческими организациями (НКО). Представлены теоретические и практические исследования, характеризующие специфику НКО как субъекта общественных отношений, характер управления их функционированием и развитием. Статья нацелена на комплексное представление характера взаимодействия государства и некоммерческих общественных организаций путем раскрытия потенциала и моделей партнерских отношений государства и НКО; выявление имеющихся в рамках данных отношений проблем в современной России и определение путей их решения. Исследование проведено с использованием методов правового, организационно-функционального и проблемного анализа на основе комплексного и системного подходов. Проведена классификация НКО и обоснована необходимость учета данной классификации при выборе оптимальных механизмов сотрудничества власти с ними. Дана характеристика основных направлений государственного регулирования общественного некоммерческого сектора и обеспечения партнерских отношений власти и НКО. Представлены основные модели взаимодействия власти и НКО в рамках прямого государственного регулирования и на основе партнерских отношений. Обоснована приоритетность реализации взаимодействия власти и НКО на региональном и муниципальном уровнях. Определена особая значимость для государства и общества социально ориентированных НКО. Выделены и охарактеризованы проблемы реализации потенциала «третьего сектора» во взаимоотношениях власти и НКО. Обозначены для решения данных проблем меры правового и организационного характера в рамках социальной политики. По результатам исследования утверждается большой потенциал взаимодействия власти и НКО и необходимость системного и комплексного подходов в его реализации.

Ключевые слова: некоммерческие организации, «третий сектор», государственное регулирование, классификация НКО, модели взаимодействия власти и НКО, проблемы взаимодействия власти и НКО, комплексный подход, системный подход

Interactions of State and NKO: Possibility, Mechanisms, Problem and the Method of Their Solution

Chernyshov A. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPA), Nizhny Novgorod, Russian Federation; 1-vozhhd@rambler.ru

ABSTRACT

In the article the problems of the interrelations of the organs of state and municipal control with the public noncommercial organizations (NPO) are analyzed. Are represented the theoretical and practical studies, which characterize specific character NPO as the subject of social relations, the nature of control of their functioning and development. Article is aimed at the complex idea of the nature of the cooperation of state and noncommercial public organizations by way the disclosure of potential and models of the partner relations of state and NPO; the development of the existing within the framework given relations of problems in modern Russia and the determination of the

methods of their solution.. A study is carried out with the use of methods of lawful, organizational-functional and problematic analysis on the basis of complex and systems approaches. Classification NPO is carried out and the need for the calculation of this classification with the selection of the most optimum mechanisms of the collaboration of authority with them is substantiated. Dana is the characteristic of the basic directions of the government control of public noncommercial sector and guarantee of partner relations of authority and NPO. Are represented the basic models of interaction of authority and NPO within the framework of direct government control, also, on the basis of partner relations. Is substantiated the priority of the realization of interaction of authority and NPO at the regional and municipal levels. Special significance for state and society of socially oriented NPO is determined. Are isolated and described the problems of the realization of the potential "third sector" in the interrelations of authority and NPO. Are designated for solving the data of problems the measures of the lawful and organizational nature within the framework of social policy. The large potential of interaction of authority and NPO and the need for systems and integral approaches in its realization is asserted according to the results of a study.

Keywords: noncommercial organizations, "third sector". government control, classification NPO, the model of interaction of authority and NPO, problem of interaction of authority and NPO, integral approach, systems approach

В условиях плюрализма собственности и развития демократических институтов государство выступает в системе общественных отношений не как диктатор или покровитель, а как основная сила, регулирующая и координирующая деятельность всех субъектов данной системы. Осуществить эту свою миссию оно может, только опираясь на институты гражданского общества. Ключевое место среди них занимают общественные некоммерческие организации (НКО), как проявление гражданской активности и ответственности. Характеристике НКО, их роли и месту в общественных отношениях, анализу зарубежного и отечественного опыта взаимодействия с властью посвящены многочисленные исследования [1; 3]. Но проблема взаимодействия НКО и власти остается актуальной и для ученых, и для практиков, так как имеющийся опыт не находит достаточного отражения в деятельности той и другой стороны данного взаимодействия. Он требует совершенствования с использованием комплексного и системного подходов.

Данная статья нацелена на комплексное представление характера партнерского взаимодействия государства и некоммерческих общественных организаций. В качестве задач, обеспечивающих достижение данной цели, автором рассматриваются раскрытие потенциала и моделей партнерских отношений государства и НКО; выявление имеющихся в рамках данных отношений проблем в современной России и определение путей их решения.

Изучение характера взаимоотношений между государством и НКО проводилось с использованием методов правового, организационно-функционального и проблемного анализа на основе комплексного и системного подходов, которые позволили определить основные черты и возможности каждого из субъектов взаимодействия, выявить проблемы процесса реализации данных возможностей и наметить пути их решения.

Рассматривая НКО как социальных партнеров властных органов, необходимо, на наш взгляд, выделить их основные черты как субъекта общественных отношений. В современной отечественной и зарубежной экономической науке стало уже общепринятым разделение всех субъектов на три сектора: первый — государственный, второй — коммерческий, третий — некоммерческий негосударственный. Именно к этому третьему сектору и относят совокупность всех видов НКО. Некоммерческие общественные организации имеют черты, общие с субъектами двух других секторов: цель — решение общественных проблем, как и у органов государственного управления; плюрализм ресурсных источников, как у коммерческих организаций

[5, с. 21]. В то же время в отличие от последних НКО в своей деятельности не преследуют цели получения прибыли.

Даже занимаясь предпринимательством, как побочным видом деятельности, всю получаемую прибыль они направляют на свою основную, общественную деятельность. Эти черты делают НКО, с одной стороны, общественно значимыми; с другой — более мобильными в своей деятельности по сравнению с государственными и муниципальными организациями и учреждениями в участии в решении общественных проблем. Изучение проблемного поля деятельности НКО позволяет провести систематизацию и классификацию НКО. Основания для такой классификации могут быть различными: сфера и отрасль деятельности, цель деятельности, организационная форма, территориально-управленческий уровень и др. [4].

По сфере деятельности НКО можно разделить на организации, действующие в сфере услуг, в производственной сфере; по отраслевому признаку на действующие в социальных отраслях (здравоохранении, образовании, культуре, социальном обеспечении, физкультуре и спорте и др.), в сфере финансов, в юриспруденции и т. д.

По цели и содержанию деятельности выделяются НКО благотворительные, консалтинговые, аналитические, образовательные, оздоровительные, досуговые, управленческие и др. При этом по направленности среди НКО можно выделить НКО-интраверты и НКО-экстраверты — это объединения людей по общим проблемам (объединения инвалидов, родителей больных детей и т. д.) или интересам (группы самосовершенствования, клубы по интересам и др.). К НКО-экстравертам относятся объединения, созданные для решения проблем, не затрагивающих непосредственно членов НКО, а способствующих решению проблем определенных групп населения — безработных, престарелых, многодетных, инвалидов; или окружающей среды — природной и созданной человеком — экологические организации, охрана памятников культуры и др.

Особую группу составляют общественные объединения, созданные в целях контроля деятельности власти и защиты от ее произвола — правозащитные организации. По организационным формам НКО можно подразделять на автономные организации, фонды, партнерства, ассоциации. С точки зрения территориального масштаба деятельности и системы управления в совокупности всех НКО можно выделить организации национального, регионального и муниципального уровней.

Данные классификации позволяют при оценке деятельности НКО определить уровень ее эффективности именно в рамках того или иного основания. При этом многообразие направлений деятельности и организационных форм дает возможность в рамках взаимодействия с представителями других секторов разрабатывать различные модели совместной деятельности власти, бизнеса и некоммерческой активности.

Характеризуя государство как субъект партнерских отношений с НКО, важно в первую очередь учитывать, что в соответствии со спецификой общественных некоммерческих организаций мы не можем говорить о прямом управлении их деятельностью со стороны государства. В данном случае речь может идти о *государственном регулировании* формирования и развития «третьего» сектора, как одного из основных партнеров в реализации социальной политики. Государственное регулирование может быть представлено в различных направлениях, входящих в сферу компетенции государственных органов управления (рис. 1).

В рамках данных направлений действуют и органы муниципального управления. При этом важно учитывать, что содержание и механизмы государственного (муниципального) регулирования деятельности общественного сектора различны. Но среди них можно выделить три основных вида:

- административно-правовое регулирование: создание правовой базы деятельности НКО и контроль ее исполнения;
- экономическое регулирование: налогообложение, прямая экономическая помощь;

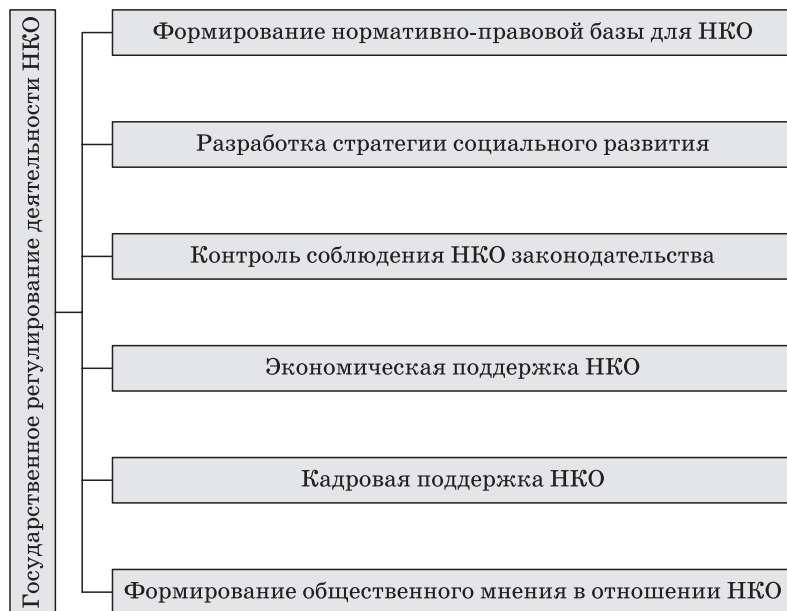


Рис. 1. Основные направления государственного регулирования деятельности НКО
 Fig. 1. Main directions of state regulation of activity of NPO

- сотрудничество в рамках социального партнерства государства и общественно-го сектора.

В рамках данных видов регулирования полномочия органов государственного и муниципального управления предполагают содержание деятельности, отраженное в таблице.

Представленные в таблице данные дают основание для выделения нескольких уровней регулирования деятельности НКО: национального (федерального), регионального и муниципального. На общероссийском уровне роль органов власти в отношении НКО заключается в формировании основных положений социальной политики в стране (ее целей, задач, принципов и направлений), создании основ законодательства, разработке целевых федеральных программ.

Но основная доля работы по взаимодействию власти и НКО осуществляется на местах: на уровне регионов и муниципальных образований. Для этого существуют объективные причины. Во-первых, деятельность некоммерческих организаций в большинстве своем распространяется на территорию конкретного субъекта РФ (чаще всего области, края, национального округа; реже — республики, города или района. Во-вторых, многие из НКО существуют и активно действуют без государственной регистрации, а те, которые прошли процедуру регистрации, осуществляли ее в региональных государственных органах. Здесь же осуществлялась и постановка их на учет в органах налогового контроля. Все это накладывает особую ответственность в обеспечении социального партнерства с НКО на региональные государственные и муниципальные органы управления.

В процессе взаимодействия власти и НКО можно выделить несколько моделей совместной деятельности. При этом все модели можно разделить на две группы: основанные на прямом административном регулировании деятельности НКО со стороны власти; реализуемые на основе равноправного партнерства. При раскрытии сущности различных моделей важно учитывать, что в процесс взаимодействия

Основные направления деятельности органов государственного и муниципального управления по регулированию формирования и развития НКО

Table. The main activities of bodies of the public and municipal administration on regulation of NPO

Формирование нормативно-правовой базы для НКО	Разработка стратегии социального развития	Контроль соблюдения НКО законодательства	Эконом. поддержка НКО	Кадровая поддержка НКО	Формирование общественного мнения в отношении НКО
Федерального уровня	Федеральные программы: - комплексные; - отраслевые	Регистрация НКО	Материальная помощь	Подготовка кадров для НКО	Создание государственно-общественных советов
		Налоговый контроль			
Регионального уровня	Региональные целевые программы	Стат. контроль	Прямое финансирование	Повышение квалификации кадров	Освещение опыта работы НКО в СМИ
		Противопожарный контроль			
Муниципального уровня	Муниципальные целевые программы	Экологический контроль	Налоговые льготы для: - НКО; - партнеров НКО	Организация обмена опытом	Организация конкурсов для НКО
		Санэпидемконтроль			

власти и НКО включаются ассоциации НКО (Ас НКО), отдельные коммерческие организации (КО) и их некоммерческие партнерства (НП).

В рамках взаимодействия данных субъектов можно выделить несколько моделей, основанных на прямом государственном регулировании путем создания правовой базы их создания, функционирования и взаимодействия и осуществления контроля ее соблюдения (рис. 2–5).

В процессе регулирования деятельности НКО властные органы различных уровней сталкиваются с их особенностями:

- сравнительно небольшие в территориальном и кадровом отношении масштабы деятельности НКО;
- максимальная приближенность к решению конкретных социальных проблем;
- большая по сравнению с государственными и муниципальными органами управления и учреждениями социальной сферы мобильность в определении содержания и форм деятельности;
- в силу своей демократичности защита в значительной степени от бюрократизма и волокиты в своих рядах.

Все это и делает НКО в большинстве случаев более эффективно действующими, чем государственные и муниципальные структуры, превращая их в привлекательных партнеров при решении социальных проблем. Но, как показывает отечественная и зарубежная практика, наибольшей эффективности партнерские взаимоотношения власти и НКО достигают, если они основаны на принципах равноправия и взаимного интереса. Модели такого партнерства представлены на рис. 6–8.

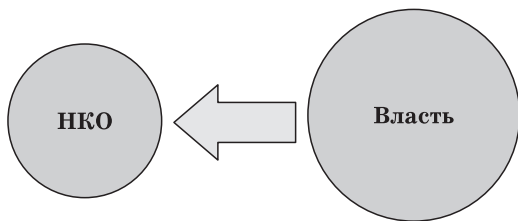


Рис. 2. Прямое регулирование деятельности НКО
Fig. 2. Direct regulation of activity of NPO

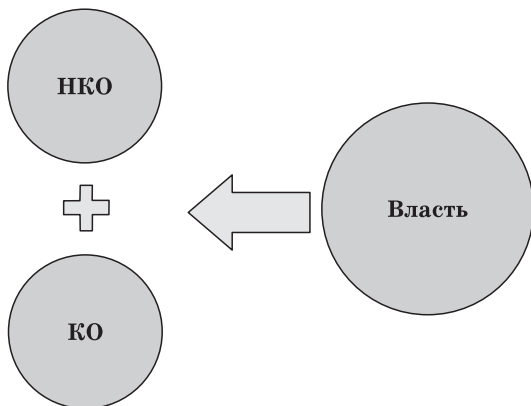


Рис. 3. Обеспечение взаимодействия НКО и бизнеса в рамках благотворительности
Fig. 3. Providing interaction of NPO and business within charity

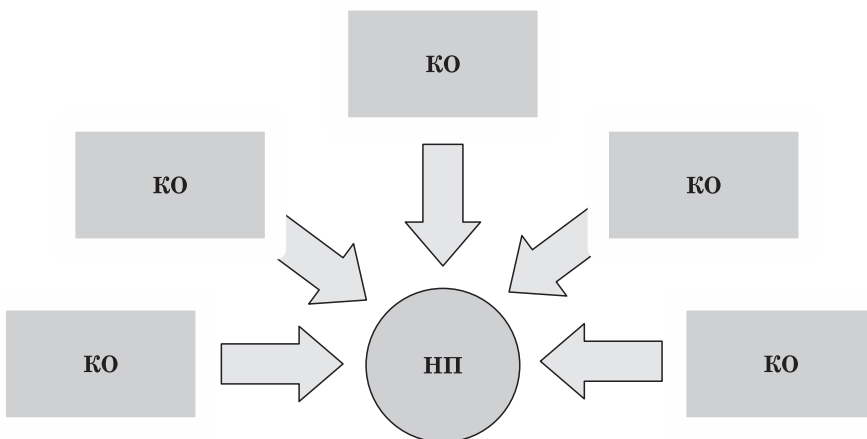


Рис. 4. Обеспечение участия НКО в процессе управления коммерческим сектором
в рамках некоммерческого социального партнерства
Fig. 4. Ensuring participation of NPO in process of management of the commercial sector
within non-profit social partnership

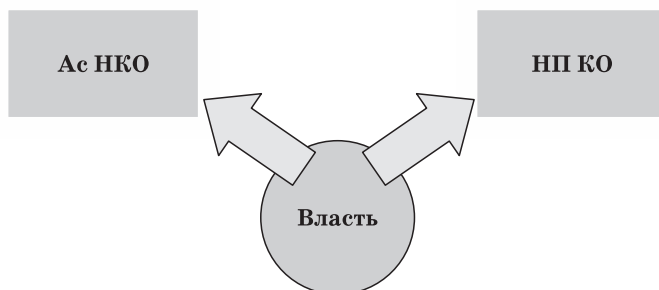


Рис. 5. Прямое регулирование деятельности ассоциаций НКО и некоммерческих партнерств коммерческих организаций

Fig. 5. Direct regulation of activity of NPO associations and non-profit partnerships of the commercial organizations

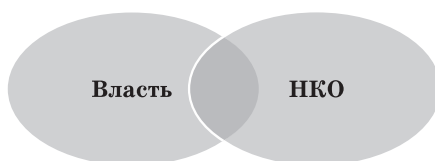


Рис. 6. Взаимодействие власти и НКО в рамках двухстороннего взаимовыгодного партнерства

Fig. 6. Interaction of the power and NPO within bilateral mutually advantageous partnership



Рис. 7. Взаимодействие власти и НКО в рамках трехстороннего партнерства

Fig. 7. Interaction of the power and NPO within tripartite partnership

Для максимального использования потенциала НКО в общественном развитии важно основываться на проблемном анализе процесса развития «третьего сектора». Существующая в России система взаимодействия власти и НКО имеет целый ряд серьезных проблем, касающихся и различных форм ресурсной поддержки некоммерческих организаций со стороны органов государственного и муниципального управления, и организационных вопросов взаимодействия. В качестве ключевых можно выделить следующие проблемы:

- заметное преобладание среди российских НКО организаций, которые стремятся взять на себя функции не решения конкретных социальных проблем, а общественного контроля и экспертизы. Так, доля социально ориентированных НКО



Рис. 8. Взаимодействие власти, ассоциаций НКО некоммерческих партнерств в рамках трехстороннего взаимовыгодного партнерства
 Fig. 8. Interaction of the power, NPO associations of non-profit partnerships within tripartite mutually advantageous partnership

от общего числа НКО в развитых странах составляет 60–70%, в то время как в России всего 13,5%¹;

- непрозрачность механизма финансирования НКО, отсутствие достаточного количества информации об объемах финансовых средств, выделяемых конкретным НКО;
- нетранспарентный отбор субъектов, ответственных за организацию и проведение конкурсов президентских грантов (НКО-операторов);
- слабая организация системы отчетности НКО о результатах работы по грантовым программам;
- распыление финансовых ресурсов на небольшие проекты, препятствующее формированию крупных («зонтичных») национальных НКО.

Важно учитывать, что в мировой практике в тех странах, где НКО получили наибольшее развитие, основным финансовым источником для некоммерческих организаций является государственная поддержка. В Западной Европе, Канаде, Израиле государственная финансовая поддержка составляет 54% от общих доходов НКО, в Восточной Европе — 42%, в англосаксонских странах — 36%, в Скандинавии — 35%, в развитых странах Азии — 34%, в Латинской Америке — 19%. На этом фоне ситуация в России достаточно «скромная»: только 5%². И эти показатели достигнуты, несмотря на то, что реализуются различные формы государственной финансовой поддержки НКО: гранты различных уровней, прямые субсидии, контрактные отношения, предоставление налоговых льгот самим НКО и их донорам. Так, предоставление налоговых льгот в настоящий момент происходит фрагментарно и касается менее 1% НКО.

Наиболее важной проблемой, на наш взгляд, является то, что не наблюдается системного подхода к развитию «третьего сектора». Государственные и муниципальные социальные программы всех уровней по-прежнему ориентированы на усиления властных структур и их бюджетных учреждений. Для обеспечения устойчивого развития «третьего сектора» в России необходима реализация ряда мер комплексного и системного характера. В качестве ключевых среди данных мер целесообразно выделить следующие:

- разработка национальной комплексной концепции развития «третьего сектора» в России как полноправного субъекта межсекторных взаимоотношений в соци-

¹ «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества. 15 марта, 2013. URL: <http://civilfund.ru/mat/20> (дата обращения: 20.07.2018).

² Там же.

альной сфере. Этот процесс должен осуществляться с активным участием самих НКО и их ассоциаций. Данная концепция должна определить направления создания благоприятных правовых, организационных, кадровых, инфраструктурных условий для стимулирования развития некоммерческой общественной активности;

- на основе целей и принципов указанной выше концепции должны быть скорректированы действующие и разработаны новые целевые социальные программы различных уровней, в которых была бы четко определена роль НКО в социальном развитии. В числе прочих должны быть предусмотрены меры, предполагающие делегирование некоммерческим организациям ряда функций государственных и муниципальных органов по оказанию социальных услуг населению;
- на основе комплексного социологического исследования ситуации в социальной сфере конкретных регионов и муниципальных образований следует провести реструктуризацию организаций «третьего сектора» в направлении повышения доли социально ориентированных НКО. Результаты такой реструктуризации позволят усилить позитивные оценки населения в отношении деятельности некоммерческих организаций. Для определения наиболее эффективных форм НКО и методов их взаимодействия с властью и коммерческим сектором целесообразно учитывать возможности представленных выше моделей взаимодействия НКО, власти и бизнеса;
- в целях повышения эффективности мониторинга деятельности НКО создать единую национальную информационную базу, раскрывающую количественные и качественные характеристики субъектов «третьего сектора», обеспечивающую прозрачность грантовой и конкурсной деятельности с участием НКО, в том числе и с участием органов государственного и муниципального управления;
- создать эффективные экономические механизмы стимулирования хозяйственной деятельности НКО и их доноров, в том числе и методами налогообложения.

Реализация данных предложений в комплексе позволит осуществлять взаимодействие власти и НКО на системной основе и наиболее полно использовать потенциал общественной активности в решении социальных проблем.

Таким образом, можно утверждать, что у власти и НКО есть большой потенциал для общественного развития в рамках партнерских отношений. Их общественная миссия позволяет им дополнять возможности друг друга. Но для реализации имеющегося потенциала необходимо максимально учитывать региональную специфику, используя накопленный зарубежный и отечественный опыт, находить наиболее эффективные механизмы сотрудничества власти и субъектов некоммерческой общественной активности.

Литература

1. *О взаимодействии организаций третьего сектора с государственными органами в сфере социальной политики: (Международный опыт):* сб. ст. М., 1999.
2. *Озина А. М., Чернышов А. Н.* Роль социального партнерства в формировании социально-экономических условий для развития человеческого капитала: монография. Н. Новгород : Изд-во НИУ РАНХиГС, 2013.
3. *Социальное партнерство: НКО, бизнес, СМИ.* М. : Агентство социальной информации, 2001.
4. *Сунгуров А. Ю.* Классы некоммерческих организаций в контексте взаимодействия // *Гражданские инициативы и будущее России / под ред. М. Либоракиной, В. Якимца.* М. : Школа культурной политики, 1997.
5. *Чернышов А. Н., Чернышова А. В.* Социальное партнерство как новая парадигма социально-экономического развития: теория и практика : монография. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2011.

Об авторе:

Чернышов Анатолий Николаевич, доцент кафедры экономической теории Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС (Ниžний Новгород, Российская Федерация), кандидат экономических наук; 1-vozhd@rambler.ru

References

1. About interaction of the organizations of the third sector with public authorities in the sphere of social policy: (International experience): Collection of articles. M., 1999. (In rus)
2. Ozina A.M., Chernyshov A.N. Role of social partnership in formation of social and economic conditions for development of the human capital: Monograph. N. Novgorod : NIM RANEPА publishing house, 2013. (In rus)
3. Social partnership: NPO, business, media. M. : Agency of social information, 2001. (In rus)
4. Sungurov A.Yu. Classes of non-profit organizations in the context of interaction // Citizens' initiatives and the future of Russia / under the editorship of M. Liborakina and V. Yakimets. M. : School of cultural policy, 1997. (In rus)
5. Chernyshov A.N., Chernyshova A.V. Social partnership as new paradigm of social and economic development: theory and practice: monograph. N. Novgorod : Publishing house of the VVAGS, 2011. (In rus)

About the author:

Anatoliy N. Chernyshov, Associate Professor of the Chair «Economic theory» of Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPА (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in Economics; 1-vozhd@rambler.ru

Развитие системы внутреннего контроля в современных компаниях: теоретические подходы и предложения по совершенствованию

Казанцева А. Н.^{1, *}, Плотников В. А.^{1, 2}

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*anna.kazantseva87@mail.ru

РЕФЕРАТ

Усложнение конкурентной ситуации вынуждает современные компании уделять повышенное внимание организации управления. В наибольшей степени это относится к компаниям, которые ведут хозяйственную деятельность в трансграничном режиме, например компаниям нефтегазового сектора. Одним из способов повышения эффективности менеджмента является развитие такого ее элемента, как подсистема внутреннего контроля. Цель исследования состоит в анализе условий и предпосылок организации внутреннего контроля в компании, а также выработка рекомендаций по его осуществлению. Задачами исследования явились: оценка значимости внутреннего контроля для эффективного менеджмента компаний; выявление условий и ограничений развития систем внутреннего контроля российских компаний; анализ преимуществ использования системы внутреннего контроля в компании; обоснование рекомендаций по развитию системы внутреннего контроля. В результате проведенного исследования выявлено, что на формирование систем внутреннего контроля современных российских компаний влияют как факторы национального, так и международного свойства. При этом усложнение политико-экономической ситуации в мире и обострение санкционного и информационного противоборства между странами мира приводит к необходимости учета в организации систем менеджмента в целом и подсистем внутреннего контроля в частности международных требований. В статье представлены рекомендации по развитию систем внутреннего контроля российских организаций на основе Концепции COSO. Практическое использование результатов проведенного исследования возможно в системах менеджмента российских компаний, в том числе относящихся к нефтегазовому сектору.

Ключевые слова: система менеджмента, система внутреннего контроля, управление бизнес-процессами, эффективность управления компаний

Development of Internal Control System in the Modern Companies: Theoretical Approaches and Suggestions for Improvement

Kazantseva A. N.^{a, *}, Plotnikov V. A.^{a, b}

^aSt. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

^bRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

*anna.kazantseva87@mail.ru

ABSTRACT

Complication of a competitive situation forces the modern companies to pay special attention to the organization of management. Most it belongs to the companies, which conduct economic activity in the cross border mode, for example to the companies of the oil and gas sector. One of ways of increase in efficiency of management is development of such element as a subsystem of internal control. The research objective consists in the analysis of conditions and prerequisites of the organization of internal control in the company and development of recommendations about its implementation. Research problems are assessment of the importance of internal control for ef-

fective management of the companies; identification of conditions and restrictions of development of internal control systems of the Russian companies; the analysis of advantages of use of internal control system in the company; justification of recommendations about development of internal control system. Because of the conducted research, it is revealed that influence formation of internal control systems of the modern Russian companies as factors of national and international property. At the same time complication of a political and economic situation in the world and aggravation of sanctions and information confrontation between the countries of the world results in need of account for the organization of systems of management in general and subsystems of internal control in particular of the international requirements. Recommendations about development of internal control systems of the Russian organizations based on the Concept of COSO are presented in the article. Practical use of results of the conducted research is possible in the systems of management of the Russian companies including relating to the oil and gas sector.

Keywords: system of management, internal control system, management of business processes, effective management of the company

Введение

В последние годы политико-экономическая ситуация в мире становится все более турбулентной и непредсказуемой [2; 3; 5; 6; 9; 10 и др.]. Это оказывает непосредственное влияние на компании, ведущие бизнес в международном масштабе. Многие ранее заключенные соглашения не выполняются, распространенной практикой становится неучет интересов экономических партнеров, использование в конкурентной борьбе методов силового давления (с привлечением потенциала, в том числе военного, государства) и информационного противоборства. Сама концепция глобализации, под влиянием которой мировая экономика развивалась два последних десятилетия, ставится под сомнение. Протекционизм и блоковое мышление, несмотря на (пока еще) официальное осуждение, все чаще используются во внешнеэкономической политике государств, что, конечно же, не может не сказываться на деятельности компаний.

Итогом происходящих изменений является усложнение конкурентной ситуации на международных рынках, повышение ее неопределенности, снижение уровня достоверности используемой при принятии решений информации. Эти обстоятельства, безусловно, требуют адекватного ответа со стороны менеджмента компаний. Особенно важным это становится для компаний, ведущих деятельность более чем в одной национальной юрисдикции, а тем более для компаний глобальных. Важнейшим аспектом совершенствования их деятельности в складывающихся условиях является модернизация систем внутреннего контроля [1; 4; 8; 11].

Контроль рассматривается нами как функция менеджмента, которая призвана не столько помочь установить истинное положение вещей в компании, разобраться детально в том, как выполняются планы и насколько соблюдаются принятые ранее решения, сколько обеспечить достижение целей путем своевременного выявления проблем и их нейтрализации, а также фиксации благоприятных ситуаций и эффективных управленческих практик и их тиражирования в компании.

Безусловно, организация контроля в конкретной компании должна учитывать ее специфику. Предметом нашего рассмотрения в данной статье являются российские нефтегазовые компании. В условиях обострения конкуренции на мировом нефтяном рынке, изменения структуры спроса за счет динамичного развития технологий альтернативной энергетики, расширения рынка сбыта сжиженного природного газа (СПГ), а также увеличения налоговой нагрузки, перед российскими нефтяными компаниями возникает необходимость занятия прочных конкурентных позиций путем улучшения не только своих количественных, но и качественных показателей [7]. Одним из инструментов, позволяющих достичь поставленных целей, является внедрение и развитие систем внутреннего контроля [12].

Условия и ограничения развития систем внутреннего контроля российских компаний

Несмотря на известные сложности, связанные с санкционным давлением на российский бизнес, нефтегазовая отрасль в современном мире признается в качестве одной из глобальных отраслей. В этой связи интеграция российских нефтегазовых компаний в мировой рынок является безальтернативной. Речь может идти лишь о конфигурации и моделях этой интеграции, т. е. выборе тактических шагов по реализации того или иного подхода к интеграции. Выход на мировой рынок, а также присутствие на рынках отдельных зарубежных стран, завоевание и удержание стабильных конкурентных преимуществ накладывает на российские компании определенные обязательства. Они должны соответствовать международным стандартам и требованиям, таким как Закон Сарбейнса-Оксли (Sarbanes-Oxley Act), требования COSO, Turnbull и др.

Помимо этого, требования к существованию системы внутреннего контроля в организациях на территории Российской Федерации вводятся финансовыми регуляторами на законодательном и корпоративном уровнях. Компании должны учитывать требования соответствующих документов, а именно:

- Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». В нем имеется ст. 19 «Внутренний контроль», согласно требованиям которой (п. 1) «экономический субъект обязан организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни»;
- Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Его ст. 13.3 регламентирует обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции. Основной причиной мошенничества и коррупции в компаниях является неэффективная система внутреннего контроля, а также обход существующих контрольных процедур. По оценкам Ассоциации сертифицированных экспертов по мошенничеству (ACFE), приведенным в отчете за 2016 г., в более чем 20% случаев эта причина была основной;
- «Кодекс корпоративного управления», рекомендованный к использованию ЦБ РФ от 10.04.2014 № 06-52/2463. Требования Кодекса корпоративного управления распространяются на публичные общества. Оценка компании осуществляется по нормам, установленным Кодексом, а результат этой оценки оказывает влияние на уровень корпоративного управления в компании и, в свою очередь, на оценку капитализации компании инвесторами;
- Рекомендации Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности»;
- «Требования к организации системы внутреннего контроля» (Приказ ФНС России от 16.06.2017 № ММВ-7-15/509@). В соответствии с этими требованиями ФНС России планирует помимо своих прямых функций также осуществлять мониторинг системы внутреннего контроля компании, для чего объявлены требования по раскрытию информации о системе внутреннего контроля, включающие перечень рисков бизнеса, описание контрольных процедур, покрывающих эти риски, мониторинг, оценку эффективности внутреннего контроля, документирование фактов проведения контрольных и мониторинговых процедур, хранение результатов контроля и мониторинга. Важно подчеркнуть, что требования предъявляются не только к учетным системам, поддерживающим бухгалтерский и налоговый учет, но и к бизнес-процессам.

Также при формировании и развитии системы внутреннего контроля следует учитывать требования акционеров и инвесторов. В формализованном виде они могут быть представлены в, например, в формате требований Лондонской фондовой биржи.

(Заметим, что для компаний нефтегазового сектора целесообразно учитывать требования не национальных бирж, а международных.) Требования акционеров и инвесторов относительно системы внутреннего контроля, которые представлены требованиями Лондонской биржи, достаточно многообразны.

В частности, согласно им Годовой отчет компании должен включать информацию, подготовленную в соответствии с «Руководством по управлению рисками, внутреннему контролю и соответствующей управленческой отчетности» (2014 г.), а именно включать в себя обзор состояния системы управления рисками и внутреннего контроля, а также описание основных характеристик системы управления рисками и внутреннего контроля компании в отношении процесса подготовки финансовой отчетности.

Преимущества использования системы внутреннего контроля компании

Помимо перечисленных выше требований, внутренний контроль должен быть оценен на предмет целесообразности его организации и осуществления менеджментом компании. В противном случае система внутреннего контроля может оказаться неэффективной, так как будет сформирована формально, для достижения соответствия внешним требованиям. По мнению авторов, эффективное функционирование системы внутреннего контроля помогает выполнить следующие задачи:

1. Детальное и полное описание бизнес-процессов с целью выявления «узких» мест, а также рисков, реализация которых может привести к негативным финансовым и нефинансовым последствиям для компании. На практике, при внедрении системы внутреннего контроля, может выясниться, что не все бизнес-процессы описаны и формализованы либо эта формализация проведена неадекватно, таким образом, какие-то риски деятельности оказываются не покрытыми контрольными процедурами.
2. Выявление и анализ существующих контрольных процедур, оценка их дизайна и достаточности покрытия существенных рисков. Сотрудникам, особенно занимающим невысокое место в иерархии управления компании, не всегда ясно, что же является контрольной процедурой и есть ли в работе какие-то риски. В нашем понимании, риск — это возможность (вероятность) недостижения конкретной цели, в том числе операционного или тактического уровня. Таким образом, риск присутствует всегда, даже в самых простых и рутинных процессах. Поскольку всегда есть риск, значит всегда должна быть операция (контрольная процедура), которая направлена на снижение/передачу/избежание реализации риска недостижения цели. По своей сути контрольные процедуры осуществляются на всех уровнях деятельности организации — от обычного сотрудника до руководства компании, в противном случае компания не сможет функционировать из-за тотального непокрытия рисков этими процедурами.
3. Разработка адекватных контрольных процедур. Эффективное функционирование контрольных процедур определяется их дизайном, который, как правило, включает описание объекта или предмета контроля, цель контрольной процедуры, перечень покрываемых рисков, периодичность или сроки ее исполнения, информацию об исполнителе, а также требования по входам и выходам информации и порядок действий, составляющих эту контрольную процедуру.
4. Актуализация регулирующих документов и локальных нормативных актов, с учетом необходимости наличия контрольных процедур, покрывающих имеющиеся риски бизнес-процесса. Как показывает практика, актуализация локальных нормативных актов успешно сочетается с разработкой к регулируемому документу матрицы рисков и контрольных процедур. Матрица представляет собой таблицу, составленную из четырех столбцов: цель, процесс/операция, риск и контрольная про-

цедура. Матрица заполняется путем сквозного анализа локальных актов и может служить наглядным руководством для сотрудника, в качестве инструмента информирования для избежания ошибок. Помимо этого, заполнение указанной матрицы позволяет увидеть, каких контрольных процедур не хватает в бизнес-процессе.

5. Исключение возможной избыточности контрольных процедур, а также оптимизация трудозатрат на выполнение контрольных процедур за счет формирования предложений по оптимизации (по тому или иному критерию, например, минимизация затрат, максимизация скорости получения контрольной информации и т. д.) осуществления контроля. Важным аспектом в данной работе, влияющим на трудозатраты, является подход к описанию контрольных процедур с учетом требований к их дизайну.

Создание эффективной системы внутреннего контроля приводит к положительным изменениям в организации управления в компании в целом, которые состоят в следующем:

- 1) уверенность для руководства в реализации стратегических целей, которая достигается за счет своевременного выявления и оценки рисков на систематической основе и внедрения практических мер по снижению уровня риска. Кроме того, следует указать на эффективную мотивацию персонала на достижение целей предприятия в целом или его крупного бизнес-подразделения, а не изолированных целей отдела/департамента. Все это приводит к существенному повышению уровня корпоративной культуры и корпоративного управления;
- 2) система внутреннего контроля может стать инструментом развития бизнеса для руководства и совета директоров. Поскольку у каждого бизнес-процесса есть владелец, ответственный за реализацию целей данного бизнес-процесса, требуется четкое и прозрачное закрепление ответственности за достижение целей, система контроля позволяет это осуществить. Кроме того, появляется возможность применения удачного опыта внутри компании и распространение передовых практик;
- 3) снижение стоимости привлечения капитала. Эффективный внутренний контроль может стать инструментом повышения инвестиционного рейтинга компании, что может положительно сказаться на определении ставки кредитования кредитными институтами. Например, в результате повышения кредитного рейтинга может снизиться стоимость банковских заимствований и обслуживания облигаций.

Рекомендации по развитию системы внутреннего контроля в компании

В данной статье авторы предлагают рассмотреть практический пример механизма внедрения системы внутреннего контроля в нефтегазовой компании, основанной на Концепции внутреннего контроля Комитета спонсорских организаций Комиссии Тредуэя (COSO)¹. Данная концепция получила свое широкое распространение по всему миру и предполагает структурирование системы внутреннего контроля организации по пяти компонентам и семнадцати принципам, отражающим основные понятия, связанные с этими компонентами.

Система внутреннего контроля, основанная на концепции COSO, состоит из пяти компонентов: контрольная среда, оценка рисков, контрольные процедуры, информация и коммуникации и мониторинг; из трех целей: операционные цели, подготовка отчетности и цели в области комплаенс (соответствие законодательству); и разделена по организационным уровням: организация, подразделения, функция.

¹ Концепция COSO. Внутренний контроль. Интегрированная модель. 2013, май [Электронный ресурс]. URL: http://govfinance.ru/upload/iblock/3f3/Vnutrenniy-kontrol.-Integrirovannaya-model.-summary-2013_2.pdf (дата обращения: 11.09.2018).

Первый компонент внутреннего контроля, который необходимо рассмотреть, — «Контрольная среда». Это своего рода фундамент, который способствует дальнейшей оценке рисков достижения целей компании, выполнению необходимых контрольных процедур, покрывающих возникающие риски в деятельности компании, использованию средств информации и коммуникаций и осуществлению мониторинговых процедур. Контрольная среда определяется структурой и состоит из стандартов, процессов, которые регламентируют деятельность сотрудников и способствуют направлению их действий в рамках внутреннего контроля и принятия решений.

То, насколько грамотно выстроен фундамент — контрольная среда, влияет на качество функционирования компании. Между тем, контрольная среда имеет нематериальное свойство. На практике контрольная среда включает всевозможные кодексы деловой этики, правила корпоративной культуры, регламенты бизнес-процессов, инструменты, методики, стандарты, политики и прочее, что можно обобщить понятием «регулирующие документы» или обозначить более узким определением «локальные нормативные акты».

Можно констатировать, что контрольная среда — это та общая атмосфера, в которой осуществляется контроль. Она может быть как благоприятная, так и неблагоприятная для проведения контрольных действий. Формирование контрольной среды происходит под влиянием как внутренних процессов, происходящих внутри компании, так и внешних, инициированных ее стейкхолдерами. Типовыми недостатками компонента «Контрольная среда» могут стать:

- обязанности работников, осуществляющих контрольные процедуры, не описаны или недостаточно формализованы в регулирующих документах;
- не определен порядок выявления и фиксации фактов нарушений, недостатков, а также злоупотреблений;
- при анализе выясняется, что действующая редакция регулирующих документов утратила актуальность и нуждается в доработке в соответствии с новыми требованиями.

То есть все эти недостатки, по существу, объясняются недостаточно полным соблюдением принципов рациональной бюрократии Вебера, что обусловлено неэффективным менеджментом.

Следующий компонент для анализа — это «Оценка рисков». В соответствии с Концепцией по внутреннему контролю COSO, оценка рисков организации включает динамичный и итеративный процесс идентификации и анализа рисков, которые препятствуют достижению целей организации. На практике в рамках системы внутреннего контроля нас будут интересовать только существенные риски процессов, информацию о которых можно взять из целей и сути процессов производственно-хозяйственной деятельности компании. Компонент «Оценка рисков» необходим для определения существенных контролируемых рисков, на снижение которых должен быть направлен внутренний контроль, посредством предупреждения реализации этих рисков или своевременного выявления их реализации с целью устранения или смягчения возможных негативных последствий.

Обязательным предварительным условием для оценки рисков является конкретизация целей, направленная на определение конкретных, актуальных, изменяемых и наблюдаемых, привязанных ко времени целей процессов, которые, как правило, формализуются в регулирующих документах. В случае, если цель не описана в каком-либо регулирующем документе, она должна быть определена иным способом для того, чтобы стать доступной для понимания работников, ответственных за ее достижение. Следует обратить внимание, что внутренний контроль не направлен на постановку целей компании.

Функционал внутреннего контроля включает проведение анализа, уточнение и декомпозицию целей деятельности компании, информация о которой поступила в каче-

стве исходных данных из других процессов. Выявление и оценка рисков происходит на уровне компании, бизнес-сегментов, активов, проектов, бизнес-процессов, структурных подразделений, бизнес-функций, а также отдельных операций (транзакций). Одними из часто выявляемых недостатков компонента «Оценка рисков» могут стать:

- оценка рисков происходит с необоснованным занижением их величины;
- цель процесса (операции), в отношении которой выявляются риски, не определена с достаточной степенью детализации;
- не определен и не учитывается допустимый уровень отклонений от степени достижения цели;
- определен не весь перечень факторов, влияющих на возникновение риска.

Следующий компонент, который требует описания, это «Контрольные процедуры», которые, по сути, являются ответной реакцией на существенные риски.

Подтверждением того, что контрольная процедура выполнена, является наличие так называемого «следа» контрольной процедуры. Следы могут быть в виде организационных документов (протоколы, распоряжения, подписи, визы о согласовании и др.), бухгалтерских документов (подписанные акты сверки, отчеты, перечень принятых и отклоненных счетов-фактур и т. д.), записи в информационной системе (отметки в системе согласования, в журнале регистрации и т. д.).

В идеале контрольные процедуры должны быть формализованы в регулирующих документах, иметь обязательную привязку к исполнителю контрольной процедуры, срокам выполнения, частоте, а также учитывать особенности в построении дизайна и быть актуальными. Контрольные процедуры по способу выполнения могут быть как ручные, так и IT-зависимые и автоматические. В зависимости от момента проведения разделяют предупреждающие контрольные процедуры и выявляющие.

Поскольку одним из положительных эффектов успешно функционирующей системы внутреннего контроля в компании является снижение рисков мошенничества, необходимо учитывать, что сознательное обхождение сотрудниками контрольных процедур, имеющее своей целью корпоративное мошенничество, коррупционные действия или совершение иных ненадлежащих действий, может быть пресечено путем реализации одной из особенностей контрольной процедуры — принципа разделения обязанностей. Разделение обязанностей, как правило, осуществляется путем разделения ответственности за авторизацию, отражение в учете и утверждение операций, а также за обработку в информационных системах соответствующего актива. Для контроля за соблюдением установленного разделения обязанностей внедряются специальные контрольные процедуры.

Одними из наиболее часто выявляемых на практике недостатков компонента «Контрольные процедуры» являются:

- отсутствует описание и документирование контрольных процедур, которые влияют на покрытие рисков;
- дизайн контрольной процедуры не соответствует требованиям системы внутреннего контроля, таким образом, не предполагает качественное выполнение своей функции.

Компонент «Информация и коммуникации» поддерживает функционирование всех компонентов внутреннего контроля посредством обеспечения всех субъектов системы внутреннего контроля качественной информацией, необходимой для осуществления возложенных на них функций по внутреннему контролю. В сочетании с другими компонентами «Информация и коммуникации» поддерживает достижение целей компании, включая цели, относящиеся к подготовке внутренней и внешней отчетности.

Под информацией стоит понимать любые данные, которые формируются, обрабатываются и передаются в процессе осуществления предпринимательской деятельности с учетом их значимости и предъявляемым требованиям в рамках системы внутреннего контроля. Поскольку система внутреннего контроля предпо-

лагает использование информационных систем для формирования необходимой информации, отвечающей предъявленным к ней требованиям, то необходимо учитывать обеспечение использования всех необходимых внешних и внутренних источников данных. Коммуникации, в свою очередь, позволяют распространять информацию внутри организации и за ее пределами с целью разработки, внедрения, осуществления внутреннего контроля и оценки его эффективности.

Одним из наиболее часто выявляемых недостатков компонента «Информация и коммуникации» является то, что используемая информационная система не в состоянии формировать информацию, отвечающую предъявленным к ней требованиям по скорости ее обновления, уровню детализации, степени достоверности и т. д.

Компонент «Мониторинг». Система внутреннего контроля направлена на организацию на всех уровнях управления мониторинга за качеством применяемых в компании контрольных процедур. В случае отсутствия мониторинговых процедур, система внутреннего контроля теряет эффективность, что приводит к реализации имеющихся существенных рисков и возникновению материального ущерба для организации. Типовым недостатком компонента «Мониторинг» является то, что не разработан или не применяется набор оценок, функцией которого является анализ наличия работающих в соответствии с требованиями системы внутреннего контроля требуемых компонентов.

С помощью Концепции COSO «Внутренний контроль. Интегрированная модель» можно проанализировать, насколько система внутреннего контроля в компании является эффективной. Для этого необходимо дать оценку работе всех пяти компонентов внутреннего контроля — контрольной среде, оценке рисков, контрольным процедурам, информации и коммуникациям и мониторингу, их соответствия данной концепции и практической применимости в повседневной деятельности. В случае выявления отклонений от установленных норм, необходимо проводить их доработку в соответствии с минимально допустимыми требованиями и стандартами.

Разработанные рекомендации по модернизации системы внутреннего контроля были апробированы одним из соавторов данной статьи в деятельности одной из крупных российских нефтегазовых компаний. Внедрение системы внутреннего контроля, как показал опыт, может столкнуться с большим количеством трудностей. Основные из них связаны не с техническими аспектами организации внутреннего контроля, а с организационным поведением.

Сотрудники зачастую сопротивляются переменам, воспринимая их как попытку изменить их самих и их привычное деловое окружение. Кроме того, любые изменения контрольных процедур могут восприниматься даже добросовестными сотрудниками как выражение недоверия к ним со стороны руководства. В этой связи необходимо донести до сотрудников ясность конечных целей внедрения системы внутреннего контроля, необходимость проведения мероприятий, направленных на качественное улучшение выполняемых ими обязанностей, а также конкретных шагов к их достижению.

Помимо этого, необходимо понимать, что стоимость реализации механизма внутреннего контроля в компании должна быть ниже, чем ущерб от реализовавшихся рисков в случае ее отсутствия. Система внутреннего контроля должна быть адаптирована к условиям и виду деятельности конкретной организации, задачи и функции которой должны быть закреплены за конкретными должностными лицами с учетом действующей организационной структуры управления.

Выводы

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что в современных условиях наблюдается ужесточение конкуренции, особенно для компаний, осущест-

вляющих деятельность в международном масштабе. Если говорить о российском бизнесе, то эти негативные процессы затрагивают, в первую очередь, нефтегазовые компании, которые активно работают не только в России, но и во многих зарубежных юрисдикциях. Адекватным ответом на эти вызовы является модернизация системы менеджмента, при этом ключевое значение приобретает формирование и развитие системы внутреннего контроля. Функционирование системы внутреннего контроля это не столько процесс, реализующий управленческую функцию в компании, сколько самостоятельная подсистема всей ее системы управления, направленная на обеспечение эффективной и непрерывной деятельности путем своевременного выявления и оценки рисков, предотвращения их реализации за счет покрывающих их контрольных процедур. Именно такая идеология должна быть положена в основу формирования системы внутреннего контроля.

Литература

1. Аркин П. А., Соловейчик К. А., Аркина К. Г. Методология оптимизационных подходов к процессам управления производством в машиностроении // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1–2. С. 69–77.
2. Бабкин А. В., Васильев Ю. С., Барабанер Х., Здольникова С. В. Инструментарий и организационно-экономический механизм управления инновационным потенциалом интегрированных промышленных структур и комплексов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 4. С. 30–35.
3. Волкова А. А., Плотников В. А. К вопросу о стратегии развития региональных компаний (на примере предприятий сферы услуг) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4. С. 38–43.
4. Дементьенко М. А. Особенности внешнего и внутреннего финансового контроля на предприятиях при исполнении гособоронзаказа // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 4. С. 55–58.
5. Казанцева А. Н. Стратегическое планирование на предприятии с учетом внедрения и развития системы экологического менеджмента // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Материалы Шестнадцатого всероссийского симпозиума. М., 2015. С. 68–71.
6. Конкурентоспособность и прорывное позиционирование в посткризисный период : монография / А. И. Александрова, В. А. Алексунин и др. / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб., 2011.
7. Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 45–64.
8. Круглов Д. В. Развитие систем управления промышленными предприятиями на основе инструментария контроллинга: теоретические и методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. СПб., 2013.
9. Мильгунова И. В., Вертакова Ю. В., Колмыкова Т. С. Формирование и оценка конкурентных преимуществ промышленных предприятий : монография / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2012.
10. Пашкус Н. А., Пашкус В. Ю. Новая экономика: понятие, принципы, системный подход // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2007. № 2. С. 207–214.
11. Петров А. Н. Современная модель стратегического менеджмента // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1–1. С. 12–20.
12. Политов И. В., Дудиева И. Р. Государственный контроль и аудит: актуальные проблемы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 3. С. 52–54.

Об авторах:

Казанцева Анна Николаевна, соискатель Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); anna.kazantseva87@mail.ru

Плотников Владимир Александрович, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономическо-

го университета; научный редактор издательско-полиграфического центра Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, plotnikov_2000@mail.ru

References

1. Arkin P.A., Soloveychik K.A., Arkina K.G. Methodology of optimizing approaches to processes of management of production in mechanical engineering // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 1–2. P. 69–77. (In rus)
2. Babkin A.V., Vasilyev Yu.S., Barabaner H., Zdolnikova S.V. Tools, organizational and economic mechanism of management of innovative capacity of the integrated industrial structures and complexes // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2017. N 4. P. 30–35. (In rus)
3. Volkova A.A., Plotnikov V.A. To a question of the development strategy of the regional companies (on the example of the enterprises of a services sector) // News of the Southwest State University [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014. N 4. P. 38–43. (In rus)
4. Dementienko M.A. Features of external and internal financial control at the enterprises at execution of state defense order // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2016. N 4. P. 55–58. (In rus)
5. Kazantseva A.N. Strategic planning at the enterprise taking into account introduction and development of system of ecological management // Strategic planning and development of the enterprises. Materials of the Sixteenth Russian symposium. M., 2015. P. 68–71. (In rus)
6. Competitiveness and breakthrough positioning during the post-crisis period: monograph / A.I. Alexandrova, V.A. Aleksunin, etc. / Herzen State Pedagogical University of Russia. SPb., 2011. 298 p. (In rus)
7. Kotlyarov I.D. Outsourcing model of the organization of the Russian oil and gas branch: problems and solutions // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 9. P. 45–64. (In rus)
8. Kruglov D.V. Development of control systems of the industrial enterprises based on controlling tools: theoretical and methodological aspects: Doctoral dissertation *abstract* / St. Petersburg State University of Economics. SPb., 2013. 33 p. (In rus)
9. Milgunova I.V., Vertakova Yu.V., Kolmykova T.S. Formation and assessment of competitive advantages of the industrial enterprises: monograph / Southwest State University. Kursk, 2012. 151 p. (In rus)
10. Pashkus N.A., Pashkus V.Yu. New economy: concept, principles, system approach // Messenger of the Udmurt University. Series Economics and Law [Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo]. 2007. N 2. P. 207–214. (In rus)
11. Petrov A.N. Modern model of strategic management // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 1–1. P. 12–20. (In rus)
12. Politov I.V., Dudieva I.R. State control and audit: current problems // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 3. P. 52–54. (In rus)

About the authors:

Anna N. Kazantseva, Competitor of the PhD degree of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); anna.kazantseva87@mail.ru

Vladimir A. Plotnikov, Professor of the Chair of the General Economic Theory and History of an Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics; Scientific Editor of the Publishing and Printing Center of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor, plotnikov_2000@mail.ru

Цифровизация управленческих процессов в научно-образовательных организациях

Ронжин А. Л.^{1, *}, Железны М.²

¹Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *ronzhin@iias.spb.su

²Западночешский университет, Пльзень, Чехия

РЕФЕРАТ

Документооборот и коммуникации между организациями, их структурными подразделениями и сотрудниками все больше производятся на основе инфокоммуникационных технологий и безбумажных цифровых подходов. В данной статье приведены обзор существующих информационных систем, основных направлений деятельности научно-образовательных организаций, способов взаимодействия с государственными и коммерческими предприятиями. Приведен анализ общих видов административно-хозяйственной, финансовой деятельности, а также специализированных для академических институтов — научной, образовательной, издательской деятельности. Рассмотрен ряд отечественных работ, посвященных автоматизации процессов и внедрению информационных систем в научно-образовательных организациях, а также существующие зарубежные технологии автоматизации учебного процесса. Большинство существующих российских и зарубежных систем включают в себя модули, обеспечивающие электронный документооборот и коммуникации. Несмотря на существующие нормативы, научно-образовательные организации довольно сложно унифицировать, вследствие их специализации и исторически сложившихся традиций. Вследствие многогранности деятельности научно-образовательных организаций для наиболее востребованных процессов создавались отдельные иногда проприетарные программные модули, что привело к проблеме интеграции модулей, разработанных в разное время для различных служб, накапливающих базы данных с дублирующейся информацией. Приведены сведения по разрабатываемым в СПИИРАН корпоративным информационным системам, отличающимся применением биометрических бесконтактных средств взаимодействия с пользователями и персонализированными сценариями обслуживания.

Ключевые слова: корпоративные информационные системы, инфокоммуникационные технологии, безбумажные технологии, научно-образовательные организации

Digitalization of Management Processes in Scientific and Educational Organizations

Ronzhin A. L.^{a, *}, Zelezny M.^b

^aSt. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation; *ronzhin@iias.spb.su

^bUniversity of West Bohemia, Pilsen, Czech Republic

ABSTRACT

Document circulation and communication between organizations, their structural subdivisions and employees are increasingly being made on the basis of infocommunication technologies and paperless digital approaches. This article provides a review of existing information systems, the main activities of scientific and educational organizations, ways of interaction with state and commercial enterprises. The analysis of general types of administrative and economic, financial activity, as well as scientific, educational, publishing activities, specialized for academic institutions is given. It is considered domestic, works dedicated to automation of processes and the introduction of information systems in scientific and educational organizations, as well as existing foreign technologies for automating the learning process. Most existing Russian and foreign systems include modules that provide electronic document management and communication. Despite existing standards, scientific and educational organizations are difficult to unify, due to their specialization and historically established traditions. Due to the multifaceted activity of scientific and educational organizations, individual proprietary software modules were created for the most demanded processes, which led

to the problem of integrating modules developed at different times for different services accumulating databases with duplicate information. Information is provided on the corporate information systems developed in SPIIRAS, distinguished by the use of biometric contactless means of interaction with users and personalized maintenance scenarios.

Keywords: corporate information systems, info communication technologies, paperless technologies, scientific and educational organizations

Введение

Инфокоммуникационные технологии и безбумажные цифровые подходы активно внедряются при организации документооборота и коммуникаций между организациями, их структурными подразделениями и сотрудниками. При проектировании и внедрении современных технологий возникает широкий круг проблем, связанных с переходом от традиционных решений, а также отсутствием универсальных подходов для автоматизации научно-образовательных процессов, затрагивающих различные отрасли экономики. Выполненный обзор существующих информационных систем и структур основных направлений деятельности научно-образовательной организации, касающихся внешней политики и взаимодействия с государственными и коммерческими предприятиями, позволил сформулировать круг общих проблем в административно-хозяйственной, финансовой деятельности, а также специализированных аспектов для академических институтов — научной, образовательной, издательской деятельности. Далее в статье представлен обзор российских и зарубежных информационных систем, а также несколько корпоративных решений, разработанных в СПИИРАН, в заключении сформулированы выводы, где обобщены достоинства и недостатки проанализированных подходов.

Анализ отечественных информационных систем автоматизации деятельности научно-образовательных организаций

Вначале рассмотрим ряд отечественных работ, посвященных проблемам автоматизации электронного документооборота и научно-образовательного процесса. В работе [17] проанализированы преимущества и риски применения электронного документооборота между участниками бюджетного процесса. Применение информационных технологий повышает оперативность, достоверность информации, способствует минимизации трудовых, временных затрат на обработку данных бюджетного учета.

Наиболее важные этапы организации управленческого учета в университете, а также способы формирования финансовой структуры и системы бюджетирования выделены в работе [15].

Среди перспектив развития процесса сбора данных по безбумажным технологиям в работе [19] выделяется полномасштабный переход всех хозяйствующих субъектов на представление информации в электронном виде через интернет во все органы власти федерального и регионального уровня.

В работе [13] обсуждается положительный экономический эффект от внедрения электронного документооборота между налогоплательщиками и налоговыми органами за счет снижения затрат организаций на расходные материалы, почтовые услуги, сокращения времени на обработку и обмен данными, сокращения количества ошибок.

Проблемы дезинтеграции проприетарных программных систем различных отделов документооборота университета поднимаются в работе [14]. По анализу рынка систем электронного документооборота (СЭД) для повышения эффективности управления бизнес-процессами университета в рамках развития программы

«Цифровая экономика Российской Федерации» принято решение о внедрении системы «1С:Документооборот» в Санкт-Петербургском государственном университете телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича.

В работе [16] приводится описание взаимодействия межвузовских структур, созданных в форме сетевых виртуальных организаций, на инновационно-образовательном портале региона, осуществляющих деятельность на основе традиционного и электронного документооборота.

Проблемы комплексной автоматизации управления всех видов деятельности высших учебных заведений на основе использования интегрированных баз данных обсуждаются в работе [12]. Наиболее активно проводится автоматизация следующих направлений: 1) администрирование и управление; 2) управление научно-исследовательскими работами; 3) управление образованием; 4) хранение и предоставление информационных ресурсов; 5) поддержка клиентов пользователей. С учетом требований [ГОСТ Р 52655–2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Интегрированная автоматизированная система управления учреждением высшего профессионального образования. Общие требования»] к интегрированной автоматизированной системе управления учреждением высшего профессионального образования в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный университет» разработана и внедрена корпоративная информационная система, в которой осуществляется взаимодействие процессов четырех основных видов деятельности: 1) административно-управленческой; 2) административно-хозяйственной; 3) учебной; 4) научной. В процессе внедрения системы была выявлена необходимость и создан дополнительный блок информационных технологий и информационные ресурсы. Также в работе уделяется особое внимание вопросам информационной безопасности и защиты персональных данных.

Особенности корпоративной информационной системы Иркутского государственного медицинского университета, в частности электронный учет ресурсного обеспечения, рассматриваются в работе [5]. Программный комплекс «КИС ИГМУ» содержит 13 основных модулей, встроенный функционал социальной сети и обеспечивает управление нематериальными (интеллектуальными, инновационными) и материальными (материально-технической базой структурных подразделений вуза, литературным обеспечением учащихся и др.) ресурсами, необходимых для эффективной деятельности университета.

Технические и технологические особенности внедрения системы электронного документооборота Alfresco с целью оптимизации внутренних процессов в организации описаны в работе [7].

Для автоматизации процессов работы ректората, управления кадров, управления по довузовскому образованию, учебно-методического управления, управления по мобилизационной работе и воинскому учету, финансово-экономического управления, учебной части и деканатов, управления бухгалтерского учета и финансового контроля, службы безопасности в Оренбургском государственном университете разработана информационно-аналитическая система для поддержки административной, учебной, учебно-методической и научной деятельности в подразделениях университета [6].

С использованием концепции функциональной организационной структуры взаимоотношений между кафедрами, факультетами и другими структурными подразделениями в работе [18] предложена методика мониторинга и контроля качества образования, внедренная в Самарском государственном аэрокосмическом университете им. акад. С. П. Королева — интегрированная автоматизированная информационная система с учетом требований международного стандарта ISO 9001:2000.

В работе [3] рассматривается информационная система мониторинга состояния здоровья, действующая в Бурятском государственном университете, которая по-

зволяет проводить периодическую оценку состояния здоровья обследуемых тремя технологически различными подходами: 1) интерактивное тестирование; 2) врачебный осмотр; 3) аппаратно-программная диагностика. По результатам обследования предлагаются рекомендации в зависимости от индивидуальных характеристик по режиму питания и образу жизни.

Особенности интеграции информационных систем СКУД «Контур», автоматизированной системы «МАРК-SQL», 1С:Предприятие, эксплуатирующихся в Астраханском государственном университете, описаны в работе [20]. Отмечены достоинства сервис-ориентированного подхода, важность интеграции информационных систем, являющихся источниками первичных данных.

В работе [1] предложена концепция корпоративной информационной фабрики и приведен пример ее использования при создании аналитического приложения для управления взаимоотношениями с партнерами в академическом институте и создания корпоративной отчетности.

Проприетарная система SciAct для анализа публикационной активности научных сотрудников Института катализа СО РАН описана в работе [2]. Актуальные библиометрические показатели сотрудников формируются по идентификационным кодам автора ResearcherID, ORCID и SPIN-код в системах индексирования Web of Science, Scopus, РИНЦ. Система SciAct является многофункциональным информационно-аналитическим ресурсом и предназначена для мониторинга и стимулирования научной деятельности, оперативной подготовки отчетных и конкурсных документов.

Проблемы разработки платформы по управлению деятельностью распределенной редакционной коллегии электронного издания обсуждаются в работе [9].

В работе [4] структурированы экономико-правовые риски в системе государственных и муниципальных закупок, наиболее характерные для бюджетных организаций.

Анализ работы межвузовской библиотечной системы, потенциал сохранения кадрового состава и минимизации административно-хозяйственных расходов при реструктуризации научно-образовательных организаций приведен в работе [8].

Анализ зарубежных информационных систем в области образования

Далее кратко рассмотрим современные работы, описывающие состояние дел по исследуемой тематике за рубежом. Анализ особенностей систем управления в сфере образования в период происходящих реформ в Аргентине представлен в работе [29].

Проблемы, описанные выше в отечественных работах, также актуальны и за рубежом [25]: пересекающиеся базы данных, дезинтеграция существующих внутренних информационных модулей, высокая вариативность административной и научно-образовательной деятельности. Среди широкого спектра программных решений, которые могут применяться на различных уровнях управления в образовательных и академических организациях, определены следующие наиболее важные типы систем: 1) системы управления информации (MIS) [22]; 2) системы поддержки принятия решений (DSS) [23]; 3) исполнительные информационные системы (EIS), 4) системы планирования ресурсов предприятия (ERP), 5) системы управления знаниями (KMS) [26]; 6) системы управления цифровыми активами; 7) системы управления обучением; 8) системы личных кабинетов. Разработанная корпоративная информационная система включает в себя перечисленные выше функциональные возможности, является свободно доступной и внедрена в Университете Брасова Трансильвании. Важность стратегического планирования и персонализированного обучения обсуждаются в работе [21].

В работе [27] проведен анализ существующих информационных систем для образовательных организаций и выработан перечень критериев для их оценивания. Проблемы глобализации, дистанционной международной кооперации и разработки

информационных систем для взаимодействия университетов при выполнении между-народных образовательных программ рассмотрены в рамках немецко-китайского проекта [28]. Технологические особенности и возможности мобильных устройств, которые следует учесть при проектировании клиентских сервисов образовательных сред, описаны в работе [24].

Корпоративные информационные системы СПИИРАН

Для подготовки отчетов и мониторинга публикационной активности научных сотрудников в СПИИРАН была разработана программная система со следующими функциональными возможностями: 1) создание, изменение, дополнение базы данных научных сотрудников; 2) ручной ввод и корректировка данных публикационной активности: число статей, число цитирований, индекс Хирша в базах данных WoS, Scopus, RSCI (РИНЦ); 3) обновление данных из систем индексирования; 4) формирование полного отчета по всем сотрудникам и базам индексирования, а также отдельно по лабораториям, докторам наук, аспирантам. На рисунке представлен пользовательский интерфейс программы.

Сохраняемая база данных представляла собой список авторов и их данные: идентификационные коды автора, его/ее текущие показатели в базах индексирования, ученую степень, занимаемую ставку и наименование лаборатории, где работает автор. Программа успешно эксплуатировалась в период с 2010 по 2015 гг. до появления новых более совершенных встроенных сервисов, предоставляемых базами индексирования.

Рис. Диалоговое окно формирования отчета по публикационной активности СПИИРАН
Fig. Dialog window of formation of the report on publication activity of SPIIRAS

В серии работ [10–11] описаны сервисы многомодальной информационно-навигационной облачной системы МИНОС, внедренной в СПИИРАН для обслуживания сотрудников и посетителей института. Распределенные терминалы системы, объединенные в единую корпоративную сеть, предоставляют пользователям справочную информацию, а встроенные аудиовизуальные сенсоры используются для снятия биометрических показателей, создания профилей гостей и сотрудников и формирования для них персонализированных сценариев обслуживания.

Заключение

Выполненный обзор отечественных работ по информационным системам, направленных на автоматизацию деятельности научно-образовательных организаций, позволяет сделать следующие предварительные выводы. Во-первых, большая часть посвящена обеспечению электронного документооборота и коммуникации участников внутренней системы организации, в частности, учет и движение контингента, личные кабинеты преподавателей и обучающихся, информационный портал. Во-вторых, несмотря на существующие нормативы, научно-образовательные организации довольно сложно унифицировать, вследствие их специализации и исторически сложившихся традиций. Ситуация осложняется продолжающимися реформами в сфере образования, что привело к созданию сетей филиалов, дистанционное управление которыми вносит свою специфику и требования к информационным системам автоматизации. В-третьих, многогранность деятельности научно-образовательных организаций привела к тому, что для наиболее востребованных процессов создавались отдельные иногда проприетарные программные модули. Это привело к проблеме интеграции модулей, разработанных в разное время для различных служб, но накапливающих базы данных с дублирующейся информацией, что приводит не только к перерасходу ресурсов, но и расхождению в отчетных данных.

Литература

1. Алдошин С. М., Амосова Е. С., Волохов В. М., Лазарев Д. Ю. Информационная система управления взаимоотношениями с партнерами в академическом институте // Машиностроитель. 2006. № 11. С. 6–10.
2. Альперин Б. Л., Ведягин А. А., Зибарева И. В. SciAct — информационно-аналитическая система института катализа СО РАН для мониторинга и стимулирования научной деятельности // Труды ГПНТБ СО РАН. 2015. № 9. С. 95–102.
3. Аюшеева Л. В., Дармаев Т. Г., Дудин С. А. [и др.]. Информационная система мониторинга состояния здоровья студентов и сотрудников Бурятского государственного университета // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 9. С. 244–251.
4. Белокрылов К. А., Белокрылова О. С., Гуцелюк Е. Ф. [и др.]. Механизмы снижения экономических и правовых рисков в системе закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Ростов-на-Дону, 2016.
5. Быков Ю. Н. Система электронного учета ресурсного обеспечения в корпоративной информационной системе Иркутского государственного медицинского университета // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2013. № 2. С. 16–18.
6. Быковский В. В., Волкова Т. В. Информационно-аналитическая система Оренбургского государственного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2001. № 4 (19). С. 70–73.
7. Гридина Е. Г., Ежов Е. А., Мурашева О. В. Особенности создания информационной системы управления деятельностью университета по показателям и организации системы электронного документооборота // Теоретические и прикладные вопросы современных информационных технологий. Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2015. С. 6–10.
8. Дергилева Т. В. Диверсификация как способ организации функционирования информационно-библиотечной среды научных организаций ФАНО России // Вестник Томского

- государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 4 (28). С. 207–212.
9. Диментов А. Электронный документооборот редакционной коллегии научного журнала // Российские нанотехнологии. 2012. Т. 7. № 11–12. С. 6–7.
 10. Левоневский Д. К., Ватаманюк И. В., Савельев А. И. Многомодальная информационно-навигационная облачная система МИНОС для корпоративного киберфизического интеллектуального пространства // Программная инженерия. 2017. Т. 8. № 3. С. 120–128.
 11. Карасев Е. Ю., Ватаманюк И. В., Савельев А. И., Ронжин А. Л. Архитектурные решения интеграции модуля видео-конференц-связи в киберфизическое интеллектуальное пространство // Информационно-управляющие системы. 2018. № 1 (92). С. 2–10.
 12. Логиновский О. В., Нестеров М. И., Шестаков А. Л. Корпоративная информационная система крупного вуза как эффективный инструмент повышения качества управления // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2013. № 1. С. 40–52.
 13. Орлова Е. Ю. Электронный документооборот как инструмент повышения эффективности процедур налогового администрирования // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 23. С. 177–183.
 14. Пацкан М. Ю., Никулихин В. Г. Принцип синергии при интеграции систем. Особенности интеграции собственной автоматизированной системы вуза с «1С» // Новые информационные технологии в образовании: применение технологий «1С» для развития компетенций цифровой экономики : сборник научных трудов 18-й международной научно-практической конференции / под ред. Д. В. Чистова. М., 2018. С. 161–162.
 15. Полубелова М. В., Ткаченко О. Н., Гришина А. В. Организация управленческого учета в вузе // Учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики. 2011. № 6. С. 130–134.
 16. Савзиханова С. Э. Формирование единого информационно-коммуникативного пространства системы образования региона // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 37. С. 17–20.
 17. Собакина А. В. Достоинства и недостатки электронного документооборота в бюджетном учете // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2010. № 6. С. 91–93.
 18. Сойфер В. А., Гречников Ф. В., Кузьмичев В. С. [и др.]. Система управления качеством образования в университете на основе информационных технологий // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 5. С. 92–97.
 19. Соколова О. А., Соколова Е. А. Электронный сбор статистических данных как одна из современных безбумажных технологий в статистике // Роль статистики в развитии общества. Исторический опыт. Достижения. Перспективы : материалы межрегиональной научно-практической конференции. Кострома, 2015. С. 65–68.
 20. Щербинина О. В., Горемыкин А. Д., Ирушкин А. А., Муртазаева А. Т. Интеграция информационных систем управления университетом // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2012. № 2. С. 32–39.
 21. Amoli S. J., Aghashahi F. An Investigation on Strategic Management Success Factors in an Educational Complex // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 12 September 2016. Vol. 230. P. 447–454.
 22. Blau I., Presser O. E-Leadership of school principals: increasing school effectiveness by a school data management system // British Journal of Educational Technology. Vol. 44 (6). P. 1000–1011.
 23. Cavus N. The application of a multi-attribute decision-making algorithm to learning management systems evaluation. British Journal of Educational Technology. 2011. Vol. 42 (1). P. 19–30.
 24. Fulantelli G., Taibi D., Arrigo M. A. Framework to support educational decision making in mobile learning // Computers in Human Behavior. Vol. 47. June 2015. P. 50–59.
 25. Maican C., Lixandroi R. A system architecture based on open source enterprise content management systems for supporting educational institutions // International Journal of Information Management. Vol. 36. Is. 2. April 2016. P. 207–214.
 26. Rosu S. M., Dragoi G., Guran M. A knowledge management scenario to support knowledge applications development in small and medium enterprises // Advances in Electrical and Computer Engineering. 2009. Vol. 9(1). P. 8–15.
 27. Sanchez-Puchol F., Pastor-Collado J. A., Borrell B. Towards an Unified Information Systems Reference Model for Higher Education Institutions // Procedia Computer Science. 2017. Vol. 121. P. 542–553.
 28. Schumann C. A., Gerischer H., Tittmann C., Orth H., Xiao F., Schwarz B., Schumann M. A. Development of International Educational Systems by Competence Networking based on Project Management // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 19 March 2014. Vol. 119. P. 192–201.

29. *Vicente M. E.* A literature review about Argentinian educational management in times of change // *Magister*. July–December 2016. Vol. 28. Is. 2. P. 102–111.

Об авторах:

Ронжин Андрей Леонидович, доктор технических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ronzhin@iias.spb.su

Железны Милош, PhD, доцент, заместитель декана факультета Западночешского университета (Пльзень, Чехия); zelezny@kky.zcu.cz

References

1. Aldoshin S. M., Amosova E. S., Volokhov V. M., Lazarev D. Yu. The information management system of relationship with partners at the academic institute // *Mechanician [Mashinostroitel']*. 2006. N 11. P. 6–10. (In rus)
2. Alperin B. L., Vedyagin A. A., Zibareva I. V. of SciAct is the information and analytical system of institute of a catalysis of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science for monitoring and stimulation of scientific activity // *Works of State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science [Trudy GPNTB SO RAN]*. 2015. N 9. P. 95–102. (In rus)
3. Ayusheeva L. V., Darmaev T. G., Dudin S. A. [etc.]. Information system of monitoring of the state of health of students and staff of the Buryat State University // *Messenger of the Buryat State University [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta]*. 2010. N 9. P. 244–251. (In rus)
4. Belokrylov K. A., Belokrylova O. S., Gutselyuk E. F. [etc.]. Mechanisms of decrease in economic and legal risks in the system of purchases for ensuring the state and municipal needs. Rostov-on-Don, 2016. 304 p. (In rus)
5. Bykov Yu. N. The system of electronic accounting of resource providing in a corporate information system of the Irkutsk State Medical University // *Quality management system: experience and prospects [Sistema menedzhmenta kachestva: opyt i perspektivy]*. 2013. N 2. P. 16–18. (In rus)
6. Bykovsky V. V., Volkova T. V. Information and analytical system of the Orenburg State University // *University management: practice and analysis [Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz]*. 2001. N 4(19). P. 70–73. (In rus)
7. Gridina E. G., Ezhov E. A., Murasheva O. V. Features of creation of the information management system activities of the University for Indicators and the organization of an electronic document management system // *In the collection: Theoretical and applied questions of modern information technologies. East Siberian State University of Technologies and Management*, 2015. P. 6–10. (In rus)
8. Dergileva T. V. Diversification as way of the organization of functioning of the information and library environment of the scientific organizations FASO Russia // *Bulletin of the Tomsk State University. Cultural science and art criticism [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie]*. 2017. N 4 (28). P. 207–212. (In rus)
9. Dimentov A. Electronic document flow of editorial board of the scientific journal // *Russian nanotechnologies [Rossiiskie nanotekhnologii]*. 2012. V. 7. N 11–12. P. 6–7. (In rus)
10. Levonevsky D. K., Vatamanyuk I. V., Savelyev A. I. The Minos multimodal information and navigation cloudy system for corporate cyberphysical intellectual space // *Program engineering [Programmnaya inzheneriya]*. 2017. V. 8. N 3. P. 120–128. (In rus)
11. Karasyov E. Yu., Vatamanyuk I. V., Savelyev A. I., Ronzhin A. L. Architectural concepts of integration of the module of a video conferencing into cyberphysical intellectual space // *Management information systems [Informatsionno-upravlyayushchie sistemy]*. 2018. N 1 (92). P. 2–10. (In rus)
12. Loginovskiy O. V., Nesterov M. I., Shestakov A. L. Corporate information system of large higher education institution as effective instrument of improvement of quality of management // *News of higher educational institutions. Ural region [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region]*. 2013. N 1. P. 40–52. (In rus)
13. Orlova E. Yu. Electronic document flow as the instrument of increase in efficiency of procedures of tax administration // *Current trends in economy and management: new view [Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad]*. 2013. N 23. P. 177–183. (In rus)

14. Patskan M.Yu., Nikulikhin V.G. Principle of synergy at integration of systems. Features of integration of own automated system of higher education institution with "1C" // New information technologies in education: use of 1C technologies for development of competences of digital economy: the collection of scientific works of the 18th international scientific and practical conference / under the editorship of D.V. Chistov. M., 2018. P. 161–162. (In rus)
15. Polubelova M.V., Tkachenko O.N., Grishina A.V. The organization of management accounting in higher education institution // Account, analysis and audit: problems of the theory and practice [Uchet, analiz i audit: problemy teorii i praktiki]. 2011. N 6. P. 130–134. (In rus)
16. Savzikhanova S. E. Formation of uniform information and communicative space of an education system of the region // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2010. N 37. P. 17–20. (In rus)
17. Sobakina A.V. Merits and demerits of electronic document flow in the budgetary account // Altai bulletin of the public and municipal service [Altayskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby]. 2010. N 6. P. 91–93. (In rus)
18. Soyfer V.A., Grechnikov F.V., Kuzmichev V.S. [etc.]. A control system of quality of education at the university based on information technologies // University management: practice and analysis [Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz]. 2006. N 5. P. 92–97. (In rus)
19. Sokolova O.A., Sokolova E.A. Electronic collecting statistical data as one of modern paperless technologies in statistics // Statistics Role in development of society. Historical experience. Achievements. Prospects: materials of an interregional scientific and practical conference. Kostroma, 2015. P. 65–68. (In rus)
20. Shcherbinina O.V., Goremykin A.D., Irushkin A.A., Murtazayeva A.T. Integration of information management systems by the university // Caspian journal: management and high technologies [Rol' statistiki v razvitií obshchestva]. 2012. N 2. P. 32–39. (In rus)
21. Amoli S.J., Aghashahi F. An Investigation on Strategic Management Success Factors in an Educational Complex // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 12 September 2016. Vol. 230. P. 447–454.
22. Blau I., Presser O. E-Leadership of school principals: increasing school effectiveness by a school data management system // British Journal of Educational Technology. Vol. 44 (6). P. 1000–1011.
23. Cavus N. The application of a multi-attribute decision-making algorithm to learning management systems evaluation // British Journal of Educational Technology. 2011. Vol. 42 (1). P. 19–30.
24. Fulantelli G., Taibi D., Arrigo M.A. Framework to support educational decision making in mobile learning // Computers in Human Behavior. Vol. 47. June 2015. P. 50–59.
25. Maican C., Lixandriou R. A system architecture based on open source enterprise content management systems for supporting educational institutions // International Journal of Information Management. Vol. 36. Is. 2. April 2016. P. 207–214.
26. Rosu S.M., Dragoi G., Guran M. A knowledge management scenario to support knowledge applications development in small and medium enterprises // Advances in Electrical and Computer Engineering. 2009. Vol. 9(1). P. 8–15.
27. Sanchez-Puchol F., Pastor-Collado J.A., Borrell B. Towards an Unified Information Systems Reference Model for Higher Education Institutions // Procedia Computer Science. 2017. Vol. 121. P. 542–553.
28. Schumann C.A., Gerischer H., Tittmann C., Orth H., Xiao F., Schwarz B., Schumann M.A. Development of International Educational Systems by Competence Networking based on Project Management // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 19 March 2014. Vol. 119. P. 192–201.
29. Vicente M. E. A literature review about Argentinian educational management in times of change // Magister. July–December 2016. Vol. 28. Is. 2. P. 102–111.

About the authors:

Andrey L. Ronzhin, Doctor of Science (Technical), Professor, Director of St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation); ronzhin@iias.spb.su

Milos Zelezny, Ph.D., Associate Professor, Deputy Dean of Faculty, University of West Bohemia (Pilsen, Czech Republic); zelezny@kky.zcu.cz

Религия и власть как стратегический и тактический механизмы социальной нормализации

Кугай А. И. *, Черкасова Т. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Давно замечено, что нас формирует власть, проникая во все сферы жизни. Однако, глядя в кольца истории, замечаешь, что политико-правовые институты выстраивались не спонтанно-абстрактным образом, дизайн их был предопределен укорененными в социальную ткань религиозными максимами. Соответственно, власть — лишь тактический механизм социальной нормализации, ее стратегическим механизмом выступает религия, как система высших — духовно-нравственных императивов, значений и смыслов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, тем самым, оказывая на него управленческое воздействие. Очевидно, существование и развитие России в обозримом будущем будет связано с поиском правящей и интеллектуальной элитой таких форм нормализации в политико-правовой, социальной и культурной сферах жизни, которые бы не только не противоречили социальной справедливости — основному идеалу традиционных религиозных конфессий — православию, исламу, иудаизму, буддизму, в сфере управления, воплощенный в евангелистском императиве: «Если кто из вас хочет стать главным, пусть будет всем слугой» (Евангелие от Марка, 10:43), но и обеспечивали, посредством разделения властей, верховенства закона, политической конкуренции, его достижение.

Ключевые слова: религия, власть, православие, социальная нормализация

Religion and Power as Strategic and Tactical Mechanisms of Social Normalization

Kugay A. I. *, Cherkasova T. G.

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation;

*kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

It has long been noted that we are formed by power, penetrating into all spheres of life. However, looking at the rings of history, you notice that political and legal institutions were not built in a spontaneous and *abstract* way, their design was predetermined by religious maxims rooted in social fabric. Accordingly, power is only a tactical mechanism of social life, as a system of higher spiritual and moral imperatives, meanings and meanings that prescribe a certain behavior to a person, thereby exerting a managerial influence on him. Obviously, the existence and development of Russia in the foreseeable future will be linked to the search for the ruling and intellectual elite of such forms of normalization in the political, legal, social and cultural spheres of life that would not only not contradict social justice — the basic ideal of traditional religious faiths — Orthodoxy, Islam, Judaism, Buddhism, governance, embodied in the evangelical imperative “If any of you wants to become the chief, let him be the whole servant” (St. Mark’s Gospel, 10:43), but also provided, through the separation of powers, the rule of law, political competition, its achievement.

Keywords: religion, power, orthodoxy, social normalization

Давно уже замечено, что власть и политика оказывают решающее влияние на жизнь социума. Утверждая, что «моему Я — грош цена», Мишель Фуко демонстрировал

каким образом нас формирует власть, проникая во все сферы жизни [8–12]. Однако, вглядываясь в кольца истории, замечаешь, что политико-правовые институты выстраивались не спонтанно-абстрактным образом, дизайн их был predetermined укорененными в социальную ткань религиозными максимами. Соответственно, власть — лишь тактический механизм социальной нормализации, ее стратегическим механизмом выступает религия, как система высших — духовно-нравственных императивов, значений и смыслов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, тем самым, оказывая на него управленческое воздействие.

Обратившись к духовным, культурологическим истокам человеческой цивилизации — к мифологии и философским учениям Древнего Востока — Египта, Индии и Китая, античной философии, бросается в глаза их функциональное единство — обращенность к обоснованию социальной нормализации, иерархии, общественному порядку, обеспечивающих существование, воспроизводство и развитие социума. Как говорится, если Бог решил наказать человека, то лишает его разума, если захотел наказать общество — оставляет его без власти. Не случайно, во все времена желающих навести порядок, всегда на порядок больше тех, кто согласен его соблюсти...

Современная цивилизация, ее институты — лишь тонкий слой лака на массиве человеческой природы, основы которой закладывались в мифологическую эпоху первобытности. «Эта „седающая древность“, — писал Ф. Энгельс, — при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям» [13, с. 118]. Кристаллизация основ европейской цивилизации осуществлена в античной мифологии, в художественно-аллегорической форме, обобщившей социальные практики и нормы древнего общества. К примеру, образ Фемиды, ее атрибуты — повязка, закрывающая ее глаза, олицетворяющая беспристрастность наказания, 2) весы, выражающие соразмерность наказания, 3) меч, воплощающий неотвратимость наказания, является непреходящим символом института правосудия.

В архаичной общности верховная власть индуцировалась тотемом, представляющим из себя природные объекты или явления, которым род, племя проявлял особенное поклонение. В последующем суть религиозных реформ заключалась в нахождении божества, признаваемого всеми племенами данного этноса. Примером этого может служить древнеегипетский бог солнца Амон Ра, почитаемый всеми племенами, сплотившего египтян, в результате реформы Эхнатона, в единый народ. В древней мифологии большинства народов боги являлись не только источником высшей власти, но и верховным регулятором земной жизни, предписывая людям программы жизнедеятельности.

Основное предназначение кастовой теории древнеиндийских вед, конфуцианской и платоновской социальных теорий — обоснование общественной иерархии, ролей между различными слоями общества, нормативных требований, предъявляемых к ним. Так, Платон, ставя в центр своей социальной философии идеал справедливости, исходил из того, справедливый человек в своих основных характеристиках совпадает с идеалом справедливого государства. Трем началам человеческой души — разумному, яростному и вожделеющему — соответствуют в государстве три подобных начала — совещательное, защитное и деловое, а этим последним соответствуют три сословия — правителей, воинов и производителей (ремесленников и земледельцев). Справедливость заключается в том, чтобы каждое начало занималось своим делом и не вмешивалось в чужие дела. Кроме того, справедливость требует, по Платону, соответствующей иерархической соподчиненности этих

начал во имя целого: способности рассуждать (т. е. философам, которые персонифицируют эту способность) подобает господствовать; яростному началу (т. е. воинам) — быть вооруженной защитой, подчиняясь первому началу; оба этих начала управляют началом вожделеющим (ремесленниками, земледельцами и другими производителями), которое «по своей природе жаждет богатства»[7].

Идея социальной нормализации — краеугольный камень библейского учения. «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». «Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13:2). Идеей всеобъемлющего божественного регулирования и контроля проникнут Ветхий Завет. Бог, Вседержитель «промышляет о земле» и «управляет всею вселенною» (Иов 34:13). Моисей и народ заключают двухсторонний договор с Богом: одна сторона обязуется следовать воле и заповедям Бога, а другая — вести, защищать и спасти народ, выполняющий договор. Утверждая семью как основу общества; непреложность частной собственности; верховенство закона; соразмерность и неотвратимость наказания за противозаконные действия, Ветхий Завет заложил фундамент перехода общественной жизни от естественного политико-правовому состоянию.

Новый Завет провозгласил «Кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21), провозгласил основополагающие принципы государственно-церковных отношений. Суть их в возникновении двух институтов, взаимосвязанных, но функционально неидентичных, не обладающих всей полнотой власти: церкви и государства. Государство больше не является носителем сакрального авторитета, обращающегося к глубинам человеческой совести, но для утверждения своих моральных ориентиров, апеллирующего к церковному институту, возглавляемого Иисусом Христом. Бог-Отец «поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его» (Еф. 1:22). Каждый институт существует в своих границах и от баланса их взаимоотношений зависит свобода. Даже в самые трагичные периоды истории концепт свободы, явленный в основополагающих свидетельствах веры, оставался высшей инстанцией, к которой можно было апеллировать, противостоя принудительному слиянию политического сообщества и сообщества веры, являлся бастионом совести, основанием свободы личности, основным фактором разделения полноты властного авторитета. Тем самым, Новый Завет заложил моральные и политико-правовые ориентиры развития европейского общества, суть которых в равенстве всех людей перед Богом, в праве на достойную жизнь.

Христианство, в особенности протестантизм, сыграло решающую роль в становлении западноевропейской цивилизации. Основатель протестантского движения Мартин Лютер, руководствуясь идеей предопределенности пребывания в земной мире, постулировал цель жизни, состоящую в том, что спасение души («оправдания») человеком достижимо не через церковь и ее обряды, а с помощью личной веры, даруемой человеку непосредственно Богом. Источником религиозной истины утверждается не Священное предание, решения пап и церковных соборов, а само Евангелие. Спасение, согласно Лютеру, достигается в результате мирской аскезы, добродетельного и усердного повседневного труда, достижения успеха в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни. «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2:26). Религиозно обоснованная доктрина о добродетельности труда, трудолюбие, пропагандируемое в проповедях лютеран, «протестантская этика»¹ распространялись не только на основную массу населения, но и на правящую элиту, включая предпринимательский класс. Достижение прибыли и материального достатка рассматривалось в качестве кри-

¹ Термин «протестантская трудовая этика» введен в научный оборот немецким социологом и философом Максом Вебером в знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» в 1905 г.

терия Спасения и Богоизбранности. Если бы первому капиталисту, проникнутому духом протестантской этики, задали вопрос: — На каком месте он находится от Господа, то ответ был бы, очевидно, таким: — Это зависит от того, сколько знаковых чисел находится у меня на банковском счете. От добра добра не ищут. Добро — наживают. Интериоризация Бога воплотилась в притязании свободы совести и морального выбора, защищенных правом. Индивидуальное толкование евангелистского учения явилось критерием легитимности власти, фундаментом становления демократических политических институтов.

Наиболее зримо роль протестантских деноминаций проявляется в становлении демократических институтов США. Как заметил К. С. Гаджиев, организованная религия с самого начала истории Америки была вовлечена в общественно-политическую жизнь страны. «Она служила в качестве активной силы, лежащей в основе реформистских и гуманитарных движений. Многие религиозные деятели принимали активное участие в американской революции. Одним из способов участия религиозных общин в развитии общественной жизни Новой Англии были регулярные проповеди, посвященные важным событиям в общине, в том числе политическим, благодаря которым религиозное сообщество влияло на ход политических процессов. Например, в проповедях, освещавших выборы, оглашались необходимые качества правителя, и акцентировался принцип взаимных обязательств народа и власти. Таким образом, очерчивались варианты выбора, который должны были сделать избиратели» [3, с. 36].

Как отмечает Джек Курт, «в большом количестве протестантских церквей, особенно в США (конгрегационалисты, баптисты и др.), внутрицерковная жизнь регулировалась самостоятельно всей общиной. В данном случае, светским и политическим партнером этой формы управления церковью была демократия. Можно говорить, что становлению американского федерализма во многом содействовало многообразие протестантских церквей в США и их федеральный путь развития, вошедший под названием «конгрегационализм» [14, с. 37]. Можно сказать, что самая успешная страна сегодняшнего мира — США — начала свою независимую историю как союз протестантских штатов. Католичество строило земное Царство сверху, пыталось решить сначала главный вопрос Царства — вопрос о власти. Оно понимало, что не заполучив в свои руки всю полноту земной власти, Церковь не сможет преобразовать земную жизнь по небесным законам. Протестантизм смело берется и за эту задачу. И это проносит свои плоды. Протестантизм, как религия англо-саксонской цивилизации — наиболее продвинутой в технологической сфере, оказал существенное влияние и на католицизм, наиболее полно воплощенный в континентальной Европе, в решениях II Ватиканского собора (1962–1965 гг.), в принятой им конституции «*Gaudium et Spes*» («Радость и Надежда»).

Из этого можно заключить, что христианство оказало решающее влияние на процессы социальной нормализации в демократическом обществе.

1. В отличие от богов языческих, подчиненных неотвратимой судьбе, Бог христиан свободен, неограниченная и непредсказуемая свобода признается существенным признаком Его могущества. Свободному Богу соответствует созданный по Его образу и подобию человек, обладающий дарованной Творцом свободой воли. Индивид — личность становится конечной моральной инстанцией, ответственной за совершаемые им поступки. Он волен вступить на путь добра, либо сойти с него, встав на путь зла и греха.
2. Благодаря христианству идея равенства всех перед Богом, равного достоинства всех человеческих личностей стала возможной для всех народов.
3. Идея затем была положена в основу демократии, социального равенства.
4. Христианство заложило нравственные и культурные основы личности современного цивилизованного человека (не только для народов Европы, но и для на-

родов всех континентов). Эти основы и легли в основу в качестве базисных для демократических ценностей и институтов.

5. Сегодня католическая церковь и протестантские деноминации стали активными участниками политического процесса. В их распоряжении ресурсы политических партий, система религиозного образования, СМИ, их представители в законодательных, судебных и исполнительных органах власти, побуждая должностных лиц высказывать свои мнения и принимать политические решения по вопросам, волнующим церковь и верующих.

Оценивая влияние религии на политику, отметим в ней роль религиозной символики в качестве общезначимого авторитета, несмотря на провозглашенный светский характер современных государств. К примеру, основной закон Германии обращен к Богу, Конституция Ирландии — к Троице. Англия, Дания, Финляндия, Греция имеют государственную религию. «In God We Trust» (с англ. — «Мы верим в Бога») — официальный девиз США, размещенный на оборотной стороне ныне выпускающихся долларовых банкнот. При вступлении в должность президенты России и США приносят присягу на Библии. В широком смысле — взаимодействие религии и власти как стратегического и тактического механизма социальной нормализации — это процесс формирования социального государства, способ достижения общественного диалога, согласия. Партнерство религии и власти является предпосылкой, эффективным инструментом достижения социальной солидарности в обществе, который представляет собой систему урегулирования конфликтов во всех сферах жизнедеятельности, а также форму согласования интересов субъектов социального партнерства, обеспечивая их конструктивное взаимодействие.

Духовные основания российской власти, ее образ и особенности влияния на политические процессы восходят к опыту церковно-государственных отношений в Византийской империи, в основе которой изначально была положена «симфония властей». Термин «симфония» впервые употребил Юстиниан I в предисловии к своей VI новелле: «Величайшие дары Бога людям от человеколюбия свыше данные — священство (ιερωσύνη) и царство (βασιλεία), одно, служа божественному, другое о человеческом заботясь и управляя, — из одного и того же начала вышли, и привели в порядок человеческую жизнь. Поэтому ничто так не было бы весьма желанным царству, как величавость иереев, если бы только за него самого всегда они молили Бога. Ибо если первое было бы беспорочно всесторонне и с искренностью к Богу сопричастно, второе верно и подобающим образом вверенное ему государство приводило бы в порядок, было бы согласие некое благое, так что все благо роду человеческому было бы подарено» [15]. В обыденном сознании византийцев божественное и человеческое, душа и тело четко разграничивались. Государство также рассматривалось как единый организм, в котором есть и тело, и душа. Как заметил Л. А. Тихомиров: «Возможно, ни в одном христианском государстве не придавалось отношениям духовной и светской властей такой важности, поэтому Византия могла похвастаться тем, что нигде вопрос о союзе церкви и государства не был решен более удачно» [6, с. 114]. Византийский император Иоанн II Комнин (1087–1143) о «симфонии» писал так: «Во всем моем управлении я признавал две вещи как существенно отличные друг от друга: первая есть духовная власть, которую Верховный Первосвященник мира, Царь мира Христос даровал своим ученикам и апостолам как нерушимое благо, посредством которого они по божественному праву обладают властью вязать и разрешать всех людей. Вторая же есть светская власть, заведующая делами временными и обладающая по божественному установлению одинаковым правом в своей сфере. Обе эти власти, господствующие над жизнью человека, отделены и отличны друг от друга. Но, будучи различны по существу своему, обе эти власти для благочестия человеческого должны быть в полном между собой единении» [6, с. 272]. По словам Л. А. Тихомирова, «визан-

тийский принцип „симфонии“ был совершенно правильным по нескольким причинам: во-первых, это правило было установлено в эпоху Вселенских соборов и признавалось ими, во-вторых, он избавил Византию от борьбы духовной и светской власти за главенство и, наконец, благодаря принципу разделения властей, верховная власть приобрела большой авторитет» [6, с. 122].

Принцип «симфонии» лег в основу формирования системы власти в Древней Руси, поскольку власть в ней изначально нуждалась в религиозно-моральном обосновании. Это нашло отражение в торжественной проповеди 1043 г. киевского митрополита Илариона «Слово о законе и благодати» (полное название: «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась, и до нашего народа русского дошла. И похвала князю нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва к Богу от всей земли нашей»¹. «Слово», перенеся акцент с Ветхого Завета, устанавливающего первенство Закона, на Новый Завет, основанного на первородстве Благодати, уделив особое внимание религиозному обоснованию сакральности княжеской власти, предопределило характер социально-политических отношений, организованных не столько на формально-правовом обезличенном принципе «чтойности», а сколько на лицевости («ктойности») — принципе личного доверия. Основным детерминантом социального бытия становится не принудительная власть Закона, а благодетельная сила Любви — «чувство, которое побуждает человека сознательно и добровольно отказаться от каких-либо благ и преимуществ в пользу другого субъекта» [1, с. 2]. Возвеличивая Киевского князя Владимира до «Красного Солнышка», объявляя его, как помазанника Божьего, «Слово» наделяет его всей полнотой монархической власти. Отсюда, русское народное правосознание, противопоставляя право и мораль, право и правду, основывалось на монархическом идеале. В этой системе государство = государь-ство, власть Богом данная, в которой властвует не избираемый, почитаемый всеми, эксклюзивный, непререкаемый авторитет — Государь.

Практически все правители государства российского — Новгородские князья, Киевские и Владимирские великие князья, Русские цари и императоры — являли собой образец государственного служения, воспринимаемая власть не как желанный плод, но тяжкий Крест, возложенный на них Божественным Провидением, как бремя, несение которого требовало невероятного напряжения всех жизненных сил. К тому же, российская политическая история отнюдь не дискретна, а представляет собой воплощение православия [4] в прямой, либо в превращенной форме «русского коммунизма» (Н. А. Бердяев) [2]. Ведь очевидно то, что практически все советские правители служили Высшей Правде, воплощенной в квази-религиозном идеале коммунизма, были незаурядными государственниками. Масштабы советской империи фактически простирались от Ханоя до Берлина. Впоследствии, как известно, Россия вступила в период смуты 90-х годов, явившейся прямым следствием утраты доверия к Верховной власти, не соответствующей Высшей Правде.

Что касается современности, у нас по-прежнему — персоналистская модель власти. В России, с ее размерами и сложным административно- и этно-территориальным устройством, не прижилась полноценная, как двухпартийная (США, Англия), так и многопартийная система (Германия, Франция). Многопартийность в нашей стране дважды (1917, 90-е) приводила к гражданской войне. События, происходящие на Украине, непосредственно связаны с отсутствием авторитетной партии, способной объединить общество. Наш Президент — национальный лидер,

¹ «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Академик Дмитрий Лихачев [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona> (дата обращения: 30.06.18).

а не просто нанятое на время лицо, для исполнения государственных обязанностей. Что является свидетельством традиционного для России способа построения и наследования духовно-нравственной вертикали. Лидер есть главный собственник и националист в России, поскольку, вбирая в себя людей, территорию, историю, культуру, науку, экономику, артефакты, геополитические вызовы, стоящие перед страной, вносит в них национальный смысл [5].

Таким образом, существование и развитие России в обозримом будущем, очевидно, будет связано с поиском правящей и интеллектуальной элитой таких форм нормализации в политико-правовой, социальной и культурной сферах жизни, которые бы не только не противоречили социальной справедливости — основному идеалу традиционных религиозных конфессий — православию, исламу, иудаизму, буддизму, в сфере управления, воплощенного в евангелистском императиве: «Если кто из вас хочет стать главным, пусть будет всем слугой» (Мк. 10:43), но и обеспечивали, посредством разделения властей, верховенства закона, политической конкуренции, его достижение.

Литература

1. Андреев В. Н. Национальные модели хозяйствования (интересы, мотивы, стимулы, потребности, предпочтения, управление). СПб., 2017.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.
3. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М. : Наука, 1990.
4. Казин А. Л. Последнее Царство. Русская православная цивилизация. СПб. : Петрополис, 2007.
5. Кугай А. И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 152–161.
6. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Издательство «Библиотека Сербского Креста», 2004.
7. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 3 т. Т. 3 (1). М., 1971.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996.
9. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
10. Фуко М. История сексуальности — III: Забота о себе. Киев : Дух и литера; Грунт, М. : Рефл-бук, 1998.
11. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998.
12. Фуко М. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 20.
14. Kurth J. The protestant deformation and American foreign policy. Paper Presented to The Philadelphia Society, 37th National Meeting, April 2001.
15. Flavius Justinianus Imperator. Novellae, ed. R. Scholl and W. Kroll, Corpus iuris civilis, vol. 3. Berlin : Weidmann, 1895 (repr. 1968). Nov. 6 pr.

Об авторах:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru

Черкасова Татьяна Григорьевна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sadovskaya.tanata@mail.ru

References

1. Andreev V.N. National models of managing (interests, motives, incentives, requirements, preferences, management). SPb., 2017. 144 p. (In rus)

2. Berdyaev N.A. Sources and sense of the Russian communism. M. : Science, 1990. (In rus)
3. Gadzhiyev K.S. American nation: national consciousness and culture. M. : Science, 1990. (In rus)
4. Kazin A.L. Last Kingdom. Russian orthodox civilization" SPb. : Petropolis, 2007. (In rus)
5. Kugay A.I. Patriotism as factor of civil identification and national unity // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 5. P. 152–161. (In rus)
6. Tikhomirov L. A. Monarchic statehood. M. : Library of the Serbian Cross publishing house, 2004.
7. Platon. State // Platon. Collected works in 3 vol. V. 3 (1). M, 1971. (In rus)
8. Foucault M. Will to the truth: on that side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. M. : Kastal, 1996. (In rus)
9. Foucault M. Madness history during a classical era. SPb., 1997. (In rus)
10. Foucault M. Sexuality history — III: Care about yourself. K: Spirit and letter; Soil, M. : Refl-book, 1998. (In rus)
11. Foucault M. Birth of clinic. M. : Sense, 1998. (In rus)
12. Foucault M. Birth of the prison / translation from French. V. Naumov. M. : Ad Marginem, 1999. (In rus)
13. Engels F. Anti-Duhring // K. Marx and F. Engels. Compositions. the 2nd ed. M, 1955–1981. V. 20. (In rus)
14. Kurth J. The protestant deformation and American foreign policy. Paper Presented to The Philadelphia Society, 37th National Meeting, April 2001.
15. Flavius Justinianus Imperator. Novellae, ed. R. Scholl and W. Kroll, Corpus iuris civilis, vol. 3. Berlin : Weidmann, 1895 (repr. 1968). Nov. 6 pr.

About the authors:

Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; kugay3@yandex.ru

Tatyana G. Cherkasova, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); sadovskaya.tanata@mail.ru

Сравнительная характеристика качества жизни населения в современной России: проблемы и пути решения

Белов В. И.^{1, 2, *}, Степанова Т. В.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

*v.i.belov@bk.ru

РЕФЕРАТ

Анализируя основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения, авторы приходят к выводу об их незначительных изменениях за период 2000–2017 гг. Для решения проблем малоимущих слоев населения России предлагаются конкретные меры, включающие в себя переоценку потребительской корзины, наложение ограничений на уровни дохода и др.

Ключевые слова: социально-экономические индикаторы, уровень жизни населения, коэффициент благосостояния, потребительские расходы, величина прожиточного минимума

Comparative Characteristics of Quality of Life of the Population in Modern Russia: Problems and Solutions

Belov V. I.^{a, b, *}, Stepanova T. V.^c

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

^bPushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation

^cPeter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation;

* v.i.belov@bk.ru

ABSTRACT

Analyzing the main socio-economic indicators of the standard of living of the population, the authors come to the conclusion about their minor changes for the period 2000–2017. To address the problems of the low-income strata of the Russian population, concrete measures are proposed, including reassessing the consumer basket, imposing restrictions on income levels, etc.

Keywords: socio-economic indicators, standard of living, welfare coefficient, consumer spending, minimum subsistence level

Основной целью реализуемой в нашей стране государственной социальной политики является улучшение качества и повышение уровня жизни слабозащищенных социальных групп населения. Для этого Правительством РФ предпринимаются определенные меры, направленные на поддержку малоимущих, в виде выплат различного рода пособий, дотаций, трансфертов. Однако ежегодно выделяемые органами власти на достижение поставленной цели бюджетные ассигнования не в полной мере решают проблему малоимущих слоев населения.

Так, количество нуждающихся в опеке государства год от года не сокращается: в 2015, 2016 и 2017 гг. каждый седьмой россиянин был официально признан нуждаю-

щимся, т. е. 13,3% населения страны имели денежные доходы ниже, чем величина прожиточного минимума¹. Оставшаяся часть экономически активного населения за указанный период тоже испытывала серьезные проблемы: реальные располагаемые денежные доходы по отношению к предыдущему году также сокращались на 2–3%. Регулирующий оплату труда россиян минимальный размер оплаты труда (МРОТ), определяемый Федеральным законом², лишь частично (на 61–75% за рассматриваемый период) «покрывал» расходы прожиточного минимума. Все это означает, что фактический уровень жизни населения РФ мог бы быть более достойным, а для этого необходимо приложить еще немало усилий.

Проводя диахронический анализ временных рядов касательно основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения, можно наблюдать потрясающую динамику изменений абсолютных показателей, где разница между 2000 г. и 2017 г. может достигать значений в 8–17 раз (см. табл. 1). Однако подобный анализ не дает сущностного представления о реальном положении дел. Для понимания сути происходящего необходимо использовать относительные величины, которые являются результатом деления абсолютных показателей и дают более правдоподобную «картину» [2].

Оценка качества и уровня жизни населения возможна посредством расчета коэффициента уровня благосостояния, который характеризуется соотношением среднедушевых денежных доходов населения (среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций) с величиной прожиточного минимума. Так, расчетное соотношение данных показателей в 2000 г. 1,89 (1,84), а в 2017 г. расчетный коэффициент имел значение 3,12 (3,88), т. е. можно констатировать, что с 2000 г. по 2017 г. уровень благосостояния среднестатистического россиянина увеличился без малого в 2 раза. Вместе с тем валовой внутренний продукт как важнейший показатель системы национальных счетов, служащий для анализа макроэкономических процессов в экономике, за указанный период вырос в 12,6 раза. Рост данного показателя и экономики в целом должен был привести к росту социальной сферы (если не пропорционально, то в сопоставимом измерении), но этого пока не произошло [1].

Небезынтересно остается рассмотрение такого показателя, как денежные расходы населения, а точнее структура потребительских расходов домашних хозяйств. При росте расходов в целом за 17 лет почти в 14 раз структура потребительских расходов наших граждан не сильно изменилась. Мы по-прежнему большую часть своего дохода тратим на приобретение потребительских товаров и оплату разного рода услуг (75%). А вот разнообразные взносы и обязательные платежи за рассматриваемый период увеличились на 4%. Более того, статистика зафиксировала рост расходов на жилищно-коммунальные услуги более чем в 2 раза (с 4,6% в 2000 г. до 9,6%³ в 2017 г.), электроэнергии — в 1,75 раза, центрального отопления — в 3 раза, прочих коммунальных услуг — 2,7 раза, и это при том, что уровень благосостояния граждан не вырос даже в 2 раза.

Если сравнивать сбережения населения как оставшуюся часть от текущего потребления в 2000 г. и в 2017 г., то оказывается, что в 2017 г. доля сбережений была ниже на 3,5% (13,2% в 2017 г. против 16,7% в 2000 г.). Это означает, что за

¹Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики / 7.1. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения // Россия в цифрах, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_11/Main.htm (дата обращения: 20.06.2018).

²Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 № 82-ФЗ (с изменениями) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс», 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/ (дата обращения: 20.06.2018).

³Расчет произведен в процентах к итогу.

Сравнительная характеристика некоторых индикаторов уровня жизни населения за 2000 г. и 2017 г.

Table 1. The comparative characteristic of some indicators of the standard of living of the population for 2000 and 2017.

Наименование	2000 г.	2017 г.	2017 г. / 2000 г.
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц	2281	31477	13,80
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб. в месяц.	2223	39144	17,61
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения, руб. в месяц	1210	10088	8,34
Валовой внутренний продукт (ВВП) в рыночных ценах, млрд руб.	7306	92037	12,60
Денежные расходы населения, млрд руб.	3984	55467	13,92
Количество долларовых миллиардеров в РФ, чел.	8*	102	12,75
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в раз	13,9	15,3	1,10

* данные за 2001 г.

Составлено авторами.

анализируемый период жизнь в стране стала дороже, и сегодня мы вынуждены тратить больше средств на текущее потребление, чем в 2000 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что в среднем большая часть населения страны как жила, так и живет на 2–3 прожиточных минимума. Если сравнить показатели, характеризующие распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов, то обнаруживается следующее. По состоянию на 2000 г. примерно 75% населения имело доход, который не превышает 3000 руб./мес., а в 2017 г. около 60% населения имело доход, который не превышает 27 000 руб./мес.

В России в качестве порогового показателя или границы бедности используется величина прожиточного минимума (ВМП), которая сегодня оказывается ниже, чем в большинстве стран Латинской Америки и некоторых странах Африки. Согласно последним данным статистики за чертой бедности в 2017 г. находилось 19,3 млн чел., т. е. такое количество людей имело денежный доход ниже, чем 1 ВМП. Любопытным может оказаться и состав товаров и услуг, которые входят в ВМП и на которую предлагается жить каждый месяц.

В соответствии с Законом¹, ВМП состоит из потребительской корзины² для основных социально-демографических групп населения (ее стоимостная оценка)

¹ Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 № 134-ФЗ (последняя редакция; с изменениями) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс», 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ (дата обращения: 20.06.2018).

² Федеральный закон «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» от 03.12.2012 № 227-ФЗ (последняя редакция) // Информационно-правовая система «Консультант Плюс», 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138547/ (дата обращения: 20.06.2018).

и обязательных платежей и сборов. Номенклатура утвержденных продуктов питания и непродовольственных товаров и услуг была принята еще в 2012 г. и переутверждена в декабре 2017 г. на срок до 31 декабря 2020 г¹.

Согласно законодательству страны сама структура потребительской корзины состоит из трех частей и включает минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Расчет потребления производится в среднем на одного человека для каждой из основных социально-демографических групп населения (трудоспособное население, пенсионеры и дети) путем определения минимально необходимого человеку количества килокалорий в сутки для его физиологической деятельности. Далее формируется набор доступных продуктов питания, в которых и содержатся эти белки, жиры, углеводы и органические кислоты. Затем рассчитывается энергетическая ценность пищевых продуктов, что и попадает в статистический учет. В 2017 г. по сравнению с 2000 г. энергетическая ценность пищевого рациона на душу населения практически никак не изменилась и составила 2654,7 ккал. Стоит заметить, что разработанная еще в начале 1990-х годов Институтом питания Академии медицинских наук РФ, Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН и Министерством труда РФ при участии Всемирной организации здравоохранения методика расчета необходимых наименований и количества товаров и услуг для физиологической жизнедеятельности человека остается и по сей день неизменной.

В настоящий момент отечественная потребительская корзина насчитывает всего 11 наименований продуктов питания². Например, в минимальный набор продуктов питания для трудоспособного населения в целом по Российской Федерации входят (граммов в сутки): макаронные изделия — 24,66, огурцы и помидоры свежие и соленые — 13,70, печенье — 2,74, сметана — 5,48, яйца (штук) — 0,57, соль — 10,14, чай — 1,37 (в России минимальный вес пакетированного чая составляет 2 г).

Приведенные официальные значения, с одной стороны, могут вызывать улыбку у наших граждан, с другой — огорчение и разочарование. Для сравнения укажем, что, например, потребительская корзина в Соединенных Штатах Америки состоит из трех сотен наименований продуктов и услуг, во Франции — из двух с половиной сотен наименований, в Германии — из 475 наименований продуктов и услуг, в Великобритании — из трех с половиной сотен наименований. Причем в Великобритании потребительскую корзину обновляют ежегодно, а в России оставляют без изменений 8 лет. В минимальный набор продуктов и услуг граждан Великобритании обязательно входят шоколадное печенье и мюсли для похудения, несколько видов мяса, в том числе диетическое. Кроме того, в потребительскую корзину британцы включают и алкоголь (шампанское). В настоящее время из минимального набора товаров и услуг европейцев исчезают CD-плееры, их место занимают более современные mp3-проигрыватели. Получается, мы хотим в настоящем иметь высокий уровень жизни в России, но решения принимаем из «прошлого».

Справедливости ради стоит заметить, что все-таки благосостояние некоторых граждан нашей страны значительно улучшилось. По данным The Boston Consulting

¹ Обзор изменений Федерального закона от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» // Информационно-правовая система «Консультант Плюс», 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138547/ (дата обращения: 20.06.2018).

² Постановление Правительства РФ от 29.01.2013 № 56 (ред. от 06.12.2013) «Об утверждении Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации» // Информационно-правовая система «Консультант Плюс», 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141654/ (дата обращения: 20.06.2018).

Group (BCG), в России проживает 180 000 долларовых миллионеров, из них число ультрамиллионеров с состоянием более 100 млн долл. составляет 328 человек. С такими показателями мы были на 13-м месте в мире среди стран с наибольшим числом миллионеров (2012 г.). Небезынтересным, вероятно, будет понаблюдать за динамикой роста числа долларовых миллиардеров в РФ за анализируемый период (рис. 1).

Так, согласно данным журнала Forbs¹, в 2000 г. не было ни одного россиянина, имевшего такой доход. А вот в 2018 г. их стало уже 102 человека, что в целом сопоставимо с ростом главного макроэкономического показателя страны — валовой внутренней продукт — в 12,6 раза (2001 г. по отношению к 2018 г.).

Конечно, заработные платы федеральных государственных служащих куда скромнее, но тоже вызывают недоумение. Согласно декларации о доходах, один из самых «бедных» министров в российском правительстве получает зарплату в 443 250 руб./мес. (по данным за 2016 г.), а один из самых богатых министров — 1 729 000 руб./мес.², имея при этом годовой доход 20 млн 748 тыс. руб., что в 1716 раз превышает среднюю назначенную пенсию в России (12 089,8 руб. в 2016 г.).

До сих пор остается не совсем понятным расчет средних значений по стране. Вернее, всем понятно, как рассчитывается «средняя температура по больнице», непонятно — зачем. Ведь подобные расчеты ничего не дают. Например, если взять заработную плату какого-нибудь министра и сложить ее с заработной платой уборщицы, то в среднем они получают по несколько миллионов в год. Официальная статистика также не фиксирует значительных изменений между доходами 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения при расчете коэффициента

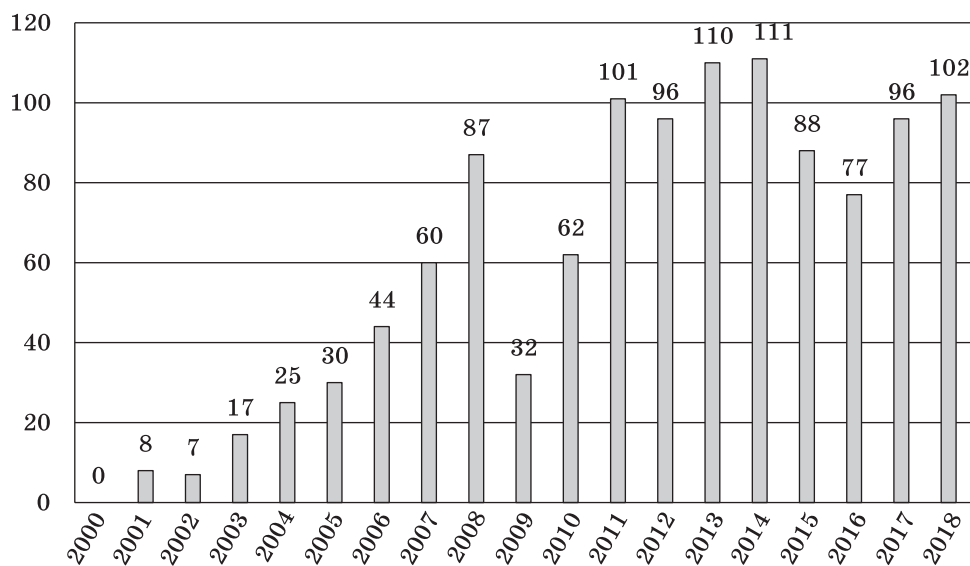


Рис. 1. Динамика роста числа долларовых миллиардеров в Российской Федерации, чел.
Fig. 1. Dynamics of growth of number of dollar billionaires in the Russian Federation, persons

¹<http://www.forbes.ru>.

²Издательский дом «Аргументы и Факты» / Рейтинг зарплат российских министров в 2016 году. Инфографика, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/infographics/reiting_zarplat_rossijskih_ministrov_v_2016_godu_infografika (дата обращения: 20.07.2018).

дифференциации доходов (коэффициент Джини вырос всего на 10% за 17 лет), что наталкивает на глубокие сомнения в достоверности полученных данных. В этой связи при разгадке «статистических фокусов» остается только гадать: то ли наши министры не попадают под категорию «население России», то ли их денежные доходы не попадают под статистический учет.

Очевидно, что сегодняшний статистический учет и выявление средних арифметических значений является анахроничным и требует внесения существенных корректив. Например, было бы более правильным вести повсеместный учет по профессиям, специальностям, категориям работников, занимаемым должностям и проч. В таком случае ситуация была бы более правдоподобной и отражала бы реальную действительность: средняя заработная плата в стране в целом у генерального директора, уборщицы, начальника отдела и т.д. такая-то. А разница в уровнях зарплат отражала бы специфику и особенности каждого из 85 регионов страны.

Для решения проблем с дифференциацией доходов ранее правительством и президентом уже были приняты соответствующие решения, которые накладывают ограничения в 5 раз между уровнями дохода в организации, т.е. руководитель предприятия не может получать заработную плату, более чем в 5 раз превышающую среднемесячную заработную плату на данном предприятии. К сожалению, это положение в большинстве случаев не выполняется. Дело в том, что руководством страны были приняты решения, но они не были вписаны в систему наказания за их неисполнение (никакого серьезного наказания в российском законодательстве за это не предусмотрено). Именно поэтому данная норма не работает, чем и пользуются нечистоплотные руководители.

Болевые точки и социальные проблемы общества не принято «высвечивать». Но и молчать об этом нельзя. Сегодняшние пенсии наших людей выглядят просто неприличными. Из 85 субъектов РФ лишь в 9 назначенная пенсия соответствует двум прожиточным минимумам, у остальных меньше 2 ВМП (по данным на 2016 г.: Ненецкий автономный округ — 24 388 руб./мес., Мурманская область — 22 057, Тюменская область — 21 235, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — 23 798, Ямало-Ненецкий автономный округ — 23 805, Республика Саха (Якутия) — 22 054, Камчатский край — 24 314, Магаданская область — 24 719, Чукотский автономный округ — 27 568 рублей).

Думается, что ситуация с самой величиной прожиточного минимума иногда выгодна государству.

1. Чем меньше величина прожиточного минимума, тем меньше бюджетных ассигнований потребуются на решение социальных проблем и поддержку малообеспеченных граждан страны.
2. Чем ниже ВМП, тем меньше бедных в стране, т.е. формально они не будут считаться бедными (они будут выведены из-под черты бедности и не будут считаться нуждающимися в поддержке государства), тем самым снова экономятся бюджетные деньги.
3. Чем меньше наименований продуктов питания, входящих в потребительскую корзину, тем меньше ее стоимость, а значит опять экономия со стороны государства на социальных расходах.

Для повышения уровня и качества жизни населения, а также эффективности деятельности государственного аппарата необходимо «привязать» заработную плату в органах государственной власти к средней заработной плате в стране по всем отраслям экономики с той лишь разницей, что министр может получать, например, в 5 раз больше, чем все остальные его подчиненные. В таком случае будет иметь место социальная справедливость и одновременно появятся стимулы к работе в деле повышения эффективности и производительности труда всех работников.

Таким образом, проведенный анализ основных индикаторов уровня жизни населения в России с 2000 по 2017 г. позволяет заключить следующее. За анализируемые семнадцать лет уровень и качество жизни населения страны, к сожалению, фактически никак не изменились. Ни образ жизни россиян, ни качество предоставляемых услуг, ни профиль социальной стратификации, ни назначенная государством пенсия, ни величина прожиточного минимума не претерпели существенных и качественных изменений. В этой связи остается надежда, что прогрессивное развитие общественного сознания будет способствовать не только более глубокому пониманию сути происходящих социально-экономических и политических процессов в нашей стране, но и будет возведена в ранг бесспорных доминант ценность человеческого бытия. В результате стремление каждого россиянина прожить свою жизнь более достойно должно перерасти в требование к ответственным действиям со стороны всенародно выбираемой власти.

Литература

1. Белов В. И. Факторный анализ экономического роста России на современном этапе // Научные труды Северо-Западного института управления. 2012. Т. 3. № 2 (6). С. 8–26.
2. Белова О. А., Белов В. И. Компетентностный подход: проблемы реализации в современных российских условиях // Материалы научно-методической конференции Северо-Западного института управления. 2012. № 1. С. 86–94.

Об авторах:

Белов Валерий Игоревич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС, доцент кафедры экономики и управления ЛГУ им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; v.i.belov@bk.ru

Степанова Татьяна Владимировна, доцент Высшей школы сервиса и торговли Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; office.gscores@spbstu.ru

References

1. Belov V. I. The factorial analysis of economic growth of Russia at the present stage // Scientific works of North-West Institute of Management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2012. V. 3. N 2 (6). P. 8–26. (In rus)
2. Belova O. A., Belov V. I. Competence-based approach: realization problems in modern Russian conditions // Materials of a scientific and methodical conference of North-West Institute of Management [Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2012. N 1. P. 86–94. (In rus)

About the authors:

Valery I. Belov, Associate Professor of the Chair of Economics of the North-West Institute of Management of RANEPA, Associate Professor of the Chair of Economy and management of Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; v.i.belov@bk.ru

Tatyana V. Stepanova, Associate Professor of the Higher School of Service and Trade of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation); office.gscores@spbstu.ru

Экологическая политика в Свердловской области: проблема совершенствования инструментов

Фельдман М. А. *, Тимин А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Уральский институт управления РАНХиГС), Екатеринбург, Российская Федерация; *feldman-mih@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является анализ результатов деятельности органов государственной власти Свердловской области в сфере охраны окружающей среды.

Методы. Проанализированы отчеты о состоянии и об охране окружающей среды в Свердловской области с 2003 по 2016 гг. с использованием системного подхода.

Результаты. Выявлено, что динамика снижения загрязнения окружающей среды возрастает, по обращению с отходами положительная динамика отсутствует. При этом из-за недостаточного количества затрат и неполноценного использования инструментов уровень экологической напряженности в области остается высоким.

Научная новизна. Дана оценка различных направлений экологической политики Свердловской области: определена степень эффективности существующих инструментов, разработаны рекомендации по внедрению новых.

Ключевые слова: обращение с отходами, выбросы в атмосферный воздух, экологические проверки, затраты на охрану окружающей среды, государственно-частное партнерство

Ecological Policy in the Sverdlovsk Region: Problem of Improving Instruments

Feldman M. A. *, Timin A. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ural Institute of Management of RANEP), Ekaterinburg, Russian Federation; *feldman-mih@yandex.ru

ABSTRACT

Goal. Analysis of the results of working by regional authorities in the field of ecology.

Methods. Based on systemic approach to analyze the annual reports on the state of the environment 2003–2016.

Results. Revealed that dynamics of decline of pollution of the environment is increases, for waste management positive dynamics is absent. In addition, because of low cost and inadequate use of instruments the level of environmental tension remains high.

Scientific novelty. The estimation of different directions of ecological policy: degree of effectiveness of instruments, recommendations for the introduction of new.

Keywords: waste management, air emissions, ecological audits, costs for ecological protection, public private partnership

Введение

Охрана окружающей среды является одним из важнейших направлений деятельности государственных органов в Свердловской области. По оценке Всероссийской общественной организации «Зеленый патруль» Свердловская область занимает предпоследнее, 84-е место в экологическом рейтинге субъектов Российской Федерации¹.

¹ Экологический рейтинг субъектов Российской Федерации: Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль». Официальный сайт. URL: <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=338&sid=2102> (дата обращения: 20.05.2018).

Концепция экологической безопасности Свердловской области на период до 2020 г. дает весьма критическую оценку положения дел в регионе. В документе отмечается, что состояние окружающей среды Свердловской области определяется спецификой ее развития, характерной для многих старопромышленных регионов России:

- 1) высокой техногенной нагрузкой, обусловленной чрезмерной концентрацией производства, включая преимущественно экологически опасное производство;
- 2) долговременным и непрерывным негативным воздействием на природные комплексы, вызвавшим резкое сокращение природно-ресурсного потенциала, а в некоторых случаях — их деградацию;
- 3) использованием устаревших технологий и оборудования, высокой ресурсо- и энергоемкостью производства, повлекшими накопление значительного количества отходов, загрязнение почв, воздушного и водного бассейнов, сокращение биологического разнообразия, ухудшение качества окружающей среды¹.

В связи с этим серьезные экологические риски возникают, прежде всего, в следующих сферах: обращение с промышленными отходами; охрана атмосферного воздуха; охрана недр и водных объектов.

Целью статьи является анализ результатов экологической политики, определение эффективности инструментов и выработка мер по совершенствованию инструментов.

Анализ результатов экологической политики

Ежегодные государственные доклады о состоянии и охране окружающей среды Свердловской области позволяют сделать выводы о динамике проблем и эффективности экологической политики в регионе на протяжении 2003–2016 гг.

Специфические факторы развития Свердловской области обуславливают неблагоприятное качество окружающей среды, повышенный риск возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера, деградацию природных комплексов, создают угрозу экологической безопасности области. Эти факторы привели к тому, что в пяти крупнейших городах уровень загрязнения воздуха признан высоким и повышенным².

Как видно из табл. 1, с 2003 г. объем выбросов в атмосферный воздух сократился на 26%. Наиболее важным фактором для нас является сокращение выбросов от стационарных источников на 31%. Отчасти такое сокращение является следствием экономических кризисов последних лет, которые обусловили уменьшение объемов выработки электроэнергии, расхода топлива, объемов производства на ряде предприятий и снижение покупательной способности граждан. Увеличение темпов снижения выбросов произошло благодаря реконструкции и модернизации производства, проведению природоохранных мероприятий, многие из которых состоялись в рамках социального партнерства. Снижение объемов выбросов от автотранспорта обусловлено экономическими кризисами и развитием «чистых» технологий в автомобилестроении.

Данные таблицы свидетельствуют: *объем сброса загрязненных сточных вод постепенно уменьшается*. За 13 лет он сократился на 29%, помимо эффективно реализуемой программы это объясняется сокращением общего объема использования воды (с 2010 г. объем использованной воды сократился на 19%), общий забор воды также сократился. Снижение забора водных ресурсов обусловлено экономным использованием водных ресурсов в связи с нарастающим истощением

¹ Концепция экологической безопасности Свердловской области на период до 2020 г.: Постановление Правительства Свердловской области от 28 июля 2009 г. № 865–ПП. В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

² Концепция экологической безопасности Свердловской области на период до 2020 г.

**Динамика основных показателей загрязнения окружающей среды
в Свердловской области**

Table 1. Dynamics of key indicators of environmental pollution in Sverdlovsk Region

Наименование показателя	Единица измерения	2003	2010	2015	2016	2016 к 2003, %
Объем выброса загрязняющих веществ в атмосферный воздух, в том числе:	тыс. т	1786	1638	1402	1334	74
от стационарных источников	тыс. т	1310	1195	983	906	69
от автотранспорта	тыс. т	487	442	418	428	88
Объем сброса загрязненных сточных вод	млн м ³	869	763	660	616	71
Объем размещения отходов производства и потребления	млн т	100	108	101	100	100
Число случаев чрезвычайных ситуаций	—	37	4	5	3	8
Объем забора воды	млн м ³	—	1440	1198	1163	81
Доля использования отходов производства относительно объема их образования	%	44,9	41,7	46,6	44,9	100
Доля площади области, занятой особо охраняемыми природными территориями	%	6,2	6,99	7,44	6,69	107

Источники: Концепция экологической безопасности Свердловской области на период до 2020 г.; О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2010 г.: Государственный доклад. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: <http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti> (дата обращения: 04.03.2018); О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2015 г.: Государственный доклад. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: <http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti> (дата обращения: 04.03.2018); О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2016 г.: Государственный доклад. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: <http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti> (дата обращения: 04.03.2018).

многих водных объектов области. Также улучшение данного показателя обязано модернизации аэрационной станции и строительству очистных сооружений совместно с предприятиями.

В Свердловской области эксплуатируются 128 водохранилищ объемом более 1 млн м³ с суммарным объемом 2,26 км³, в том числе 39 водохранилищ объемом более 10 млн м³, из них 7 водохранилищ объемом более 100 млн м³. При этом значительная часть их используется одновременно для хозяйственно-питьевого водоснабжения и в качестве приемников сточных вод различного происхождения¹.

¹ Там же.

В силу длительного воздействия техногенных факторов большинство поверхностных источников вблизи Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Каменска-Уральского имеют высокую степень загрязнения, носящего хронический характер, по содержанию металлов, нефтепродуктов, бактериальной загрязненности. Аналогичные проблемы характерны практически для всех рек, протекающих через индустриально развитые районы области и крупные промышленные города, что соответственно определяет ограничение возможности по использованию водных ресурсов рек и расположенных на них водохранилищ¹.

При рассмотрении показателей объем размещения отходов производства и потребления, и доля использования отходов производства относительно объема их образования можно увидеть, что за 14 лет положение не изменилось, а *прирост отходов продолжается*. А эта проблема требует первоочередного решения, например, такого опасного вида отходов, как красные шламы, накоплено в хранилищах уже 137 млн т, и каждый год образуется еще до трех миллионов тонн опасных отходов, которые отравляют окрестные земли и подземные воды и это только одно направление в данной сфере². Мы можем выделить основные причины неэффективности государственной политики в сфере обращения с отходами.

1. Низкая рентабельность мусороперерабатывающих предприятий. Неэффективность программ поддержки.
2. Отсутствие инвестиций в этой сфере в связи с экономическим кризисом и неэффективной инвестиционной политикой.
3. Нестабильность законодательства. Постоянно вносятся поправки, которые не являются нормами прямого действия, и для того чтобы они начали работать, необходимо принять большое количество подзаконных актов, которых долгое время нет, поэтому у предприятий возникают большие проблемы по организации своей природоохранной деятельности [1, с. 4].
4. Низкие штрафы за нарушение правил обращения с отходами и хранение большого количества отходов. Сегодняшние суммы не только не мотивируют предприятия начать перерабатывать отходы производства, но и не ведут к снижению прироста отходов, а в такой ситуации никакие проекты по переработке не смогут переломить ситуацию.

Особенно сложная ситуация возникает у предприятий, обеспечивающих обращение с твердыми коммунальными отходами. За безопасное обращение с ТКО отвечали по ранее действующему законодательству муниципалитеты. Сейчас полномочия по обращению с ТКО переданы субъектам федерации, но практически в организации этой деятельности ничего не изменилось. Ситуация с полигонами в Свердловской области продолжает оставаться напряженной. *Около 30% действующих полигонов не имеет надлежащим образом оформленных документов*: нет землеотводов, проектной документации, полигоны не включены в федеральный реестр объектов размещения отходов и т. д. В целом ситуация с отходами очень серьезная. По количеству накопленных отходов Свердловская область занимает третье место в стране, здесь размещено **более 9 млрд т отходов**. Они представляют опасность как для окружающих земель, так и для подземных вод [1, с. 9].

Доля площади области, занятой особо охраняемыми природными территориями, возросла на 7% за 13 лет. Прирост мог бы быть еще больше, но повлияло законодательство. В федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» были внесены изменения, согласно которым лечебно-оздоровительные местности и курорты исключены из категорий особо охраняемых природных территорий.

¹ Там же.

² Ошуркова И. О. Поставили на красное // Российская газета. Экономика УРФО № 7472 (9) 2018 г. С. 1.

Анализ механизма экологических проверок и динамики нарушений

Традиционно, важным инструментом регулирования природоохранной деятельности были *проверки*, организуемые областным Министерством природных ресурсов и экологии.

Анализ данных табл. 2 показывает, что количество проверок Министерством природных ресурсов и экологии за семь лет увеличилось почти в 4,5 раза. Такие меры действительно необходимы, так как экологическая обстановка в Свердловской области стабильно негативная и основные загрязнения исходят от промышленных предприятий. При этом показатель выявленных нарушений увеличился на 210%, чем доказывается: увеличение количества проверок дало определенный *положительный* результат.

Показатели выявленных нарушений в области охраны атмосферного воздуха и водного законодательства увеличились на 158% и 186% соответственно. Можно предположить, что такая активизация контрольной деятельности была одной из причин снижения негативного воздействия на природу и будет мотивацией для участия предприятий в природоохранных проектах.

Наибольшее количество нарушений выявлено в сфере обращения с отходами, с 2010 г. этот показатель увеличился на 583%. Увеличив активность проверок, государственные органы обнаружили, что большая часть сферы обращения с отходами существует вне правового пространства [1, с. 7]. Криминализация этой сферы характерна для многих регионов России, однако, неэффективное государственное регулирование этой сферы и те факторы, о которых мы писали выше, определили ее сегодняшнее состояние.

Таблица 2

Динамика проверок Министерства природных ресурсов Свердловской области в 2010–2016 гг.

Table 2. Dynamics of checks of the Ministry of natural resources of Sverdlovsk Region in 2010–2016

Показатели контрольной деятельности	2010	2013	2016	2016 к 2010, %
Проведено проверок	180	763	803	446
Выявлено нарушений	450	1842	1395	310
в том числе:	131	386	339	258
в области охраны атмосферного воздуха				
водного законодательства	46	82	132	286
в области обращения с отходами	60	828	410	683
в области ООПТ	17	95	24	141
в области законодательства РФ о недрах	—	58	195	336
прочее	75	393	295	393
Выдано предписаний	431	1692	1276	296

Источники: О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2010 г.; О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2013 г.: Государственный доклад. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: <http://www.mprso.ru/gosudarstvennye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushejsredy-sverdlovskoi-oblasti> (дата обращения: 04.03.2018); О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2016 г.

Эффективность проверок и выявленных нарушений во многом определяется выданными предписаниями. За шесть лет количество выданных предписаний возросло на 196%, что несколько отстает от динамики выявленных нарушений, но, все же, позволяет достаточно полноценно государственным проверкам выполнять контролируемую функцию.

С другой стороны, *масштаб увеличения количества проверок не коррелируется со снижением выбросов*, т.е. регулируемую функцию этот инструмент выполняет недостаточно. Причиной такой неэффективности выступает *незначительная сумма среднего штрафа*, которая не позволяет повлиять даже на относительно небольшое предприятие.

Анализ затрат на экологию и определение экономической эффективности инструментов

Как показывают данные табл. 3, суммарные затраты на охрану окружающей среды за семь лет увеличились на 55%. Это является положительной тенденцией, но необходимо учитывать, что уровень инфляции за это время составил 48,79%. Это практически нивелирует повышение затрат, однако, избежать снижения затрат вследствие экономического кризиса помогли такие факторы, как увеличение количества выявленных нарушений природоохранного законодательства и реализация крупных проектов в рамках государственно-частного партнерства.

Главной проблемой является тот факт, что на протяжении длительного периода стоимость улучшения экологии — на порядок меньше суммарных затрат на охрану окружающей среды. В этой связи, расходование затрат следует поставить в жесткую зависимость от величины предполагаемого улучшения экологии. В анализируемом периоде затраты на улучшение экологии растут медленнее суммарных затрат в 6,9 раз.

Затраты необходимо увеличить значительно больше, и чтобы выявить основные барьеры этого повышения, необходимо проанализировать структуру этих затрат. Наибольший удельный вес в структуре текущих затрат на охрану окружающей среды принадлежит текущим затратам на сбор и очистку сточных вод (42,4%), на втором месте — текущие затраты на обращение с отходами (32,6%), также значительный вес имеют текущие затраты на охрану атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата (19,5%), на остальные направления деятельности приходится 5,5%. Эти доли говорят о наиболее острых проблемах, на которых экономика области теряет деньги. Во многом на решение этих проблем направлены проекты, осуществляемые в рамках социального партнерства.

Данные табл. 3 позволяют сделать вывод о том, что динамика показателей негативного воздействия на окружающую среду свидетельствует не столько о росте загрязнений, сколько о *низкой эффективности мотивации предприятий ликвидировать экологический ущерб и соблюдать природоохранное законодательство*.

Как показывают данные табл. 3, за период 2010–2016 гг. сумма наложенных штрафов за нарушение природоохранного законодательства (по административным нарушениям) в регионе увеличилась на 410%. Однако суммы взысканных штрафов с текущими затратами на окружающую среду в сотни раз меньше расходов на организацию экологической деятельности. Так, в 2016 г. штрафов наложено на сумму в 32 млн руб., а на текущие расходы ушло 16 млрд. *Сумма полученных со штрафов средств в 500 раз меньше текущих расходов*. Таким образом, данный инструмент не является эффективным и с точки зрения компенсации нанесенного ущерба, а его регулирующее воздействие остается незначительным.

Суммарные затраты и ущерб охраны окружающей среды
 Table 3. Total expenses and damage of environmental protection

Показатели контрольной деятельности	2010	2013	2016	2016 к 2010, %
Суммарные затраты на охрану окружающей среды (млрд руб.)*	13	18,1	20,2	155
Стоимость улучшения экологии (млрд руб.)**	2,4	2,9	2,6	108
Ущерб окружающей среде (млрд руб.)***	10,047	14,1	16,46	163
Сумма наложенных штрафов за нарушение природоохранного законодательства (по административным нарушениям) (тыс. руб.)	6333	23 573	32 353	510
Взыскано административных штрафов (тыс. руб.)	2481	13 321	13 309	536%
Плата за пользование природными ресурсами (недра, леса, негативное воздействие на окружающую среду) (млн руб.)	730	641	785	107
Плата за негативное воздействие на окружающую среду (млн руб.)	—	396	510	56
Пользование недрами (млн руб.)	—	36,6	16,9	36
Использование лесов (млн руб.)	—	213	258	161
Поступление платы за негативное воздействие на окружающую среду (включает такие среды: вода, воздух, отходы) (млн руб.)	980	989	1275	130%

Источники: О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2010 г.; О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2013 г.; О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2016 г.

*природоохранные инвестиции, текущие затраты и затраты на капитальный ремонт.

**использовано на новое строительство, расширение и реконструкцию природоохранных объектов.

*** показатель текущие затраты.

Заметим, что с 2011 г. сумма платы за пользование недрами снизилась на 64%, а за использование лесов повысилась на 61%¹. Такая ситуация объясняется значительными изменениями в налоговом законодательстве, которые оставляют в привилегированном положении отрасли, добывающие полезные ископаемые.

Плата за использование водных объектов в соответствии с законом поступает в Федеральный бюджет и постоянно растет: в 2016 г. сумма составила 167,3 млн

¹ О состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в 2011 году: Государственный доклад. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области. URL: <http://www.mprso.ru/gosudarstvennyye-doklady-o-sostoyanii-i-ob-ohrane-okruzhaiushei-sredy-sverdlovskoi-oblasti> (дата обращения: 04.03.2018).

руб., с 2011 г. она возросла на 13%. Увеличение платы необходимо, так как размер платы за негативное воздействие на окружающую среду на порядок ниже величины ущерба окружающей среде, а это, учитывая крайне негативное состояние многих природных объектов в области, может привести к критическим последствиям для природной среды.

На сегодняшний день единственными инструментами получения денег для бюджета в рамках экологической политики являются штрафы и плата за негативное воздействие, а значит, экономическую эффективность мы можем определить, сравнив полученные деньги, количество проверок и стоимость ущерба окружающей среде. На сегодняшний день мы не можем говорить о росте экономической эффективности, так как с 2010 по 2016 г. сумма штрафов увеличилась, с учетом инфляции, на 265%, в то время как количество проверок возросло на 346%. Таким образом, сумма, полученная с одной проверки в 2010 г., составляет 35 тыс. руб., а в 2016 с учетом инфляции — 21 тыс. руб. Это говорит о том, что экономическая эффективность этого инструмента снизилась на 40%. Соотношение стоимости ущерба окружающей среде и платы за негативное воздействие уменьшилось в 3 раза: в 2010 г. стоимость ущерба окружающей среде была в 1500 раз больше, а в 2016 — только в 500 раз. Ситуация несколько улучшилась, однако, об экономической эффективности говорить пока нельзя. Таким образом, увеличение количества проверок не помогло ни компенсировать ущерб экологии, ни получить значительный прирост средств на улучшение экологии.

Выводы и рекомендации

В целом представленные данные позволяют сделать выводы об определенной результативности основных сфер экологической политики последних лет. Мы видим позитивные изменения в виде снижения количества выбросов в атмосферный воздух и выбросов грязных сточных вод, однако, это результат не только экологической политики области, но и других факторов. Достижением можно назвать глобальное снижение количества чрезвычайных ситуаций, которое стало возможным вследствие повышения количества проверок и выявленных нарушений. Это также отразилось на активности предприятий в природоохранных проектах. В снижении негативного воздействия мы видим результаты развития механизмов социального партнерства.

Большим недостатком является низкая эффективность политики в сферах обращения с отходами и ликвидации накопленного экологического ущерба. Об этом свидетельствует огромное количество выявляемых нарушений и неизменность показателей, характеризующих прирост отходов.

Увеличение количества проверок не приносит сегодня соотносимых по масштабам результатов. Во-первых, это связано с не мотивирующими суммами штрафов. Во-вторых, с отсутствием эффективного механизма общественного контроля. Сегодня у общественных организаций критически не хватает прав для проверки предприятий, нет законченного перечня видов общественных объединений, уполномоченных на проведение контроля, и перечня организаций, которые могут быть проверены, сами полномочия по контролю сформулированы абстрактно и фактически любое предприятие может законно не допустить проведения общественной экспертизы.

Проблемой является недостаток суммарных затрат на охрану окружающей среды. Повышение количества выявленных нарушений и социальное партнерство увеличили эту сумму, однако она все равно недостаточна. Причины этой проблемы в том, что существующие нормативы платы за негативное воздействие слишком незначительны и не сравнимы с причиняемым вредом, а сумма среднего штрафа для предприятия слишком мала для того, чтобы мотивировать его к экологизации производства.

Для решения наиболее острых проблем необходимо значительно повысить штрафы и плату за негативные воздействия, чтобы взимаемые средства соотносились с причиненным ущербом, при этом для поддержания экологически ответственных предприятий необходимо развивать механизм социального партнерства и законодательно ввести новые инструменты экономической поддержки предприятий. Также необходимо дать общественным организациям реальные права для проведения проверок предприятий. Эта мера поможет сэкономить государственные ресурсы, повысит информированность органов власти и обеспечит общественное участие в экологической политике.

Для совершенствования эффективности инструментов регулирования экологической политики в регионе мы предлагаем.

1. По примеру Челябинской области разработать и ввести в Свердловской области комплексную программу снижения вредного воздействия на экологию, с моделями экологического развития для всех городов региона с высоким уровнем загрязнения атмосферы. Данный документ должен разрабатываться межведомственной рабочей группой, в которую войдут представители Министерства природных ресурсов, Министерства энергетики и Министерства промышленности РФ, и он должен консолидировать усилия федеральных контрольно-надзорных органов, региональных и местных властей для улучшения качества окружающей среды.
2. Разработать совместно с Министерством природных ресурсов РФ дорожную карту мероприятий по масштабному экологическому оздоровлению муниципальных образований, где основой документа должен стать сформированный план улучшения экологической ситуации, с установлением жестких сроков: например, снижение за 2–3 года общего объема выбросов в атмосферу на 30–40%.
3. Провести ускоренную проверку ранее утвержденных нормативов предельно допустимых выбросов для промышленных предприятий региона на предмет завышения нормативов с учетом данных о влиянии факторов загрязнения на здоровье населения и состоянии объектов природной среды.
4. Выстроить конструктивные отношения с предпринимателями на основе предоставления льгот по налогу на движимое имущество для предприятий, снизивших негативное влияние на окружающую среду. Для использования этого инструмента необходимо разработать и принять областной закон, по примеру закона Челябинской области «Об экологической совести»¹.
5. Создать региональный экологический банк для финансирования новой системы обращения с отходами и ликвидации источников накопленного экологического ущерба. На этот банк будет возложено финансирование проектов в сфере экологии и устойчивого развития. Он будет формировать базу инвесторов и выпускать «зеленые» облигации².

Заключение

В статье проанализированы доклады о состоянии и об охране окружающей среды Свердловской области в динамике, определены результаты различных направлений экологической политики, выделены перспективные механизмы, рассмотрены наиболее эффективные инструменты. На основании анализа дан ряд

¹ *Файрузов А.* Депутаты Челябинской области рассмотрели законопроект об «Экологической совести» [Электронный ресурс] // Южноуральская Панорама 2018 г. URL: <https://up74.ru/articles/news/99134/> (дата обращения: 04.05.2018).

² *Березина Е.* В России хотя бы создать «зеленый» банк [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск № 7460 (294). 2017 г. URL: <https://rg.ru/2017/12/26/v-rossii-predlozhili-sozdat-bank-dlia-finansirovaniia-ekologicheskikh-proektov.html> (дата обращения: 04.05.2018).

рекомендаций по совершенствованию эффективности инструментов экологической политики.

Важность и актуальность совершенствования эффективности инструментов экологической политики подтвердил и Указ Президента № 204 от 7 мая 2018 г. В нем экология выступает одним из приоритетных направлений развития, а также ставятся задачи, выполнить которые можно только при использовании более эффективных инструментов.

Литература

1. Пахальчак Г. Ю. Государство, требуя от предприятий выполнения природоохранных мероприятий, свои собственные обязанности не торопится выполнять // Дискуссия. 2016. № 7 (70). С. 6–12.

Об авторах:

Фельдман Михаил Аркадьевич, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления — филиала РАНХиГС (Екатеринбург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; feldman-mih@yandex.ru

Тимин Артем Андреевич, студент магистратуры Уральского института управления — филиала РАНХиГС (Екатеринбург, Российская Федерация); timinartem@mail.ru

References

1. Pakhalchak G. Yu. The state, demanding from the enterprises of performance of nature protection actions, does not hurry to carry out own duties // Discussion [Diskussiya]. 2016. N 7 (70). P. 6–12. (In rus)

About the authors:

Mihail A. Feldman, Professor of the Chair of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute of Management of RANEPА (Ekaterinburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; feldman-mih@yandex.ru;

Artem A. Timin, student of a magistracy of the Ural Institute of Management of RANEPА (Ekaterinburg, Russian Federation); timinartem@mail.ru

Идеологический компонент концепта «сильное государство»

Белов Л. П.

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

² ООО «Гелиос», Санкт-Петербург, Российская Федерация; leomonolit@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Автор статьи предпринимает попытку определить с политологических позиций роль идеологического компонента в разворачивающейся научной дискуссии в рамках концептуализации сильного государства. Используя методы дискурс-анализа и сравнительного подхода, он обосновывает выводы о том, что масштабный плюрализм трактовок сильного государства как общественного феномена в рамках общественно-политического дискурса обусловлен, в первую очередь, идейными позициями авторов. Во-вторых, идеологические разночтения аргументации в пользу сильного государства таят в себе опасность уклона дискуссии о сильном государстве в политико-манипуляционную сторону в пользу существующего социально-политического статус-кво; наконец, в-третьих, концентрация экспертно-научного сообщества и общественности на идеологических разногласиях по поводу сильного государства тормозит объективный научный анализ оснований и эффективности современного сильного государства в современных условиях.

Ключевые слова: сильное государство, национальная идея, традиционализм, государственная идеология, ценностные основания государства, политический дискурс, идейно-нравственные традиции и ценности, модернизация

The Ideological Component of the Concept “Power State”

Belov L. P.

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation

^b LLC “Gelios”, Saint-Petersburg, Russian Federation; leomonolit@yandex.ru

ABSTRACT

The author of the article makes an attempt to determine the role of the ideological component in the unfolding scientific discussion in the context of the conceptualization of a power state from the political standpoint. Using the methods of discourse analysis and comparative approach, he substantiates the conclusions that the large-scale pluralism of interpretations of a power state as a public phenomenon within the framework of socio-political discourse is due, first of all, to the ideological positions of the authors. Secondly, the ideological differences of reasoning in favor of a power state conceal the danger of deviating from the discussion of a power state in the political-manipulative side in favor of the existing socio-political status quo; Finally, thirdly, the concentration of the expert-scientific community and the public on ideological differences over a power state is hampered by an objective scientific analysis of the foundations and effectiveness of a modern power state in modern conditions.

Keywords: power state, national idea, traditionalism, state ideology, state's value bases, political discourse, ideological and moral traditions and values, modernization

По мере того как с начала текущего столетия в России набирает силу процесс укрепления институтов отечественной государственности, перед современной политической наукой возникает необходимость теоретического анализа новых проблем развития государства и общества в условиях XXI в. Исключительная роль государ-

ствоцентричной парадигмы в историческом развитии России, итоги эволюции государственного устройства страны в постсоветский период и происходящие в настоящее время глобальные изменения мировой политической системы стимулируют научный поиск перспектив развития национальной государственности. В этом смысле вполне закономерна актуализация идеи и концепта сильного государства как своего рода гаранта общественного прогресса [24; 25].

При этом на первый план выступают две важные особенности многочисленных трактовок сильного государства в современном отечественном теоретико-политическом дискурсе: концептуальный плюрализм в трактовке сильного государства [38] и их бросающийся в глаза идеологический подтекст. Последний, собственно, и является предметом настоящей статьи.

Хочется сразу сделать оговорку принципиального плана: концептуализация сильного государства не входит в задачу настоящей статьи. Но вряд ли было бы правильным при рассмотрении идейно-теоретических оснований такого сложного феномена, как современное сильное государство, устраниваться от представления о его сущности. Строго говоря, разработанной и общепринятой концепции сильного государства пока еще не существует: в истории отечественной политико-правовой мысли идея сильного государства материализуется через понятия национального, правового, монархического, демократического, народного, православного, имперского социалистического, федеративного и т. п. [3; 27; 33; 44; 45 и др.]. Подобная многозначность характеристик российского государства существенно затрудняет концептуализацию сильного государства, и она же во многом определяет ее зависимость от мировоззренческих и методологических позиций исследователей данного феномена. Именно с этой ситуацией связан основной мотив выбора предмета настоящей статьи. В отсутствие общественно-политического консенсуса по поводу характеристики сильного государства важно обозначить исходное представление о сильном государстве: для нас в данном случае это государство, обладающее по крайней мере двумя важнейшими свойствами: обеспечения государственного суверенитета страны и устойчивого развития страны в интересах всех своих граждан.

В настоящее время сама идея и концепт сильного государства находятся в центре политического дискурса. Первая диссертация еще в СССР по проблеме сильного государства была написана по итогам сравнительного анализа успешного исторического опыта Пятой республики в послевоенной Франции [5]. В современной России эту тему затрагивают в той или иной степени представители практически всего общественно-политического спектра страны, но теперь уже она исследуется преимущественно с позиций укрепления государственного суверенитета и факторов обеспечения стабильного и устойчивого развития страны.

Первоначальный анализ многочисленных публикаций по проблематике сильного государства позволяет сразу выявить наиболее часто встречаемые атрибуты сильного государства. В первую очередь речь идет о силовом потенциале, как его важнейшей характеристике. Именно сила лежит в основе так называемой «мифологии сильного государства», причем эта характеристика часто трактуется современными отечественными и зарубежными авторами порой противоположным образом. «Сильное государство, — пишет в своей статье М. Абрамова, — это сильная школа; сильное государство — это сильный президент; сильное государство — это сильный народ; сильное государство — это сильный бизнес; сильное государство — это сильное гражданское общество» [1, с. 97]. Автор делает при этом весьма существенную оговорку: она справедливо относит подобную трактовку сильного государства больше к мифологии, которая уже сложилась, на ее взгляд,

вокруг самой идеи сильного государства. Эта оговорка носит, на наш взгляд, принципиальный характер и позволяет формулировать некоторую исследовательскую гипотезу: в данной статье автор стремится исходить из обоснования различий между мифологической стороной обсуждаемой доктрины и ее объективизацией с позиций научного анализа [49].

Одна из наиболее распространенных в отечественном политическом дискурсе трактовок концепции сильного государства прямо исходит из необходимости наличия в таком государстве государственной идеологии, направленной на защиту национальной безопасности [1, с. 92]. Исходя из этой трактовки сильного государства, предлагается закрепить законодательно необходимость наличия в России собственной идеологии, «отразив в ней цели своей промышленной и сельскохозяйственной политики, опираясь на наследие национальных мыслителей» [1, с. 92]. Это достаточно распространенная позиция в политологическом сообществе и на ней следует остановиться подробнее. Полагаем, что здесь возникают сразу две оппозиции высказанному выше взгляду относительно сильного государства: подобный подход оставляет вне поля внимания исследователя такие вопросы, как конституционная (с позиций Конституции РФ 1993 г.) трактовка вопроса о государственной идеологии и, что особенно важно здесь — почему и каким образом идеология должна отражать цели промышленной и сельскохозяйственной политики?

Положения ст. 13 Конституции Российской Федерации, согласно которой никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, фактически с момента принятия Конституции РФ в 1993 г., стали предметом не прекращающейся дискуссии среди правоведов, политологов и политиков [2; 6; 7; 14; 15; 23; 30; 35 и др.].

В нашем случае важно выделить в содержании этой дискуссии несколько существенных моментов. Во-первых, четвертьвековые непрерывающиеся попытки выработать и сформулировать национальную идею России не привели к кому-либо общезначимому результату; во-вторых, с ментальной стороны сильное государство можно понимать и как некий фантомный образ, навеянный уходящей в историческое прошлое памятью об исторических победах и достижениях [36]; в-третьих, государственную идеологию часто понимают в современном политическом дискурсе как своеобразную концепцию государственной политики России в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Что касается первого обстоятельства, весь постсоветский период политический класс России, включая многих политических теоретиков и политиков, предпринимал значительные усилия для определения отечественной национальной идеи и выработки национальной идеологии. Но в итоге в большинстве случаев все сводится к следующему суждению: эту идеологию не надо придумывать заново: ее основы видятся большинству адептов российской идеологии в работах известных отечественных мыслителей позапрошлого и прошлого веков [8; 44–46 и др.].

Для сторонников подобной позиции типичным образом является формула: «государственная идеология в России всегда была основана на вековых традициях, на любви к своей стране, на готовности к самопожертвованию во имя будущего, во имя независимости и свободы народа государства» [16, с. 113]. Во втором случае, речь может идти о чисто российском восприятии сильного государства как наследника славных исторических достижений отечественной державы. Так уж вышло, что в последние годы, с проблематикой сильного государства в общественно-политическом пространстве, в первую очередь в массмедиа, теснейшим образом связаны понятия патриотизма, державности, особого исторического пути России и т. п. В этом плане важно обратить внимание на тревожную, с наших позиций, трактовку отдельных периодов и аспектов российской истории. Речь о стремлении не просто учитывать исторический опыт отечественной государственности, но и трактовать его в зави-

симости от актуальной политической конъюнктуры [10; 12; 24; 29; 33; 40; 42 и др.]. В силу чего в обыденном сознании сильное государство в России понимается все больше в силовом проявлении, связывается с сильным политическим лидерством, способностью дать отпор любой внешней угрозе.

Третья заметная позиция в идущей дискуссии по данной проблеме связывает воедино национальную идею, государственную идеологию и концепцию актуальной государственной политики России. Именно таким образом в 2012 г. был, например, презентован российскому экспертному сообществу проект Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (руководитель С.С. Сулакшин) «Национальная идея России: „Моя страна должна быть, и должна быть всегда!“», или «О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так». На более чем четырех тысячах страниц шеститомника была предпринята попытка создать проектным способом современную национальную идею России и государственную идеологию. Не замахиваясь на непосильный труд аналитического разбора этого массивного издания, отметим, однако, что сама попытка сформулировать содержание национальной идеи и национальных ценностей страны через механизм включения их в Конституцию страны, конечно, заслуживает, на наш взгляд, профессионального внимания экспертного сообщества. И прежде всего тем, что эта идея связана со стремлением интегративного представления нравственно-политических ценностей личности, гражданского сообщества и государства как определяющего конституционного и политического института [41]. В этом же плане можно трактовать и определенное совмещение двух важных смысловых понятий — национальной идеи и государственной идеологии. Впервые эта позиция была сформулирована В. Якуниным пятью годами ранее. В статье 2007 г. он, например, под идеологией (национальной идеей) понимает базовую общественную идею, принимаемую всеми слоями социума, проявляющуюся в открытой или латентной форме во всех сферах социального функционирования (экономике, политике, социальной изменчивости) [51, с. 10].

Существенным изъяном многих формулировок государственной идеологии является ее недостаточное нравственно-этическое обоснование. В противовес этому, отчетливо выделяется, например, стремление многих отечественных авторов, прежде всего правоведов, охарактеризовать современное отечественное сильное государство с помощью чисто нормативно-правовых и управленческих средств. Когда отечественные исследователи пишут, что «государственная идеология как любой общественный феномен имеет форму и содержание: форму представляют нормативно-правовые источники, а содержание — государственная политика» [1, с. 104], это скорее можно оценить как некоторое упрощение сложнейшей мировоззренческой проблемы социального целеполагания, причем как на индивидуальном, так и общественном и общегосударственном уровне. С этой точки зрения поэтому вполне понятно, что государствоведы-юристы часто связывают сильное государство с другой общеизвестной дефиницией — с правовым государством. Предполагается при этом, очевидно, что именно правовое государство может обеспечить высокую степень полноты реализации всех государственных функций [33; 39, с. 679–682].

Думается, что чисто правовыми инструментами, с позиций нормативного подхода к проблемам современной государственности вряд ли возможно объективным образом концептуализировать сильное государство. В настоящее время все большее значение приобретают политические основания развития современного государства. Неслучайно поэтому, например, в ряде новейших научных разработок отечественных государствоведов-юристов сильной стороной как раз является стремление избежать формально-упрощенческого подхода к анамнезу отечественного государства и перспектив его развития. Такой подход, по мнению авторов новейшей работы В.Я. Любаша и Н.В. Разуваева, основан на преувеличенном значении этнонациональной,

культурной и цивилизационной самобытности государства в ущерб его универсальным, общечеловеческим характеристикам [33, с. 3]. Не меньшее значение для политологического анализа проблемы сильного государства имеет и другое принципиальное замечание ученых-юристов о том, что нельзя игнорировать необратимость приобретаемых государством изменений. В противном случае это проявляется в «утопических призывах возродить некий национально или этнокультурно ориентированный «государственный идеал»... существовавший в более или менее отдаленном прошлом, а затем по непонятным причинам подвергшийся «порче» [33, с. 4]. В политической сфере доминирующая общественная идея лежит в основе того или иного государственного порядка и складывающейся системы властных отношений и именно этим объясняется растущий интерес политологов к проблеме сильного государства.

Эти рассуждения во многом подтверждаются содержанием многих отечественных публикаций, посвященных проблематике сильного государства. Доминирующей тенденцией этих работ выступает постоянная апелляция авторов к теоретическому наследию национально мыслящих отечественных ученых XIX — нач. XX в. [11; 12; 22; 26; 30–32; 34; 45–47 и др.]. При этом в рамках актуального политического дискурса весьма сильно представлена мысль о том, что современной западной неолберальной идеологии следует противопоставлять свою собственную, отечественную, что ее и придумывать не надо заново, не надо возвращать и коммунистическую идеологию. В этом плане вполне понятны идеологические первопричины столь заметных в отечественном политическом пространстве идеологических конструктов русского мира, неоевразийства, особого пути России. И все бы ничего в рамках постмодернистского идеологического разнообразия, но зачастую именно на базе таких идеологем конструируется сильное государство. Это приводит к предположению о том, что конструируемое таким образом российское сильное государство в реальности выступает лишь модернизированной версией широко известной идеи об особом историческом пути России [29; 37 и др.].

Выбор государственных целей, как известно, осуществляется на уровне идеологической самоидентификации. Инициирование в России в 1990-е годы процесса деидеологизации привело к выхолащиванию заодно с базовыми советскими идеологемами и ценностно-целевыми установкам самой государственности как таковой. Конституция Российской Федерации, декларируя запрет какой-либо государственной идеологии, провозглашает тем самым и отказ от целеполагания. Естественно, период укрепления и развития государственных институтов, начавшийся с приходом к руководству страной В. В. Путина, сопровождался ростом усилий в деле выработки новых политико-идеологических ориентиров.

Можно утверждать, что речь идет о взаимообусловленном процессе — укрепления государственности и обоснование ее идеологической составляющей. Для России это является давней исторической традицией (концепция Третьего Рима, формула «православие, самодержавие, народность», целевые коммунистические установки советского периода). В отечественной и зарубежной научно-политической литературе и публицистике многократно и всесторонне исследуются самые различные аспекты национально-государственной идентичности, отражающиеся в первую очередь в цивилизационно-исторической и культурно-ценностной специфике государств различного типа [15].

Политическая наука связывает эту проблему национально-гражданской идентификации непосредственно с различными идеологическими теориями и системами. Глобальные изменения, происходящие в мировом политическом процессе, сопровождаются конкуренцией, а то и открытым противоборством государств с различными системами целеполагания — от мирового либерального проекта (западный «свободный мир»), идей «Pax Americana», исламского мира и т. п. [48; 51]. В этом контексте ценностно-идеологические размежевания внутри российского общества и, прежде всего политического класса страны, отражают аналогичные процессы

в мировом сообществе. Сопрягаясь с ними, они образуют непростую идейно-ценностную атмосферу, воздействующую в том числе и на процесс научной концептуализации «сильного государства» в его российском варианте. Это является одной из основных причин постоянного интереса исследователей к анализу идеологических основ «сильного государства» и, очевидно, эта работа еще далека от завершения. На этом фоне преодоление, по выражению В. Якунина, «эклектической неопределенности» с целевым идеологическим выбором России является одной из актуальных задач экспертно-научного сообщества страны.

При всем многообразии подходов к характеристике сильного государства идеологический подход выступает одним из основных. Вопрос о политическом целеполагании в той или иной степени затрагивают многие отечественные авторы. И не только отечественные, разумеется. Ф. Фукуяма в своей работе 2009 г. «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI в.», излагая свое видение сильного государства в координатах существенно меняющихся геополитических реалий XXI в., в первую очередь демонстрирует последовательно развернутое нелиберальное видение этой проблемы. Но все это никак не мешает Фукуяме сделать свой основной вывод в этой работе: несостоявшиеся, слабые государства в наш век глобализации представляют для своих народов и всего мира гораздо большую угрозу, чем укрепление суверенных национальных государств, чем сильные государства. «Слабые, некомпетентные или несуществующие правительства, — пишет американский исследователь, — являются источником серьезных проблем, особенно в развивающемся мире» [48, с. 4]. Надо признать, что прагматический подход американского аналитика к характеристике дихотомии слабые государства — сильные государства, его рассуждения в русле критериев эффективности, функциональной полноценности государства демонстрируют его исследовательское мастерство учитывать существенные изменения политического и экономического статуса современного государства. В этой связи не стоит недооценивать признание Фукуямой спорным вопроса о том, действительно ли универсальны институты и ценности либерального Запада или они... всего лишь результат своеобразного культурного развития центральной части Северной Европы [48, с. 6].

Так или иначе, любая попытка определить воздействие идеологического компонента на концептуализацию современного сильного государства существенно усложняет поиск ответа на этот вопрос.

Если попытаться суммировать лишь наиболее определившиеся позиции относительно идеологической детерминанты современного сильного государства в рамках общественно-политического дискурса, то они могут быть сведены, с наших позиций, к следующим суждениям: во-первых, масштабный плюрализм трактовок сильного государства как общественного феномена в рамках общественно-политического дискурса обусловлен, в первую очередь, идейными позициями авторов. Во-вторых, идеологические разночтения аргументации в пользу сильного государства таят в себе опасность уклона дискуссии о сильном государстве в политико-манипуляционную сторону в пользу существующего социально-политического статус-кво; наконец, в-третьих, концентрация экспертно-научного сообщества и общественности на идеологических разногласиях по поводу сильного государства тормозит объективный научный анализ оснований и эффективности современного сильного государства в современных условиях.

Литература

1. *Абрамова М. Г.* Мифологема сильного государства и актуальные задачи государственной политики России // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 3. С. 97.

2. *Авакьян С. А.* Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 1. С. 3–17.
3. *Александров В. Б.* Русская социально-философская мысль: темы, идеи, традиции : монография. Изд. 2-е, доп. СПб. : СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2017.
4. *Аронсон О.* Силы ложного. Опыт неполитической демократии. М. : Фаланстер, 2017.
5. *Байзакова К. И.* Концепция «сильного государства» Мишеля Дебре и проблема конституционной реформы во Франции в 40–50-х годах XX века : автореф. дис. ... канд. ист. н. Ташкент, 1985.
6. *Белевская Ю. Ю.* Содержание понятия «сильное государство» // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 8. С. 293–297.
7. *Бердин А. Т.* Традиционализм как идеология альтернативы национализму // Социология. Экономика. Политика. 2015. № 4. С. 66–68.
8. *Бернацкий Г. Г.* Государственная идеология и сильное государство: история и современность // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права. Материалы II всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Трофимов. 2016. С. 14–20.
9. *Бернацкий Г. Г.* Сильное государство невозможно без идеологии // Ученые записки юридического факультета. 2013. № 31 (41). С. 9а–13.
10. *Васильев А. В.* Государство: исторические и современные аспекты понимания : лекция. М. : Изд-во РАГС, 2006.
11. *Ватыль В. Н., Ватыль Н. В.* Государственный идеал: концептуальная модель Н. Н. Алексева // ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 2. С. 43–52.
12. *Ватыль В. Н., Ватыль Н. В.* Сильное и эффективное государство: концептуальная модель И. А. Ильина // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 4. С. 110–133.
13. *Власть и политика: институционные вызовы XXI века.* Политическая наука. Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки / гл. ред. А. И. Соловьев. М. : РОССПЭН, 2012.
14. *Гаджиев К. С.* Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. 2018. № 3. С. 130–146.
15. *Гобозов И. А.* Государство и национальная идентичность : Глобализация или интернационализация? М. : УРСС, 2014.
16. *Государство и право: современное состояние, перспективы развития* // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117.
17. *Гришнова Е. Е.* Политический либерализм в России: уроки истории // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 63–67.
18. *Гуторов В. А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 4–28.
19. *Гуторов В. А.* К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. 2014. № 3. С. 91–110.
20. *Евгеньева Т. В., Селезнева А. В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. 2016. № 3. С. 25–39.
21. *Журавлев Д. В.* Проблема актуализации ценностных ориентиров в гибридных демократиях: российский пример // Вестник РУДН, серия Политология. 2016. № 3. С. 116–124.
22. *Зарубина Н. Н.* Историческая память как источник знаний о цивилизационной специфике России // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 52–64.
23. *Затонский В. А.* К вопросу о ценности государства и осуществляемого им правового регулирования: личные и социальные аспекты // Актуальные проблемы правоведения. 2004. № 1. С. 69–75.
24. *Керимов А. Д.* Сильное государство: ответ на вызов современной эпохи. М. : Nota Bene, 2009.
25. *Керимов А. Д.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.
26. *Коваленко В. И.* Общеисторические императивы общественного развития и требования отечественной традиции в политическом процессе России // Политическая наука. 2009. № 1. С. 89–107.
27. *Колесников В. Н.* Народное представительство и парламентаризм в истории политической мысли России. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2006.
28. *Кондрашов П.* Россия в поисках утопий. Возможно ли возвращение в политику морали? // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 194–207.

29. Левинсон А. Куда идти «особым путем»? // Неприкосновенный запас. 2018. № 1 (117). С. 238–241.
30. Линецкий А. И. Момент истины: традиционалистские стереотипы в российской политике // Полис. 2018. № 1. С. 62–79.
31. Линецкий А. И. Русская идея Александра Янова // Полис. 2015. № 6. С. 173–187.
32. Личман Б. В. Мировоззренческие интерпретации истории России и отношение к ним государства // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 34–39.
33. Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель : монография. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2018.
34. Марченкова Н. П. Социокультурные и политические представления о сильном государстве русского правоведа и мыслителя Н. В. Устрялова // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства : материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2015. С. 253–257.
35. Национальная идея России. В 6 т. М. : Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, Научный эксперт, 2012.
36. Немировский В. Г. Травмированное общество и его фантомы // Полис. 2015. № 3. С. 185–189.
37. Оболонский А. В. О мифологеме «особого пути» // Общественные науки. 2017. № 6. С. 77–82.
38. Петров К. Е. Доминирование концептуальной многозначности: сильное государство в российском политическом дискурсе // Полис. 2006. № 3. С. 159–183.
39. Понкин И. В. Теория публичного управления : учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. М. : Буки Веди, 2017.
40. Путин В. В. Замковый камень российской государственности. («Коллекция Изборского клуба»). М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2014.
41. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. 2017. № 5. С. 156–173.
42. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыянова, Л. Г. Фишмана. М. : Политическая энциклопедия, 2016.
43. Сапко И. В. Концепция сильного государства в политической теории Е. В. Тарле // Власть. 2012. № 6. С. 86–89.
44. Солоневич И. Л. Народная монархия. М. : РИМИС, 2005.
45. Тимофеев М. С. Идеи И. А. Ильина о сильном государстве // История государства и права. 2013. № 22. С. 28–31.
46. Тимофеев М. С. Н. Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного российского государства // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3 (21). С. 125–129.
47. Федорова Е. В. Проблема национализма и патриотизма в творчестве И. А. Ильина и ее актуальность в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 210–219.
48. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI в. / пер. с англ. О. Э. Колесникова и др. под общ. ред. О. Э. Колесникова. М. : АСТ, Хранитель, 2007.
49. Щипков Н. А. Пространство мифа в постсекулярную эпоху // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 45–52.
50. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новый Хронограф, 2008.
51. Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционный подход // Власть. 2007. № 3. С. 3–12.

Об авторе:

Белов Леонид Павлович, генеральный директор ООО «Гелиос», аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); leomonolit@yandex.ru

References

1. Abramova M. G. Mythologema of the strong state and relevant problems of state policy of Russia // MSU Bulletin. Series 12. Political sciences [Vestnik MGU. Ser. 12. Politicheskie nauki]. 2014. N 3. P. 97. (In rus)

2. Avakyan S.A. Some thoughts on a state and prospects of constitutional and political development of Russia // Bulletin of the Moscow university. Series 11. Law [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo]. 2016. N 1. P. 3–17. (In rus)
3. Alexandrov V.B. Russian social philosophical thought: subjects, ideas, traditions: monograph. Second edition. SPb. : NWIM of RANEPa, 2017. (In rus)
4. Aronson O. Forces of false. Experiences of non-political democracy. M. : Falanster, 2017. (In rus)
5. Bayzakova K.I. The concept of “the strong state” of Michel Debre and a problem of the constitutional reform in France in the 40–50th years of the 20th century: dissertation *abstract*. Tashkent, 1985. (In rus)
6. Belevskaya Yu.Yu. Maintenance of the concept “strong state” // Social and humanitarian knowledge [Sotsial'no-gumanitarnye znaniya]. 2011. N 8. P. 293–297. (In rus)
7. Berdin A. T. Traditionalism as ideology of an alternative to nationalism // Sociology. Economy. Policy [Sotsiologiya. Ekonomika. Politika]. 2015. N 4. P. 66–68. (In rus)
8. Bernatsky G.G. State ideology and strong state: history and present // Topical issues of development of the Russian statehood and public law [Aktual'nye voprosy razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti i publicnogo prava]. Materials of the II scientific and practical conference / Editor-in-chief E. V. Trofimov. 2016. P. 14–20. (In rus)
9. Bernatsky G.G. The strong state is impossible without ideology // Scientific notes of law department [Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta]. 2013. N 31 (41). P. 9a–13. (In rus)
10. Vasilyev A.V. State: historical and modern aspects of understanding: lecture. M. : RAGS publishing house, 2006. 47 p. (In rus)
11. Vaty I. V. N., Vaty I. N. V. State ideal: conceptual model of N. N. Alekseev // POLITEX. 2017. V. 13, N 2. P. 43–52. (In rus)
12. Vaty I. V. N., Vaty I. N. V. Strong and effective state: conceptual model of I. A. Ilyin // POLITEX. 2014. V. 10, N 4. P. 110–133. (In rus)
13. Power and policy: institutional calls of the 21st century. Political science. Year-book 2012 / Russian association of political science / chief editor A. I. Solovyov. M. : ROSSPEN, 2012. (In rus)
14. Gadzhiev K. S. Russian Federation: national state or state of the people? // Political Researches [Polis]. 2018. N 3. P. 130–146. (In rus)
15. Gobozov I. A. State and national identity: Globalization or internationalization? M. : URSS, 2014. 198 p. (In rus)
16. State and law: current state, prospects of development // State and law [Gosudarstvo i pravo]. 2017. N 2. P. 111–117.
17. Grishnova E.E. Political liberalism in Russia: history lessons // Social and political sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2016. N 3. P. 63–67. (In rus)
18. Gutorov V.A. About some aspects of formation of a political and philosophical discourse in modern Russia // POLITEX-. 2016. V. 12. N 1. P. 4–28. (In rus)
19. Gutorov V.A. To a question of origin of the state: paradoxes and anomalies of modern interpretations // Political Researches [Polis]. 2014. N 3. P. 91–110. (In rus)
20. Evgenyeva T.V., Seleznyova A.V. The Soviet past in valuable and figurative and symbolical space of the Russian identity // Political Researches [Polis]. 2016. N 3. P. 25–39. (In rus)
21. Zhuravlev D.V. A problem of updating of valuable reference points in hybrid democracies: Russian example // Messenger PFUR, Political science series [Vestnik RUDN, seriya Politologiya]. 2016. N 3. P. 116–124. (In rus)
22. Zarubina N. N. Historical memory as source of knowledge of civilization specifics of Russia // Social sciences and present [Obshchestvennyye nauki i sovremennost']. 2017. N 2. P. 52–64. (In rus)
23. Zatonksy V.A. On a question of the value of the state and the legal regulation which is carried out by it: personal and social aspects // Current problems of jurisprudence [Aktual'nye problemy pravovedeniya]. 2004. N 1. P. 69–75. (In rus)
24. Kerimov A.D. Strong state: answer to a call of a modern era. M. : Nota Bene, 2009. (In rus)
25. Kerimov A. D. The strong state as the defining factor of social progress: monograph / A. D. Kerimov, I. N. Kuksin. M. : Norm: INFRA-M, 2018. (In rus)
26. Kovalenko V.I. General historical imperatives of social development and the requirement of domestic tradition in political process of Russia // Political science [Politicheskaya nauka]. 2009. N 1. P. 89–107. (In rus)
27. Kolesnikov V.N. National representation and parliamentarism in the history of a political thought of Russia. SPb. : SZAGS publishing house, 2006. (In rus)

28. Kondrashov P. Russia in search of utopias. Whether return to morals policy is possible? // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2015. N 4. P. 194–207. (In rus)
29. Levinson A. Where to go by “a special way”? // NZ [Neprikosnovennyi zapas]. 2018. N 1 (117). P. 238–241. (In rus)
30. Linetsky A. I. Moment of truth: traditionalist stereotypes in the Russian policy // Political Researches [Polis]. 2018. N 1. P. 62–79. (In rus)
31. Linetsky A. I. Russian idea of Alexander Yanov // Political Researches [Polis]. 2015. N 6. P. 173–187. (In rus)
32. Lichman B. V. World outlook interpretations of history of Russia and relation to them of the state // Social and political sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2015. N 4. P. 34–39. (In rus)
33. Lyubashits V. Ya., Razuvaev N. V. Evolution of the state: historical dynamics and theoretical model: monograph. M. : RIOR: INFRA-M, 2018. (In rus)
34. Marchenkova N. P. Sociocultural and political ideas of the strong state of the Russian jurist and the thinker N. V. Ustryalov // Person, image, word in the context of historical time and space [Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva]: materials of the Russian scientific and practical conference. M, 2015. P. 253–257. (In rus)
35. National idea of Russia. In the 6 v. M. : Center of the problem analysis and state and administrative design, Scientific expert, 2012. 4439 p. (In rus)
36. Nemirovsky V. G. The injured society and its phantoms // Political Researches [Polis]. 2015. N 3. P. 185–189. (In rus)
37. Obolonsky A. V. On a mythologema of “special way” // Social sciences [Obshchestvennyye nauki]. 2017. N 6. P. 77–82. (In rus)
38. Petrov K. E. Domination of conceptual polysemy: the strong state in the Russian political discourse // Political Researches [Polis]. 2006. N 3. P. 159–183. (In rus)
39. Ponkin I. V. Theory of public management: the textbook for a magistracy and programs Master of Public Administration / Institute of Public Administration and Civil Service of RANEPa. M. : BukiVedi, 2017. (In rus)
40. Putin V. V. Capstone of the Russian statehood. (“Collection of Izborsky club”). M. : Izborsky club, Book world, 2014. 288 p.
41. Pushkareva G. V. Ideas and values as way of designing of symbolical space of national identity // Political Researches [Polis]. 2017. N 5. P. 156–173. (In rus)
42. Russia in search of ideologies: transformation of valuable regulators of modern societies / under the editorship of V. S. Martyanov, L. G. Fishman. M. : Political encyclopedia, 2016. 334 p. (In rus)
43. Sapko I. V. The concept of the strong state in the political theory of E. V. Tarle // Power [Vlast']. 2012. N 6. P. 86–89. (In rus)
44. Solonevich I. L. National monarchy. M. : RIMIS, 2005. (In rus)
45. Timofeev M. S. I. A. Ilyin's ideas about the strong state // History of state and law [Istoriya gosudarstva i prava]. 2013. N 22. P. 28–31. (In rus)
46. Timofeev M. S. N. Ya. Danilevsky and civilization bases of the strong Russian state // Messenger of the Russian University of cooperation [Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii]. 2015. N 3 (21). P. 125–129. (In rus)
47. Fedorova E. V. A problem of nationalism and patriotism in I. A. Ilyin's creativity and its relevance in modern Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya]. 2015. N 4. P. 210–219. (In rus)
48. Fukuyama F. State-Building: Governance and World Order in the 21st century / translation from English O. E. Kolesnikov, etc. under a general edition of O. E. Kolesnikov. M. : AST: Keeper, 2007. (In rus)
49. Shchipkov N. A. Myth space during a post-secular era // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2018. N 2. P. 45–52. (In rus)
50. Yakovenko I. G. Russian State: national interests, borders, prospects / I. G. Yakovenko; D. S. Likhachev Heritage institute. the 2nd edition. M. : New Chronograph, 2008. 319 p. (In rus)
51. Yakunin V. I. State ideology and national idea: constitutional approach // Power [Vlast']. 2007. N 3. P. 3–12. (In rus)

About the author:

Leonid P. Belov, LLC “Gelios”, CEO, Graduate student of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); leomonolit@yandex.ru

Стратегически ориентированная система корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием

Беляева И. Ю.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация;
belayeva@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается роль корпоративного управления в реализации программ долгосрочного и инновационного развития в российских компаниях с государственным участием. Разработаны практические рекомендации по повышению эффективности деятельности этих компаний. Проведен анализ разработки и внедрения долгосрочных программ развития в российских компаниях с государственным участием. Проведен комплексный анализ программ инновационного развития крупнейших российских компаний с государственным участием.

Ключевые слова: корпоративное управление, долгосрочная программа, программа инновационного развития, ключевые показатели эффективности развития, компании с государственным участием, государственная информационная система промышленности

A Strategically Oriented System of Corporate Governance in Russian Companies with State Participation

Belayeva I. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
belayeva@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the role of corporate governance in the implementation of long-term and innovative development programs in Russian companies with state participation. Practical recommendations on increasing the efficiency of companies with state participation have been developed. The analysis of the development and implementation of long-term development programs in Russian companies with state participation was carried out. A comprehensive analysis of innovative development programs of the largest Russian companies with state participation was carried out.

Keywords: corporate governance, long-term program, innovative development program, key performance indicators of development, companies with state participation, state information system of industry

Степень прямого влияния государства в экономике на сегодняшний день остается весьма значительной, несмотря на уменьшение в России количества предприятий государственного сектора. Высокий уровень участия особенно сильно заметен в отдельных секторах, в которых условия для справедливой конкуренции недостаточно развиты, ограничены мотивации к развитию частной инициативы и привлечению внешних инвестиций. «Повышение качества управления в госсекторе ограничивается субъектной размерностью госсектора, нечеткостью интересов государства и несовершенством механизмов их представления. У государства ограничены стимулы к развитию регулирования (модернизации) в секторах, где сильны компании с прямым госучастием»¹.

¹ Управление государственной собственностью и приватизация. Основные меры Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/30683929-Upravlenie-gosudarstvennoy-sobstvennostyu-i-privatizaciya.html>

В системе корпоративного управления государство занимает двойственную позицию. В первую очередь, по отношению к компании, акционером которой является, выступает участником внутрифирменных отношений как регулятор экономики. Во-вторых, в качестве одного из собственников капитала выступает в качестве субъекта внутрикорпоративных связей.

Совершенствование корпоративного управления в российских компаниях, в том числе с государственным участием, — ключевая задача экономики, отмеченная Правительством РФ и Банком России¹. Основными целями «дорожной карты» совершенствования корпоративного управления являются дальнейшее развитие корпоративных отношений, обеспечение качества корпоративного управления российских компаний на уровне общемировых стандартов, соблюдение прав миноритарных акционеров, повышение прозрачности и уровня раскрытия информации публичными и непубличными обществами, повышение инвестиционной привлекательности рынка ценных бумаг Российской Федерации для отечественных и иностранных инвесторов.

Неспособность организаций адаптироваться к меняющимся условиям современной рыночной экономики является следствием неверного определения стратегических целей и некачественного стратегического планирования. Можно выделить следующие основные проблемы при формировании стратегий госкомпаний²: проблема анализа потенциальной основы для конкурентоспособности, выявления сильных сторон и внутренней структуры; проблема оценки текущего положения компании в отрасли; проблема формулировки стратегических целей и их выбора.

Методические рекомендации по разработке долгосрочных программ развития определяют стратегию как внутренний документ госкомпании, содержащий четко сформулированные и измеримые стратегические цели развития организации (включая цели для дочерних и зависимых обществ), информацию о ее текущем положении в отрасли, целевой финансовой бизнес-модели и стратегических инициативах, стоящих перед организацией, на период не менее чем 5 лет.

Стратегия государственной компании разрабатывается ее менеджментом с учетом документов, влияющих на сферу деятельности как самой организации, так и ее филиалов и дочерних и зависимых организаций, а также отрасли в целом, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Стратегические цели должны четко формулироваться (необходимо установить перечень показателей для оценки их достижения), иметь конкретный срок достижения и быть измеримы (должно быть назначено числовое значение для каждого показателя), а устойчивость компании и высокая финансовая эффективность должны быть определены важнейшими целями.

Долгосрочная программа развития (ДПР) в своей структуре должна содержать основные блоки.

1. Оценка степени достижения плановых значений, определенных ранее утвержденными программными документами организации.
2. Перечень мероприятий программного характера.
3. С учетом текущих результатов — анализ перспектив экономического развития в целом в отрасли.
4. Анализ возможностей и рисков, связанных непосредственно с реализацией мероприятий, содержащихся в ДПР.

Таким образом, долгосрочная программа должна представлять собой подробное описание методик по достижению стратегических целей компании и мер с указа-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.06.2016 № 1315-р «Об утверждении дорожной карты по совершенствованию корпоративного управления» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/roadmaps/481/events/> (дата обращения: 20.06.2018).

² Федеральный закон № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200505/ (дата обращения: 20.06.2018).

нием результатов по каждому программному мероприятию и целевых значений по ним. Долгосрочная программа имеет значительный потенциал повышения эффективности организации, будучи инструментом управления ее деятельностью.

В реализации процесса повышения эффективности деятельности госкомпании важнейшая роль отведена контролю за выполнением и достижением целевых показателей, определенных в долгосрочной программе. Такой контроль должен осуществляться как внешними аудиторами, так и органами управления общества [3].

В оперативном режиме, основываясь на данных из поступающих финансовых и управленческих отчетов, руководство и менеджмент организации проводят анализ достижения и причин недостижения определенных в долгосрочной программе целевых показателей программных мероприятий, а также своевременно корректируют деятельность организации, опираясь на изменяющиеся экономические условия. Рекомендуется проводить мониторинг реализации долгосрочной программы по результатам финансового года с привлечением стороннего аудитора.

В целях методической поддержки компаний с государственным участием в капитале и стандартизации процессов контроля за их реализацией Росимуществом были разработаны¹: примерное техническое задание для проведения аудиторской проверки реализации долгосрочной программы развития, Типовой стандарт проведения аудиторской проверки реализации долгосрочной программы развития акционерных обществ.

Предметом аудита является проведение экспертной оценки следующих составляющих ДПР: эффективности целевого расходования компанией средств соответствующих бюджетов в отчетном периоде; причин отклонения фактических результатов от запланированных; достоверности значений достигнутых показателей по итогам отчетного периода, а также степени достижения плановых значений. Результаты аудита позволяют оперативно контролировать процесс достижения поставленных целей, что позволяет, в свою очередь, сформировать более подробное представление о деятельности организации.

Важной предпосылкой для развития стратегического планирования в государственном секторе является повышение инвестиционной привлекательности государственных компаний. В реализации процесса формирования прозрачной системы стратегического планирования, качественного корпоративного управления в приватизируемых организациях большей динамичности добавило поручение Росимущества по включению в годовой отчет акционерными обществами (АО) информации о выполнении мероприятий и целевых значений, определенных в ДПР, в том числе информации о:

- наличии в АО стратегии развития;
- наличии в АО долгосрочной программы развития;
- изменениях в стратегии развития и ДПР по сравнению с предыдущим годом;
- наличии в АО иных программ (в том числе инвестиционных, инновационных и пр.) в рамках реализации стратегии развития и ДПР;
- наличии в АО утвержденной программы отчуждения непрофильных активов;
- наличии в АО заключения аудитора о реализации ДПР;
- наличии в АО утвержденной системы ключевых показателей эффективности;
- рисках АО и описания деятельности по управлению рисками;
- принципах и подходах к организации системы управления рисками и внутреннего контроля.

Годовой отчет является публичным документом акционерных обществ и привлекает внимание инвестиционного сообщества, как следствие, у потенциальных инвесторов появляется более подробная информация о деятельности госкомпании, о его внутренней структуре, что, несомненно, повышает инвестиционную привлекательность такого общества и будет способствовать реализации планов приватизации [1]. Таким

¹ Федеральный закон № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200505/ (дата обращения: 20.06.2018).

образом, актуальность и необходимость формирования в организациях с государственным участием прозрачной вертикальной системы стратегического планирования является важнейшим фактором повышения эффективности управления активами.

Переформатирование устоявшихся принципов стратегического планирования с использованием лучших современных практик корпоративного управления и опыта зарубежных компаний призвано обеспечить положительное влияние на развитие и эффективную работу компаний в государственном секторе.

Особый мониторинг реализации долгосрочной программы развития со стороны государства осуществляется в отношении компаний Перечня 91-р. Проведение мониторинга и анализа долгосрочных программ развития обществ обеспечивает возможность акционеру (Российской Федерации в лице Росимущества, министерствам и ведомствам, осуществляющим регулирование в отраслях экономики) аккумулировать актуальную информацию о деятельности обществ и проводить комплексный анализ для принятия взвешенных тактических и стратегических управленческих решений (реализация прямых и косвенных методов господдержки, стимулирование роста платежеспособного спроса в целевых сегментах внутреннего рынка и т.п.) [1].

В ДПР должны быть отражены:

- мероприятия, касающиеся деятельности компании с государственным участием на период действия долгосрочной программы развития и/или перечни мероприятий, подлежащих осуществлению в целях обеспечения достижения стратегических целей развития интегрированной структуры, к поставленным срокам;
- мероприятия, осуществляемые компанией с государственным участием с целью выполнения поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, по корпоративным направлениям долгосрочной программы развития;
- источники и объемы финансирования всех мероприятий ДПР.

Каждая компания с государственным участием определяет для себя разное количество мероприятий и разную степень детализации мероприятий — от общих названий 3–4 крупных мероприятий-проектов, до нескольких десятков мелких мероприятий. ДПР имеют годовую детализацию по графикам выполнения работ, по объемам финансирования и по срокам выполнения ключевых событий, что не позволяет провести качественный контроль соответствия квартальных (промежуточных) результатов проектов установленным целям и ключевым показателям. Также в долгосрочных программах развития объемы финансирования указываются для крупных мероприятий проектов, что не позволяет проанализировать степень освоения объемов финансирования в квартальном режиме [2].

С учетом изложенного представляется целесообразным, при актуализации долгосрочных программ развития, компаниям с государственным участием предусмотреть поквартальную детализацию графиков выполнения работ по исполнению ключевых показателей эффективности, мероприятий и освоению объемов финансирования.

С целью усиления государством роли эффективного собственника, а также для обеспечения принятия своевременных и результативных решений по предотвращению или устранению проблем компаний с государственным участием, возникающих вследствие негативного влияния факторов внутренней и внешней среды, целесообразно разработать и внедрить на системной основе методологические подходы к проведению мониторинга и анализу выполнения мероприятий долгосрочных программ развития компаний с государственным участием в увязке с их финансово-хозяйственной деятельностью.

Комплексный анализ деятельности компаний с государственным участием с учетом их финансово-экономического состояния и результатов выполнения мероприятий долгосрочных программ развития должен содержать, в том числе: показатели реализации долгосрочной программы развития (мероприятий долгосрочной

программы развития); ключевые финансово-экономические показатели компании с государственным участием.

Такой комплексный анализ позволит увидеть результаты выполнения мероприятий долгосрочной программы развития с учетом финансовых возможностей компании и осуществить анализ фактического изменения финансового состояния компании исходя из уже реализованных, что позволит собственнику максимально взвешено принимать управленческие решения, а инвестиционному сообществу иметь четкую структурированную картину, отображающую все аспекты деятельности компании для возможности эффективного финансирования конкретных проектов. Таким образом, в целях повышения эффективности корпоративного управления компаниями с государственным участием предлагается:

- 1) при очередной актуализации долгосрочных программ развития предусмотреть и утвердить степень детализации мероприятий, касающихся деятельности компании на период действия долгосрочной программы развития;
- 2) предусмотреть в долгосрочной программе развития отдельный раздел, в котором будут содержаться только мероприятия, осуществляемые каждой компанией с государственным участием с целью выполнения поручений **Президента РФ и Правительства РФ**, по итогам выполнения которых проводить оценку соответствия объемов финансирования компании с государственным участием со стороны Российской Федерации с финансированием, фактически направленным на выполнение мероприятий долгосрочной программы развития в отчетном периоде, заявленным в ДПР и конечными результатами по проекту. Данные корректировки и изменения направлены на решение следующих задач: оценка результативности реализации ДПР; оценка степени реализации ДПР; своевременное выявление рисков при реализации ДПР, заблаговременное предупреждение о намечающихся отклонениях от планов, представленных в ДПР; разработка государственной политики, направленной на повышение конкурентоспособности компаний с государственным участием;
- 3) отчеты о реализации ДПР также предлагается несколько скорректировать в части более детального описания и характеристики основных особенностей отчетного этапа реализации ДПР, в том числе мероприятий, которые выполнялись в отчетном периоде, основные проблемы и важнейшие достижения в текущем периоде, а также ближайшие перспективы.

Основную часть отчета целесообразно посвятить следующему: краткие сведения о системе стратегического планирования в интегрированной структуре; ключевые показатели эффективности; результаты мероприятий ДПР, полученные в отчетном периоде; сведения о финансировании мероприятий ДПР; прогноз выполнения мероприятий ДПР и анализ ключевых рисков; заключение.

26.06.2016 принят Государственной Думой Федеральный закон № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации», регулирующий порядок создания и управления публично-правовой компанией, которая может быть создана путем реорганизации государственной корпорации, государственной компании, акционерного общества, единственным участником которого является Российская Федерация, в целях проведения государственной политики, предоставления государственных услуг, управления государственным имуществом, обеспечения модернизации и инновационного развития экономики, осуществления контрольных, управленческих и иных общественно полезных функций и полномочий в отдельных сферах и отраслях экономики, реализации особо важных проектов и государственных программ, в том числе по социально-экономическому развитию регионов¹. К дан-

¹ Федеральный закон № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200505/ (дата обращения: 20.06.2018).

ному типу компаний, не являющихся акционерными, применимы с определенными ограничениями нормы корпоративного управления, поскольку в их структуре предусмотрены правление и наблюдательный совет, службы внутреннего аудита и контроля, стратегического планирования и развития.

Главная цель корпоративного управления — создание и сохранение гибкой, эффективной системы управления компанией, способствующей росту капитализации на долгосрочной основе. В широком смысле, корпоративное управление определяет алгоритмы взаимодействия между принципалами (собственниками, инвесторами, кредиторами, иными группами влияния), имеющими те или иные права собственности по отношению к фирме, и агентами (директоратом, менеджерами), управляющими ею. С позиции инвесторов, как неэффективное корпоративное управление, расцениваются следующие явления:

- 1) управление единоличным исполнительным органом «в ручном режиме»;
- 2) полное отсутствие либо формальное участие совета директоров в деятельности компании (как следствие — недостаточный контроль за деятельностью менеджмента, его фактическая подотчетность доминирующим собственникам);
- 3) отсутствие независимых директоров в составе совета директоров;
- 4) совмещение в рамках деятельности компании функции владения и функции оперативного управления;
- 5) непрозрачность учета и отчетности.

Использование стандартизации в корпоративном управлении компаниями с госучастием — внедрение Кодекса корпоративного управления, Кодекса корпоративной этики, Принципов корпоративного управления ОЭСР, стандартов ИСО 9001, 9002, 9003, стандартов взаимодействия с заинтересованными сторонами — позволяет на основе базовых ориентиров, сформированных на обобщении и систематизации лучшей мировой практики корпоративного менеджмента, но с учетом адаптации к специфике законодательства Российской Федерации и сложившихся на отечественном рынке отношений между членами совета директоров, акционерами, исполнительными органами, внутренними и внешними стейкхолдерами, участвующими в экономической деятельности, существенно улучшить (усовершенствовать) общую ситуацию в области корпоративного и стратегического управления в компаниях с госучастием, повысить инвестиционную привлекательность, сформировать позитивный имидж российских госкомпаний в мировом экономическом пространстве.

Международный финансовый ландшафт, наряду с отечественным корпоративным законодательством, а также практикой корпоративного управления российских компаний, с момента принятия Кодекса корпоративного управления претерпели существенные изменения. Множество вопросов, связанных с организацией управления и реструктуризацией, эмиссией акций, транспарентностью, сейчас урегулированы. В российском корпоративном законодательстве уже нашло отражение большинство общепризнанных принципов корпоративного управления, однако, эффективное корпоративное управление не может быть обеспечено только нормами законодательства.

Новый Кодекс основывается на лучшей международной практике в этой сфере, что является позитивным моментом, а также на принципах корпоративного управления ОЭСР¹. В последние годы ряд государств уже приняли кодексы корпоративного управления в соответствии с указанными принципами.

Изменение макроэкономической ситуации в России с 2014 г., углубление стагнации в профилирующих отраслях российской экономики, мультипликативно повлекли снижение темпов роста прибыли публичных и непубличных компаний с государствен-

¹ Руководство ОЭСР по корпоративному управлению на государственных предприятиях» (2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/dementiev/URTP8-2007.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).

ным участием. Многие российские компании с государственным участием исчерпали источники и возможности догоняющего роста, сейчас необходимы новые инструменты менеджмента, особенно стратегического и корпоративного, позволяющие, используя стратегию изменений, реорганизации, M&A, управления рисками и непрерывностью бизнеса, активизировать интеллектуальный и финансовый потенциалы компаний, обеспечив тем самым, надежность и эффективность системы управления, а также сформировать условия для долгосрочного развития и постепенного сбалансированного роста прибыльности и капитализации.

В совершенствование корпоративного управления необходимо заложить основы устойчивого развития общества, в целях увеличения инвестиционных потоков. Принцип устойчивого развития общества подразумевает необходимость учитывать в принятии решений по корпоративному управлению как финансовые, так и социальные и экологические аспекты деятельности акционерных обществ. В российской экономике сложилась система корпоративного управления, в основе которой континентальная (стейкхолдерская) модель, с сильным воздействием на компанию разнообразных групп влияния.

Литература

1. *Беляева И. Ю., Харчилава Х. П.* Специфика деятельности наблюдательных органов в российских публичных акционерных обществах с государственным участием // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 2 (148). С. 74–79.
2. *Механизм агрегированной оценки качества управления непубличными российскими компаниями с государственным участием* : монография / колл. авторов; под ред. И. Ю. Беляевой, Х. П. Харчилавы. М. : РУСАЙНС, 2016.
3. *Развитие корпоративного управления в компаниях с государственным участием* : монография / под ред. И. Ю. Беляевой, Х. П. Харчилавы. М. : РУСАЙНС, 2017.

Об авторе:

Беляева Ирина Юрьевна, заместитель руководителя департамента «Корпоративные финансы и корпоративное управление» по научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; belayeva@mail.ru

References

1. Belyaeva I.Yu., Harchilava H.P. Specificity of activity of supervisory bodies in the Russian public joint stock companies with the state participation // Bulletin of the Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 2 (148). P. 74–79. (In rus)
2. The mechanism of the aggregated assessment of quality of management of the non-public Russian companies with the state participation: monograph / collective of authors; under the editorship of I.Yu. Belyaeva, H.P. Harchilava. Moscow : RUSCIENCE, 2016. 146 p. (In rus)
3. Development of corporate management in the companies with the state participation: the monograph / under the editorship of I.Yu. Belyaeva, H.P. Harchilava. Moscow : RUSCIENCE, 2017. 182 p. (In rus)

About the author:

Irina Yu. Belyaeva, Deputy Head of Department «Corporate Finance and Corporate Governance» on research activity of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; belayeva@mail.ru

Международный опыт патриотического воспитания подрастающего поколения

Иваненко В. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; 9563926@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается необходимость объединения усилий политических институтов и гражданского общества в выработке единого подхода к реализации патриотического воспитания в образовательных организациях. Автор раскрывает основные аспекты формирования патриотизма у подрастающего поколения США и КНР, анализирует роль «учителя» в данном процессе, а также раскрывает мероприятия, которые осуществляют государства в этом направлении. Формирование патриотизма в зарубежных странах осуществляется согласно развитию исторических, культурных, нравственных, идеологических и жизненных ценностей, воплощенных в девизах: в США — «Novus Ordo Seclorum» («Новый мировой порядок»), в Китае — «Служи народу!».

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, молодежная политика, патриотическое воспитание, Китайская Народная Республика, США, китайская молодежь, американская молодежь

International Experience of Patriotic Education of Younger Generation

Ivanenko V. S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; 9563926@mail.ru

ABSTRACT

The article substantiates the need to combine the efforts of political institutions and civil society in the development of a unified approach to the implementation of Patriotic education in educational institutions. The author reveals the main aspects of the formation of patriotism in the younger generation of the USA and China, analyzes the role of «teacher» in this process, and also reveals the activities that are carried out by the state in this direction. The formation of patriotism in foreign countries is carried out according to the development of historical, cultural, moral, ideological and life values embodied in the motto: in the US — ««Novus Ordo Seclorum» («New world order»), in China — «Serve the people!»

Keywords: patriotism, youth, youth policy, Patriotic education, People's Republic of China, USA, Chinese youth, American youth

Вопросы воспитания патриотизма остаются в центре внимания не только различных систем воспитания, но и государственной политики большинства стран мира. В последнее время и в России возобновилась дискуссия по поводу патриотизма, поиска национальной идеи, без которой граждане большой страны просто обречены на бесцельное блуждание в пространстве и исторических этапах. На фоне развернувшейся деятельности воспитательно-патриотической направленности в России, обратимся к опыту патриотического воспитания ключевых стран современного мира — США и Китая.

«Novus Ordo Seclorum» — «Порядок новой эры» (или «Новый мировой порядок»)

Так, американский опыт воспитания патриотизма полезен для российской теории и практики по причинам: а) схожестью наших стран своей поликультурностью, что «актуализирует проблему воспитания и обучения представителей разных национальностей, конфессий и культур как граждан единого государства» [3, с. 59]; б) наличием достаточно богатой педагогической практики воспитания патриотизма у учащейся молодежи.

Сегодня роль США в мире достаточно противоречива. С одной стороны, североамериканское государство стремится занимать лидирующую позицию «мирового жандарма», провоцируя международные и военные конфликты. С другой стороны, Соединенные Штаты Америки являются одной из крупнейших экономик мира, обеспечивающей процветание и благополучие своих граждан. На чем основывается это доверие народа, вера в свою исключительность и непобедимость? Прежде всего, в основе этих возвышенных чувств лежит патриотизм граждан. Очень многие отмечают, что американский патриотизм — уникальное явление. Патриотизм американца не имеет этнической, национальной или языковой основы. Суть американского патриотизма — в «*Novus Ordo Seclorum*» (дословно в «Новый порядок веков») — в вере в превосходство американских демократических ценностей. Он нацелен в будущее, а не ищет идеалы в прошлом.

Опросы общественного мнения, постоянно проводимые в США, результаты которого представлены на рисунке, показывают, что примерно три четверти американцев гордятся своей страной¹. Примерно половина американцев украшает свой дом национальным флагом, 15–20% водителей устанавливают на автомобиль американский флажок. Патриотические демонстрации в США организуют не органы власти, а сами американцы, в отличие от подавляющего большинства стран мира. Участие в подобных мероприятиях добровольное, тем не менее, в США они являются достаточно популярными и собирают десятки и сотни тысяч участников.

Н. Н. Балуков и Ю. А. Иваничкин отмечают: «...патриотизм в американском исполнении представляет собой целенаправленную, строго регламентируемую и формализованную структуру. Если, например, утром, когда все в школе перед началом занятий исполняют гимн США, ученик не встал и не приложил руку к сердцу, его тут же могут исключить из учебного заведения. Или взять, скажем, тот же американский флаг, который можно увидеть в США буквально на каждом шагу. Что с ним можно сделать, а что нельзя, где и когда его можно вывесить и каких размеров — все это также прописано или на федеральном уровне, или на уровне штата» [2, с. 3].

Центральными идеями патриотизма служат принципы свободы, равенства и справедливости. Американский философ М. Адлер отмечает, что именно «...на этих трех идеях строится жизнь нашего общества. Они олицетворяют те идеалы, к достижению которых человечество стремится в настоящем и которые хочет передать своим потомкам в будущем» [1, с. 22]. Качествами характера патриота являются мужество, ответственность, благодарность перед основателями и самопожертвование во имя общего блага. Самосознание американского народа подразумевает уникальность американской национальной идеи как особой формы справедливости, позволяющей в процессе принятия судьбоносных решений не учитывать мнение остальных людей, не являющихся американцами.

Начиная с раннего детства, американцы получают важную воспитательную установку о социальном продвижении личности: каждый может стать тем, кем пожела-

¹ Statista. Patriotism in the U. S. — Statistics & Facts» [Электронный ресурс]. URL://https://www.statista.com/topics/2482/patriotism-in-the-us/ (дата обращения: 10.06.2018).

ет, в том числе президентом страны. Понятно, что в конечном итоге это дано единицам. Но такая установка помогает формировать чувство сопричастности к судьбе страны, ответственность за происходящее внутри нее и за ее пределами, желание принимать участие в общественных инициативах. Огромной честью для школьников является посещение столицы и административных учреждений, например, Сената или Белого дома.

С первого класса перед началом занятий американские школьники ежедневно произносят Клятву в верности флагу. Клятва звучит кратко и емко: «Я клянусь в верности флагу Соединенных Штатов Америки и Республике, которую он символизирует, одной Нации под Богом, неделимой, со свободой и справедливостью для всех». Однако, как это часто бывает в США, такая практика не является повсеместной. В некоторых штатах Клятву не произносят вообще, в некоторых раз в месяц, в некоторых школах ее произносят ученики только начальных классов.

Особая роль в воспитании патриотизма отводится вузам США. В США насчитывается более 1350 местных колледжей и около 2000 колледжей и университетов. Число частных учебных заведения из общего числа составляет 65%. Система американского высшего образования отличается от прочих значительным разнообразием учебных программ, изучаемых курсов и дисциплин, образовывая единый социальный институт, исполняющий важные экономические, социальные и идеологические функции, в том числе и патриотическое воспитание учащейся молодежи.

Воспитание патриотизма в США проводится в рамках такого направления, как гражданское воспитание, являющегося одним из ведущих направлений образовательной политики страны, закрепленного такими законодательными актами, как: «Актом о национальном и общественном служении» (1990); «Актом об образовании для демократии» (2001) и др.

Рассмотрим основные компоненты патриотизма в США.

1. Реализация нрав и свобод по Конституции США. Этот компонент составляет основу патриотизма в США. В. Ковалевский отмечает: «Американцы считают, что осуществление своих прав — это очень патриотично. Это позволяет открыто критиковать власть, добиваясь изменений политики, и мобилизовать других граждан для решения общих проблем». Такое право гражданам США обеспечивает Первая поправка к Конституции, принятая в 1791 г., не допускающая принятия законов, которые могут ограничивать права на свободу слова, прессы, собраний, вероисповедания.
2. Государственные символы (гимн и флаг), которые ценятся и признаются всеми американцами. Гимном США является «The Star-Spangled Banner» (Звездно-полосатое знамя), написанный в честь американского флага во время осады британцами форта Мак-Генри в 1812 г. и был признан в качестве официального гимна государства только в 1931 г.¹ Гимн традиционно исполняется во время значимых общественных и спортивных мероприятий. Его часто исполняют вживую, усиливая торжественность момента. Большинство американцев знают слова гимна и подпевают во время его исполнения [12, с. 239]. Каждый штат также обладает своим флагом, и жители нередко вывешивают их рядом с национальным флагом. Конгрессмены и сенаторы всегда выставляют в своих офисах рядом с флагом США флаг своего штата, подчеркивая свою приверженность интересам своих избирателей. Следующий символ, являющийся одним из главных, это герб США, на котором распростер свои крылья белоголовый орлан. Печать была принята летом 1782 г., и начертанное на ней изображение символизирует большие

¹ Ковалевский В. Патриотизм в США принадлежит людям // Belarus Security Blog опубликовано 21 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsblog.info/patriotizm-v-sshaprinadlezhit-lyudyam/> (дата обращения: 10.06.2018).

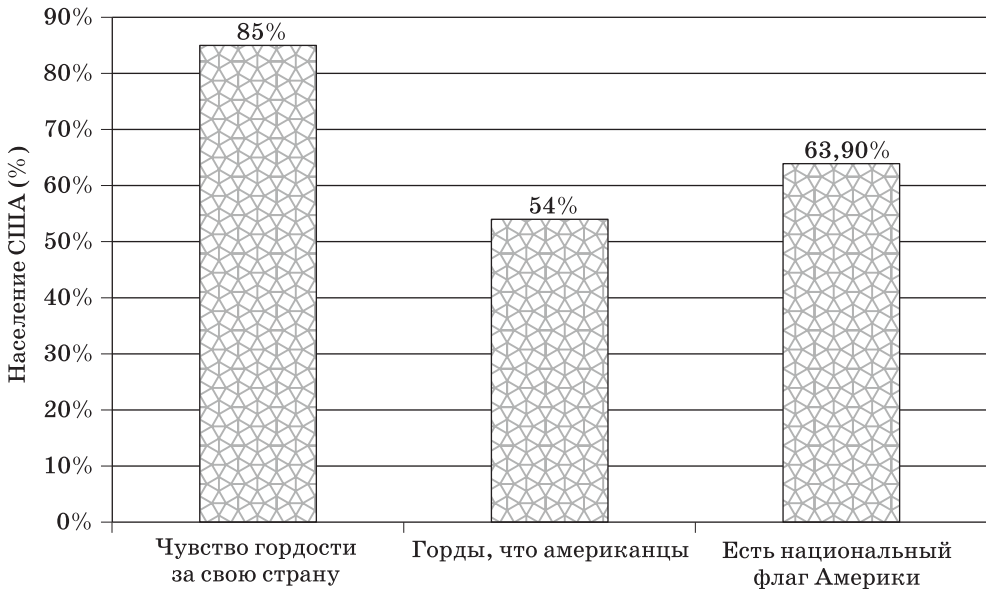


Рис. Опрос общественного мнения: «Патриотизм в Соединенных Штатах Америки»
Fig. Opinion poll: «Patriotism in the U.S.»

стремления, независимость нации и надежды на лучшее будущее. А. И. Солженицын так оценивает патриотизм американцев: «... в Соединенных Штатах патриотизм стоит высоко. Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им — и разные народные группы сливаются в нем едино. В каждом американском школьном классе висит национальный флаг, и во многих школах произносят слова верности ему» [9, с. 153].

3. Голосование на выборах, участие в общественной деятельности. В этом плане патриотизм американцам видится в возможности влиять на выбор руководителей государства и штатов. Если вспомнить историю американских выборов, то вначале не все граждане могли пользоваться этими привилегиями. Долгие годы права афроамериканцев ущемлялись. Да и на сегодняшний день американская система выборов является самой недемократичной в мире. Граждане отстранены по многим вопросам от прямого голосования. Поэтому участие американцев не отличается высокой активностью. На президентских выборах в 2012 г. количество проголосовавших избирателей составило 54,87%. Для сравнения в 2008 г., когда Барак Обама был избран на первый срок, проголосовали 63% избирателей, что стало самым высоким показателем с 1960 г.
4. Свободная от патриотизма академическая сфера, чтобы не препятствовать критическому осмыслению фактов и процессов. Молодежь всегда отличается поиском истины, критическим анализом. Свобода академической сферы от системного патриотического воспитания направлена на обеспечение критического подхода молодежи к оценке вопросов внешней и внутренней политики, в том числе, действующего президента и всех ветвей власти.
5. Президент, которым можно гордиться, живой символ государства и символ патриотизма. Как компонент патриотизма, институт президентства служит живым символом государства и источником патриотизма. Население Америки гордится своими президентами, несмотря на наличие просчетов и недостатков в работе. Специфика этого компонента характеризуется: повышенным вниманием людей

- к личности президента; тщательным изучением всей жизнедеятельности президентов; стремлением американцев видеть человеческую сторону своих президентов.
6. Поддержка военнослужащих, вне зависимости от правильности политики правительства США. 87% американцев считают воинскую службу ярким проявлением патриотизма личности. После терактов 11 сентября 2001 г. в стране произошел значительный всплеск патриотизма, поток желающих присоединиться к вооруженным силам значительно вырос. В последние годы в связи с непоследовательной и агрессивной политикой США на Ближнем Востоке наблюдается некоторое размытие патриотизма в вооруженных силах. Тем не менее, 87% американцев продолжают считать, что служба в армии — это патриотично. Военные после выхода со службы получают значительную поддержку. Одной из наиболее ценных является льгота по оплате высшего образования. Поэтому среди студентов можно часто встретить ветеранов военных действий. Каждый год в ноябре, в честь таких студентов, американские университеты проводят торжественные церемонии поднятия флага и чествования всех родов войск.
 7. Каждый может стать тем, кем пожелает. Этот компонент воспитывается у американцев с раннего детства. Такая установка «помогает формировать чувство сопричастности к судьбе страны; воспитывает ответственность за происходящее на местном и национальном уровне; формирует желание участвовать в общественных инициативах» [10, с. 114].

Следует отметить, что американский патриотизм является ферментом, сплывающим миллионы американских граждан, которые приехали в эту страну в поисках новой жизни, эмигрантов из разных стран. Страна иммигрантов развалилась бы и не смогла бы стать одной из величайших держав, если бы не было продуманной и эффективной программы патриотического воспитания. Провозглашается, что американский патриотизм не имеет национальной, этнической или языковой основы. Представители всех национальностей живут в США. Для американцев является ценным возможность взаимодействия с другими культурами. В учебных заведениях, где учится много иностранцев, проводятся международные дни и недели, в ходе которых желающие могут продемонстрировать свои национальные костюмы и рассказать о своих культурных традициях. Здоровый патриотизм других народов вызывает у американцев уважение.

Кто же такой американский патриот? Прежде всего, это тот человек, «степень национальной любви и гордости» которого настолько велика, что он считает идеи, популярные в США, могут быть применимы во всем мире, он убежден в том, что распространением американских идей и моральных ценностей проявляет почтение к американской конституции и основным институтам власти США. Каждый американец испытывает чувство гордости, когда звучит мелодия гимна страны и развивается флаг над любимым домом. Американец — это бейсбол и американский футбол, гамбургеры и хот-доги, виски, а также голливудские фильмы, Диснейленд, яркий Лас-Вегас и Ниагарский водопад. В то же время, учитывая современные тенденции, проводимые политиками США, сегодня все труднее оставаться преданным американским патриотом. Растет безработица, политики развязывают военные конфликты, задерживаются выплаты военнослужащим, нарушаются права граждан других рас, но, несмотря на это, по-прежнему большое количество людей стремится стать американскими гражданами. Правильно проводимая политика по ассимиляции эмигрантов и патриотическое воспитание способствуют этому.

«Служи народу!»

Особую роль в современном мире играет Китай, как главный экономический, наряду с США, и геополитический (наряду с Россией) игрок современного мира. Каждый

китаец — это патриот не только страны, но и города, и села и даже дома, в котором родился. Он знает, какова территория его страны, провинции, поселка, сколько в нем жителей. Идея неделимого Китая плотно укоренилась в мировоззрении с помощью популяризации трудов конфуцианцев и сформулированной Кан Ю-вэем концепции Дутун (идеи «великого единения и равенства») в конце XIX века. Невозможность возвращения Тайваня или ряда островов, находящихся сейчас под юрисдикцией Японии, воспринимается китайцем как личная трагедия, а присоединения Гонконга и Макао праздновались как семейное торжество, как личный праздник. Главные ценности для китайца — это его Родина, родной язык, семья и домашний очаг.

Все это связано с патриотическим воспитанием, которое является главной идеей всей китайской педагогики. Еще с 80-х годов прошлого столетия в материалах китайской прессы отмечалось, что «патриотизм — лучшая традиция и наивысшее нравственное качество китайской нации», а «формой патриотического воспитания» было заявлено изучение отечественной истории. При этом отмечалось, что использование при изучении «книг по всемирной истории оправдано только в том случае, если в них нет преклонения перед иностранным» [5]. Процесс пропаганды всего китайского и запрета всего иностранного не прекращается и сейчас, а все другие виды воспитания рассматриваются только через призму патриотизма. Значительный импульс китайскому патриотизму придали драматические события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, связанные с гибелью сотен участников целой серии акций протеста, выступавших с требованиями демократизации и ограничения партийной власти в 1989 г. После этого китайские коммунисты поняли, что необходимо обратить внимание на укрепление духа патриотизма. Учащимся в китайских школах стали объяснять, что Китай — это древняя цивилизация, благодаря которой были сделаны величайшие открытия. Мы видим, как в идеологии современного китайского государства неотделимо применяются традиционные ценности для повышения уровня самосознания и гордости за страну. Так и идея древней китайской космографии о Среднем царстве, окруженном варварами «четырёх сторон света», гармонизирующей роли Поднебесной империи, трансформировалась в идею о том, что на протяжении всей своей истории страна находится в кольце врагов и неблагоприятных соседей.

Внедрение официальной государственной политики школы осуществляется учителем. В педагогических вузах в рамках подготовки студентов разработана специальная программа нравственного воспитания, которая включает в себя множество разделов, в том числе раздел, относящийся к патриотическому воспитанию, воспитанию китайского духа, изучению китайской истории, традиции и культуры.

По мнению председателя Китайской Народной Республики Си Цзинпина, китайская нация с ее непрерывной, более чем пятитысячелетней историей цивилизации создала свою всеобъемлющую и глубокую культуру, внесла свой немеркнущий вклад в развитие человеческой цивилизации. «Наше прошлое и настоящее пронизано общностью наших идеалов и убеждений, мы их твердо придерживаемся» [4, с. 222]. Нужно отметить, что, пользуясь разными средствами, китайские университеты вместе с комсомольскими союзами проводят различные лекции и мероприятия по патриотическому воспитанию во время празднования национальных праздников и исторических дат, в том числе Китайский новый год, День молодежи Китая, День образования НОАК и День образования КНР [4, с. 61].

«Патриотическое воспитание через интернет-ресурсы развивает интерес студентов к теме патриотизма в условиях взаимодействия китайской социальной сети. В условиях распространения интернета, в том числе Wechat, Weibo, QQ, создание специализированных сайтов и форумов представляется весьма эффективным средством патриотического воспитания китайских студентов» [8, с. 75]. Автор полагает, что такие мероприятия в интернете, как «Месяц патриотических

фильмов», «Волонтер онлайн», «Память о погибших в Нанкинской резне», формируют чувство уважения у студентов к истории и приносят свой вклад в социально-экономическое развитие. Такие уроки, как пение и музыка, широко используются в китайских школах в целях нравственно-идеологического и политического воспитания. Государственный комитет по образованию КНР рекомендует разучивать около 100 различных песен и музыкальных произведений, в том числе: Гимн страны, песни «О Родине», «Единство — это сила», «Без компартии нет Китая» и другие. Управление нравственного воспитания Государственного комитета по образованию КНР опубликовало и рекомендовало для использования всеми школами страны методическое пособие под названием «Церемония поднятия государственного флага и нравственно-патриотическое воспитание» [6, с. 96].

Правительство КНР использует государственные традиционные праздники как способ патриотического воспитания. Например, Праздник весны в КНР стал официальным праздником на ХП заседании Государственного совета КНР — «Постановление о праздновании государственных праздников и памятных дат». Многие высшие учебные заведения КНР подготовили и проводят лекции по культуре традиционных праздников, создали учебные предметы, такие как «Фольклорная культура» и «Культура праздников» [4, с. 221]. Студенты могут выбрать один предмет из двух на выбор. Таким образом, китайское правительство проводит активное воздействие на обучение культуре традиционных праздников. Во время проведения традиционных праздников жители Поднебесной организуют праздничные мероприятия, следуют обычаям и традициям, надевают праздничные одежды, готовят угощения в честь праздника. Благодаря таким действиям молодежь не забывает свои традиции, ведь старшее поколение передает свои знания младшему поколению. В результате студенты и школьники знакомятся с древней культурой и историей своей страны [11, с. 263].

Первенство во всем мире по численности интернет-аудитории занимает Китай. Это место страна держит уже 6-й год. По состоянию на декабрь 2015 г. число пользователей составило 620 млн чел.¹ А по состоянию на декабрь 2016 г. численность интернет-пользователей в КНР составила 731 млн чел. (население Китая — 1 384 351 140 чел.). Каждый день гражданин страны подвергается воздействию на него через интернет. В столице Китая еще в 2012 г. был принят запрет на анонимные комментарии в интернете. Этот запрет был оправдан политикой Китая в образовательной области. Между государством и населением стоит интернет. Правительство старается регулировать настроение общества при помощи интернета, следит за тем, чтобы в умы людей не проникали идеи подрыва идеологи.

Патриотическое воспитание студентов в вузах КНР представлено в интернете крупными проектами.

1. Самая крупная в Китае поисковая система — baidu.com. Данный проект был разработан в 2000 г. по примеру поисковых систем Google, Yahoo. Уже в 2006 г. проект разработал свою онлайн-энциклопедию — «Байдупедию». В этой системе студенты могут найти информацию, которая имеет отношение к изображениям и видео патриотической направленности.
2. Популярны мессенджеры (QQ, WeChat). Национальными мессенджерами пользуются не только в Китае, но и во всем мире. Например, QQ пользуются 843 млн чел., а WeChat — 600 млн чел. Мессенджеры помогают студентам быстро обмениваться информацией не только друг с другом, но и с преподавателями.
3. Форумы, сообщества, блоги. Например, международные и национальные проекты в интернете, в которых есть темы патриотического воспитания (Facebook).

¹ Китай побил рекорд проникновения интернета. [Электронный ресурс]. Hi-Tech Beta. URL: <http://hitech.ua/kitay-pobil-rekord-proniknoveniya-interneta/> (дата обращения: 18.06.2018).

com Qzaiie.com и т. д.). Такие интернет-порталы, как «Китайское патриотическое воспитание», «Дом патриота» и другие, посвященные патриотизму, пользуются большой популярностью среди молодежи.

Стоит отметить, что в России уже начался процесс заимствования иностранного опыта в сфере патриотического воспитания. При разработке государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» были предложены к рассмотрению современные подходы в сфере патриотического воспитания. Например, авторами был приведен опыт Китая, где молодежное подразделение КПК (Коммунистическая партия Китая) занялось патриотическим воспитанием любителей онлайн-игр. «Разработка онлайн-игр под названием National Spirit Online предлагает китайским игрокам побороться за светлое будущее в рядах Красной армии против японского империализма. Игра, как считают разработчики, должна породить чувство единства нации и поднять патриотический дух. Правительство КНР постоянно разрабатывает и предлагает новые форматы по повышению местного патриотизма. Помимо использования компьютерных игр, в Китае для повышения патриотизма активно используют СМИ» [4, с. 223]. Неудивительно, что чувство уверенности в выдающейся роли Китая в развитии мировой цивилизации в XXI веке среди китайцев широко распространено.

Сейчас вопросы воспитания в Китае, как никогда, занимают ведущее место. Продуманная социальная политика компартии КНР является результатом успешных экономических реформ последних десятилетий, которая поспособствовала развитию патриотических чувств, дисциплинированности и коллективизма. Энергия народа была направлена на созидание, под находящимся вне времени лозунгом «Служи народу!».

Таким образом, «государственно-гражданский патриотизм» [7] — плод усилий элиты, социальных институтов по обеспечению национального единства. Развитие исторических, культурных, нравственных, идеологических и жизненных ценностей способствует формированию патриотизма в зарубежных странах, а содержание основано на религиозных и идеологических подходах с активным участием государства.

Литература

1. Адлер М. Шесть великих идей. М. : МИФ, 2015.
2. Балухов Н. Н., Иваничкин Ю. А. Патриотизм по-американски [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.redstar.ru/index.php/mohov/item/14445-patriotizm-po-amerikanski> (дата обращения: 19.06.2018).
3. Бессарабова И. С. Поликультурное образование в России и США: к постановке проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 5. С. 59–62.
4. Васильева Н. Б. Патриотическое воспитание студентов в вузах КНР // European Research / XX Международная научно-практическая конференция «European Research: Innovation in Science, Education and Technology» (Лондон, Великобритания, 28–29 сентября 2016). Иваново : Олимп, 2016. С. 59–63.
5. Калашник Л. С. «Великая четверка» — основа воспитательного процесса в государственных учреждениях социальной опеки о детях-сиротах в КНР [Электронный ресурс] // Электронный периодический научный журнал «Sci-Article.ru». 2014. № 10. С. 134–144. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1402594605> (дата обращения: 19.06.2018).
6. Клепиков В. З. Современный Китай: вопросы воспитания // Педагогика. 2000. № 5. С. 92–98.
7. Кугай А. И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 152–162.
8. Се Илнь, Коврижных О. А. Об опытах патриотического воспитания студентов в Китае // Социально-политические и культурные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 мая 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 73–75.

9. Солженицын А. И. Россия в обвале. М. : Русский путь, 2006.
10. Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном ударе: от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. М. : ЕВРАЗНИИПП, 2017.
11. Чэнь Сяохуань. Исследование по усилению патриотического воспитания студентов на основе выдающейся китайской традиционной культуры // Вестник социального высшего учебного заведения г. Чифэн: издание по литературе, философии и общественным наукам. 2016. № 5. С. 262–264.
12. Borger J. We are still all Americans // Patriotism, Democracy, and Common Sense: Restoring America's Promise at Home and Abroad. Rowman & Littlefield Publishers, 2005.
13. Nye J. S. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // International Security. 2017. Vol. 41. N 3. P. 44–71.

Об авторе

Иваненко Валерия Сергеевна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); 9563926@mail.ru

References

1. Adler M. Six great ideas. M. : MYTH, 2015. 270 p. (In rus)
2. Balukov N. N., Ivanichkin Yu. A. Patriotism Americanly [Electronic resource]. URL: <http://archive.redstar.ru/index.php/mohov/item/14445-patriotizm-po-amerikanski> (date of the address: 19.06.2018). (In rus)
3. Bessarabova I. S. Polycultural education in Russia and the USA: to statement of a problem // Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]. 2008. N 5. P. 59–62. (In rus)
4. Vasilyeva N. B. Patriotic education of students in higher education institutions of the People's Republic of China // European Research / XX International scientific and practical conference "European Research: Innovation in Science, Education and Technology" (London, Great Britain, on September 28–29, 2016). Ivanovo: Olympus, 2016. P. 59–63. (In rus)
5. Kalashnik L. S. "The great four" — a basis of educational process in public institutions of social guardianship about orphan children in the People's Republic of China [An electronic resource] // Online periodic scientific journal "Sci-Article.ru". 2014. N 10. P. 134–144. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1402594605> (date of the address: 19.06.2018). (In rus)
6. Klepikov V. Z. Modern China: questions of education // Pedagogics [Pedagogika]. 2000. N 5. P. 92–98. (In rus)
7. Kugay A. I. Patriotism as factor of civil identification and national unity // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 5. P. 152–162. (In rus)
8. Xie Ilin, Kovrizhnykh O. A. About experiences of patriotic education of students in China // Social, political and cultural problems of the present: the collection of scientific works on materials of the I International scientific and practical conference on May 31, 2016 Nizhny Novgorod: "Professional Science", 2016. P. 73–75. (In rus)
9. Solzhenitsyn A. I. Russia in a collapse. M. : Russian way, 2006. 208 p.
10. Farkhutdinov I. Z. The American doctrine about preventive strike: from Monroe to Trump: international legal aspects. M. : EURASNIIPP, 2017. (In rus)
11. Chen Xiaohuan. A research on strengthening of patriotic education of students based on outstanding Chinese traditional culture // Messenger of a social higher educational institution Chifeng: the edition on literature, philosophy and social sciences. 2016. N 5. P. 262–264. (In rus)
12. Borger J. We are still all Americans // Patriotism, Democracy, and Common Sense: Restoring America's Promise at Home and Abroad. Rowman & Littlefield Publishers, 2005.
13. Nye J. S. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // International Security. 2017. Vol. 41. N 3. P. 44–71.

About the author:

Valeria S. Ivanenko, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEP (St. Petersburg, Russian Federation); 9563926@mail.ru

Новые информационно-коммуникационные технологии как фактор активизации политического участия молодежи

Михайлова В. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mikhaylovavika@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность политического участия молодежи, связанная с применением новых информационно-коммуникационных технологий, в последнее время неуклонно возрастает. В статье рассмотрены две противоположные концепции научного дискурса политического участия молодежи, а также предпринята попытка раскрыть основные факторы активизации участия молодежи в политическом процессе.

Ключевые слова: интернет-пространство, молодежь, политическое участие, НИКТ, социальные сети, краудсорсинг, троллинг

New Information and Communication Technologies as a Factor in Increasing the Youth Political Participation

Mikhaylova V. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; mikhaylovavika@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the political participation of young people, connected with the use of new information and communication technologies, is increasing nowadays. The article deals with two opposite concepts of the scientific discourse of the youth political participation. Much attention is given to the main factors of activating the participation of young people in the political process.

Keywords: Internet space, youth, political participation, NICT, social networks, crowdsourcing, trolling

Современное общество характеризуется все более возрастающим вниманием в исследовании применения новых информационно-коммуникационных технологий (НИКТ) в политическом процессе, в частности в сфере политического участия молодежи. За последнее десятилетие существенно активизировалась деятельность политических акторов по созданию, использованию и регулированию информационно-коммуникационных технологий.

Благодаря интернету молодежь может получать информацию о политических партиях, органах государственной власти и местного самоуправления, общественных движениях и других участников политического процесса в сжатые сроки и из любой точки мира. Причем интерактивная составляющая «всемирной сети» позволяет отправлять самые разные сообщения, в том числе и политического содержания, и оперативно получать ответы непосредственно из органов государственной власти в режиме онлайн. Отличительной чертой от традиционных каналов коммуникации является то, что интернет аккумулирует в себе плюсы каждого из них, тем самым, приобретает преимущества в способе подачи сообщений, восприятии передаваемой информации и направленности информационного потока [1, с. 27].

Научный дискурс политического участия молодежи включает две противоположные концепции. С одной стороны, ряд ученых — А. Фурлонг, Р.Х. Кимберли, М. Хэнн, Н. Фоард, Ф. Картмел и др. — называют молодых людей аполитическими предвестниками зарождающегося «кризиса демократии». Дискуссии сводятся к уменьшению политического интереса, падению участия и низкой явке на выборах.

С другой стороны, молодые люди объявляются «новаторами политики» в части создания сложных новых форм участия, особенно в интернете (С. Коулман, А. Харрис, Дж. Вин и др.). Проведя ряд количественных и качественных эмпирических исследований, ученые поставили под сомнение преобладающий тезис о политической апатии и утверждают, что молодые люди заинтересованы в политических вопросах и принимают участие в различных формах политических действий.

В этой связи уместно упомянуть результаты исследования профессора из университета Мангейма Яна ван Дета, показывающие, что молодежь не проявляет интереса к политической организации и «институционализированным формам участия», а, наоборот, заинтересована только в специфических формах активности (например, социальные сети, волонтерство) [3, с. 148].

Как справедливо отмечает В. Ланс Беннетт, политическое участие молодых людей в основном ограничивается новыми формами участия, поскольку традиционная политика кажется неподходящей и неспособной решать проблемы, связанные с современной молодежной культурой [9, с. 10].

Схожей позиции придерживается ряд ученых, таких как С. Коулман, А. Харрис, Дж. Вин и С. Юнес в том, что интернет также важен для молодежи как пространство повседневного участия, потому что он используется как социальное, нерегулируемое молодежное пространство. Молодежь рассматривает интернет как неформальное место для выражения своих политических взглядов в общественной сфере [10; 12].

Можно утверждать, что происходит отход молодого поколения от традиционных форм участия (членства в партиях, участия в выборах и др.) к альтернативным формам, таким как онлайн-подписание петиций, присоединение к бойкотам и протестам, участие в демонстрациях [17, с. 532].

Так «всемирная сеть» может быть применена для сбора подписей, в частности с применением технологии краудсорсинга, что значительно упрощает достижение поставленных целей. Полноценное использование политического краудсорсинга в России позволило гражданам внести свои предложения в законы «О полиции» и «Об образовании». Более того, 4 марта 2013 г. был запущен интернет-ресурс «Российская общественная инициатива», предоставляющий гражданам возможность выдвигать свои предложения по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. По данным на начало 2018 г. было принято 28 инициатив из 12 193¹, одними из успешных являются проекты ОНФ «За честные закупки» и отмена «закона Яровой».

Исходя из этого можно констатировать, что НИКТ стали платформой коммуникации между гражданами, в частности молодежью, и государством, где у молодых людей есть возможность обсуждать информацию, оказывать воздействие на политическую повестку дня, а у власти — выявлять очаги общественно-политического, социально-экономического и/или национально-демографического напряжения, устанавливать причины возникновения и своевременно принимать меры по их локализации и решению.

Наиболее эффективным инструментом политического участия молодежи являются социальные сети, которые характеризуются наличием интерактивности, т. е. си-

¹ Российская общественная инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения: 20.04.2018).

стемы обратной связи, возможностью произвести оценку эффективности обратной связи (лайки, комментарии, ретвиты, репосты), высокой доступностью и широкой распространенностью, использованием мультимедийных технологий, что определяет их потенциал в обеспечении многообразных форм политического участия [8, с. 8].

Особое значение в свете применения социальных сетей приобретает разработка эффективных техник организации политического протеста. Стоит отметить, что протестные движения в Соединенных Штатах, Испании, Турции и Украине демонстрируют, что платформы социальных сетей, такие как Twitter и Facebook, действительно служат важными инструментами для обмена информацией и координации коллективных действий, в частности, распространение хэштегов в Twitter (например, OWS — оккупируйте Уолл-стрит, Январь25 — протесты в Египте, Евромайдан — протестная акция в Украине).

Собственные наблюдения и специальные исследования Т. Дж. Джоста, М. Лангера, М. Мецгера, Дж. Наглера, Дж. Стерлинг, А. Дж. Такера и др. в этой области показали, что, во-первых, информация, которая жизненно важна для координации мероприятий протеста, такая как наличие транспорта, явка участников, присутствие полиции, быстро и эффективно распространяется через каналы социальных сетей. Во-вторых, платформы социальных сетей также передают эмоциональные и мотивационные сообщения как в поддержку протестной активности, так против нее; к ним относятся сообщения, в которых подчеркивается нравственное негодование, проблемы социальной справедливости и лишений, а также явно идеологические вопросы [14, с. 85–100].

Актуальными примерами для понимания всей сложности данного инструмента являются применения социальных сетей в дискредитации и свержении авторитарных политических режимов стран Северной Африки и Ближнего Востока, а также использование в период федеральных избирательных кампаний 2011–2012 гг., когда неожиданно увеличился уровень протестной политической активности российского общества. Одним из недавних примеров применения социальных сетей являются митинги, прошедшие в Москве и Санкт-Петербурге (30 апреля; 01 мая 2018 г.) против блокировки Telegram, в ходе которых были выдвинуты требования о прекращении блокировки мессенджера и всех пострадавших сервисов до 5 мая, об отмене «закона Яровой», а также о роспуске Роскомнадзора. Организатором выступила Либертарианская партия России, создавшая в социальных сетях ВКонтакте и Facebook, в мессенджере Telegram страницы митинга. В результате активности в социальных сетях (репосты, комментарии, лайки, приглашение друзей в группы) было собрано более 12 000 человек [7].

Своего рода «ответом» государственных органов на политические «вызовы» (использование социальных медиа потенциальными диссидентами) стало формирование ими инструментов по выявлению и подавлению протестных акций. Например, китайское правительство стало мировым лидером в цензуре Интернета, используя технологии для выявления и пресечения попыток организовать публичные собрания и демонстрации, при этом допускается критика правительства, по-видимому, чтобы можно было бы контролировать общественное мнение.

Кроме того, важно подчеркнуть, что с помощью НИКТ политики, кандидаты политических партий, оппозиционеры используют свои собственные веб-сайты и социальные сетевые профили, чтобы донести практически любое сообщение до молодежной аудитории, тем самым сформировать определенное общественное мнение по политическим вопросам. Точно так же в основных электронных средствах массовой информации больше нет монополии на политические комментарии, так как любой молодой человек может создать блог, опубликовать статью или видео в социальных сетях. Политические активисты также могут объединиться в сети.

Следующей распространенной интернет-технологией обмена политической информацией является блог. Известно, что всего в мире насчитывается более 133 млн блогов, из которых 5% русскоязычные.

В этой связи актуальность приобретает рассмотрение такой новой технологии, как троллинг, влияющей на общественное сознание.

Известно, что общение в социальных сетях предполагает обмен сообщениями между участниками, комментирование сообщений друг друга, распространение информации и собственных комментариев, а также комментариев других пользователей.

Интересно отметить, что большинство пользователей сети относятся к комментариям как возможному выражению мнения. По данным исследования Сыктывкарского государственного университета 34% респондентов признались, что всегда читают комментарии, и только 16% — не обращают на них внимания [5].

Многие участники сетевого общения, руководствуясь целью собственного развлечения или увеселения, либо стремясь нарушить сложившиеся отношения и создать конфликтную ситуацию, распространяют заведомо ложные, провокационные сообщения и комментарии. Такая форма социальной провокации или «издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации» является троллингом [2, с. 48].

Важно отметить, что в последнее время троллинг широко используется для формирования общественного мнения и внедрения определенных политических идей в сознание масс, т. е. является механизмом политических манипуляций, особенно в молодежной среде [6, с. 207]. Особенно опасными становятся действия, направленные на разжигание национальных и религиозных конфликтов.

Тролли обычно стараются создать дискурсы на дискредитацию политических лидеров, проводят идеологическую работу, создают конфликтные ситуации на религиозной или национальной почве, которые могут перерасти в реальные движения, митинги, акции и конфликты. Стимулирование молодежи на протестное выступление в некоторых случаях приводит к созданию анархии и хаоса. Работа троллей направлена на подрыв политической системы изнутри.

В качестве иллюстрации рассмотрим информационную войну, разворачивающуюся в Сирии, в ходе которой применяется ряд методов, классифицируемых как политический троллинг. Так, новостные электронные издания, телевизионные выпуски транслировали различную информацию, способствующую либо разжиганию ненависти к террористам, либо введению в заблуждение молодежи относительно правоты и действий участников конфликта. Вместе с тем в период ведения Россией операции в Сирии многие эксперты занимались провокацией и политическим троллингом, заявляя о нехватке средств федерального бюджета на ведение военной операции. В сложившейся ситуации власти быстро отреагировали, так министр финансов, а затем глава правительства сообщили, что «действия российских вооруженных сил в Сирии полностью покрываются средствами, уже выделенными в рамках бюджета 2015 г. на национальную оборону, и дополнительных бюджетных ассигнований не предвидится» [4, с. 161].

Таким образом, важнейшей проблемой остается выявление применения технологии троллинга и ее нейтрализация.

Новые информационно-коммуникационные технологии, такие как социальные сети, блоги, троллинг, краудсорсинг и другие, определяют специфику распространения и формы потребления политической информации, а также влияют на создание альтернативных форм политического участия, вовлекая все больше молодежь в политический процесс.

К альтернативным формам политической активности молодых людей можно отнести: знакомство с политическими новостями, подписка на рассылку политических новостей, онлайн-переписку с политическими деятелями в социальных сетях и по электронной почте, а также высказывания собственной политической позиции в комментариях, постах, участие в политических дискуссиях на форумах и в чатах, голосование за кандидатов в онлайн-опросах, финансовые взносы в поддержку кандидата и др., которые открывают новые возможности для участия молодежи в принятии общественных и политических решений.

В настоящий момент участие является важным элементом гражданства в демократическом обществе и, прежде всего, отмечается значимость участия молодежи с целью «содействия выработки активной гражданской позиции молодежи, ее интеграции и укрепления вклада в развитие демократии» [16]. Отсюда следует, что активное участие молодежи в принятии решений на местном, региональном и национальном уровнях имеет первостепенное значение для создания более демократичных и процветающих обществ.

Все более широкое использование НИКТ в жизни молодых людей, несомненно, создало новые способы общения, обмена опытом и усиления голоса молодежи. Для многих молодых людей использование цифровых медиа и участие в социальных сетях являются общей частью их повседневной жизни, а применение НИКТ открывает новые возможности для участия в принятии общественных решений.

Более того, распространение необходимой информации в «сети» может привлечь молодежь к виртуальному и, немаловажно, реальному политическому участию.

Литература

1. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб. : Изд. Михайлова В. А., 2001.
2. *Внебрачных Р. А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1. С. 48–51.
3. *Железняков А. С., Литвинова Т. Н.* Политическое участие молодежи (к итогам Международной научной конференции в г. Монреале) // Социологические исследования. 2016. № 12, декабрь. С. 148–149.
4. *Ильин А. А.* Политический троллинг и геополитические проблемы (на примере ближневосточных конфликтов) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2. С. 160–165.
5. *Кузнецова Ю.* Троллинг: свободное мнение или интернет-хамство? // Официальный сайт ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» [Электронный ресурс]. URL: <https://syktsu.ru/news/19494> (дата обращения: 01.05.2018).
6. *Михайлова В. В.* Информационно-коммуникационные технологии как средства политической манипуляции // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. Т. 4. Вып. 4 (31). С. 206–212.
7. *Мухаметшина Е., Коржова Д.* Митинг против блокировки Telegram в Москве собрал более 12 000 человек // Электронное периодическое издание «Ведомости» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/04/30/768321-miting-protiv-blokirovki-telegram> (дата обращения: 27.04.2018).
8. *Парфенова Ю. В.* Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве: автореф. дис. ... к. п. н. Санкт-Петербург, 2016.
9. *Bennett W. L.* Changing Citizenship in the Digital Age. Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth. Cambridge, MA : The MIT Press, 2008. P. 1–24.
10. *Coleman S.* Digital Voices and Analogue Citizenship: Bridging the Gap between Young People and the Democratic Process // Public Policy Research. 2007. Vol. 13 (4). P. 257–261.
11. *Furlong A., Cartmel F.* Young People and Social Change, New Perspectives, 2nd edition. Berkshire: Open University Press. 2007. 185.

12. Harris A., Wyn J., Younes S. Beyond apathetic or activist youth 'Ordinary' young people and contemporary forms of participation // *Nordic Journal of Youth Research*. 2010. Vol. 18 (1). P. 9–32.
13. Henn M., Foard N. Social differentiation in young people's political participation: the impact of social and educational factors on youth political engagement in Britain // *Journal of Youth Studies*. 2014. Vol. 17:3. P. 360–380.
14. Jost T. J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // *Advances in Political Psychology*. 2018. Vol. 39. Suppl. 1, P. 85–118.
15. Kimberlee R. H. Why Don't British Young People Vote at General Elections? // *Journal of Youth Studies*. 2002. Vol. 5, N 1. P. 85–98.
16. Lihong H. EU-CoE Youth Partnership policy sheet: Citizenship, participation and information // European Knowledge Centre for Youth Policy. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://rjp-eu.coe.int/en/web/youth-partnership/citizenship-participation-and-information> (дата обращения: 04.05.2018).
17. Sloan, J. Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2016. Vol. 18 (3). P. 521–537.

Об авторе:

Михайлова Виктория Владимировна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mikhaylovavika@mail.ru

References

1. Vershinin M. S. Political communication in information society. SPb.: Mikhaylov V. A. Publishing house, 2001. 253 p. (In rus)
2. Vnebrachnykh R. A. Trolling as a form of social aggression in virtual communities // *Bulletin of the Udmurt University. Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogics [Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika]*. 2012. Issue 1. P. 48–51. (In rus)
3. Zheleznyakov A. S., Litvinova T. N. Political participation of youth (to results of the International scientific conference in Montreal) // *Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 2016. N 12, December. P. 148–149. (In rus)
4. Ilyin A. A. Political trolling and geopolitical problems (on the example of the Middle Eastern conflicts) // *Caspian region: policy, economy, culture [Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura]*. 2016. N 2. P. 160–165. (In rus)
5. Kuznetsova Yu. Trolling: free opinion or Internet rudeness? // *Official site of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University [Electronic resource]*. URL: <https://syktsu.ru/news/19494> (date of the address: 01.05.2018). (In rus)
6. Mikhaylova V. V. Information and communication technologies as means of political manipulation // *Scientific works of NWIM of RANEPa [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]*. 2017. V. 4, issue 4 (31). P. 206–212. (In rus)
7. Mukhametshina E., Korzhova D. The meeting against blocking of Telegram in Moscow brought together more than 12 000 people // *Electronic periodical Vedomosti [An electronic resource]*. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/04/30/768321-miting-protiv-blokirovki-telegram> (date of the address: 27.04.2018). (In rus)
8. Parfenova Yu. V. Network forms of political participation in modern Russia and former Soviet Union. Dissertation *abstract*. St. Petersburg, 2016. 20 p. (In rus)
9. Bennett W. L. *Changing Citizenship in the Digital Age*. Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth. Cambridge, MA : The MIT Press, 2008. P. 1–24.
10. Coleman S. Digital Voices and Analogue Citizenship: Bridging the Gap between Young People and the Democratic Process // *Public Policy Research*. 2007. Vol. 13 (4). P. 257–261.
11. Furlong A., Cartmel F. *Young People and Social Change, New Perspectives*, 2nd edition. Berkshire: Open University Press. 2007. 185 p.
12. Harris A., Wyn J., Younes S. Beyond apathetic or activist youth 'Ordinary' young people and contemporary forms of participation // *Nordic Journal of Youth Research*. 2010. Vol. 18 (1). P. 9–32.

13. Henn M., Foard N. Social differentiation in young people's political participation: the impact of social and educational factors on youth political engagement in Britain // *Journal of Youth Studies*. 2014. Vol. 17:3. P. 360–380.
14. Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // *Advances in Political Psychology*. 2018. Vol. 39. Suppl. 1, P. 85–118.
15. Kimberlee R. H. Why Don't British Young People Vote at General Elections? // *Journal of Youth Studies*. 2002. Vol. 5, N 1. P. 85–98.
16. Lihong H. EU-CoE Youth Partnership policy sheet: Citizenship, participation and information // European Knowledge Centre for Youth Policy. 2015. [An electronic resource]. URL: <https://pjp-eu.coe.int/en/web/youth-partnership/citizenship-participation-and-information> (date of the address: 04.05.2018).
17. Sloam J. Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2016. Vol. 18 (3). P. 521–537.

About the author:

Viktoria V. Mikhaylova, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); mikhaylovavika@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты Results (Результаты)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Discussion (Обсуждение)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Ссылки (список литературы)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А.В. Виленский называет его «своего рода “золотым легионом” постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г.Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ **статьи в научных журналах:**

1. Кириленко В.П., Дронов Р.В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В.А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ **архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):**

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А.В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2018. № 10(118) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.10.2018.
Подписано к печати 15.10.2018.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,51. Тираж 200 экз.
Заказ № 10/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97